

Учебник
Воронежского
государственного
университета

А. В. Глухова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 32(075.8)
ББК 66.042я73
Г55

Рецензент

доктор политических наук, профессор *В. А. Смышляев*

Глухова А. В.

Г55 Политические процессы : учебное пособие / А. В. Глухова ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2009. – 280 с.
ISBN 978-5-9273-1540-6

Учебное пособие посвящено одному из ключевых и наименее разработанных разделов вузовского курса политологии – политическим процессам и политическим конфликтам и кризисам. Оно включает девять тематически связанных лекций, снабженных контрольными вопросами и перечнем дополнительной литературы. Автором использованы работы ведущих представителей зарубежной и отечественной политической науки, а также социологов, философов, историков, исследующих проблемы политических процессов в России и современном мире. Особое внимание уделяется определению ключевых понятий, выделению типов и моделей развертывания политических процессов, политических конфликтов и кризисов, а также способов и методов их разрешения.

Для студентов-политологов, аспирантов по специальности 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии, а также студентов других специальностей, интересующихся проблемами современной политики.

УДК 32(075.8)
ББК 66.042я73

© Глухова А. В., 2009

© Воронежский государственный университет, 2009

© Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2009

ISBN 978-5-9273-1540-6

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Лекция 1 Политические процессы	6
Лекция 2 Электоральные процессы	37
Лекция 3 Политические конфликты	64
Лекция 4 Способы и методы урегулирования политических конфликтов	89
Лекция 5 Кризисы политических режимов.....	127
Лекция 6 Политическая стабильность и политические изменения	153
Лекция 7 Демократический транзит как политический процесс.....	176
Лекция 8 Международные конфликты	206
Лекция 9 Мировой политический процесс	238
Заключение	277

ВВЕДЕНИЕ

В структуре политического знания и в учебном курсе политологии проблематика политических процессов занимает особое место. Издавна традиционным в политической науке, особенно европейской, считалось повышенное внимание к институционально-правовым аспектам политики, в первую очередь к институтам государственной власти, управления, принципам формирования и деятельности политических партий, общественных движений и т. д. Эта традиция свойственна и отечественной политической науке как дореволюционного, так и советского периода. Правда, в советское время, в рамках преобладавшей тогда марксистской парадигмы, наряду с институтами (прежде всего, государством) пристальный интерес исследователей вызывали такие макропроцессы, как классовые конфликты, социальные и политические революции и т. п. Отсюда довольно устойчивая традиция рассматривать политические процессы преимущественно как масштабные и радикальные по своим последствиям политические изменения. Причины такого подхода вполне объяснимы: в нашей стране в тот период не было политики в ее обычном, “нормальном” понимании – как открытого, публичного взаимодействия, соперничества и противоборства различных политических сил за право предлагать обществу собственный вариант развития и, в случае получения необходимой поддержки, реализовывать его. Отсюда сложности в понимании и определении того, что составляет самую суть и неотъемлемую черту политики, ее интенциональное, “природное” начало – конфликта и консенсуса, стабильности и изменения как постоянно следующих друг за другом состояний, формы которых совсем не обязательно должны быть насильственными и экстремистскими.

В последнее время проблематике политических процессов уделяется заметно большее, чем прежде, внимание. Однако подходы авторов существенно разнятся как в общеметодологическом, так и в теоретическом плане, поэтому сложно составить себе ясное и четкое представление о сущности, структуре, субъектах, типах политических процессов. Особенно это касается перехода от авторитаризма к демократии (демократического транзита), а также мирового политического процесса. Не получили пока необходимой научной разработ-

ки и соответствующего изложения в учебной литературе проблемы соотношения стабильности и политических изменений.

Практика преподавания политологии в последние годы показывает, что эти проблемы являются весьма сложными для восприятия и усвоения студентами в учебном курсе. Поэтому автор поставил себе задачу систематизировать и обобщить имеющиеся точки зрения по указанной проблематике и предложить собственные выводы относительно специфики проявления и развертывания политических процессов в России. Хотелось бы надеяться, что предлагаемое пособие поможет студентам разобраться в сложных хитросплетениях современного политического развития, даст необходимые ориентиры для анализа возникающих в России и мире политических противоречий и конфликтов, послужит импульсом к собственным размышлениям и выводам.

Лекция 1 ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Понятие “политический процесс” принадлежит к числу ключевых и наиболее употребительных терминов политологического словаря. Вместе с тем его трактовки достаточно разнообразны, а употребление не всегда отличается научной строгостью. В подавляющем большинстве случаев под политическим процессом понимается просто политика, противопоставленная какой-то другой сфере общественной жизни – экономике, социальным, социокультурным процессам и т. д. Тем самым подчеркивается принципиальная особенность политики и несводимость ее ни к какому другому виду человеческой деятельности.

С другой стороны, политический процесс довольно часто отождествляют с правовым, что само по себе ошибочно: политика как последовательные действия, связанные с властью, не обязательно детально и однозначно регулируется нормами права. Нередко политические решения и действия изменяют или вовсе отменяют существующие правовые нормы, навязывая в качестве обязательной волю господствующей политической силы. Поэтому необходимо уточнить совокупность значений понятия “политический процесс”, выявить основные характеристики и типы политических процессов, их специфику в современной России.

1. Понятие, содержание и структура политического процесса

Под процессом вообще (от лат. *processio* – “продвижение”) обычно понимается ход какого-то явления. Последовательная смена его состояний, стадий развития, а также совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата¹. В науке процессуальный подход дает возможность исследовать явления и факты в динамике, развитии, движении; определять изменения во времени, выяснять стадии, направления, интенсивность,

¹ См.: Словарь иностранных слов / под ред. А. Г. Спиркина и др. М., 1980. С. 417.

тенденции этих изменений, принятие определенных решений и осуществление операций. В научном анализе процессами обычно называют относительно однородные серии явлений, связанные взаимными причинными или структурно-функциональными зависимостями. Социальными процессами называют серию явлений взаимодействия людей друг с другом, или серию изменений, происходящих в организации и структуре групп. Серия социальных явлений может быть понята как процесс, если она сохраняет идентичность во времени, позволяющую выделить ее из других серий, если предшествующие явления обуславливают хотя бы частично следующие за ними явления и если они вызывают определенное однородное положение вещей². Так, к числу социальных процессов можно отнести социализацию, воспитание или развитие любой целевой группы, адаптацию к новым условиям внешней среды и т. п.

Что касается политического процесса, то его можно представить себе как серию следующих друг за другом дискретных (прерывистых) состояний политической реальности. Каждое из них может быть разделено на элементы и структурно-функциональные связи между ними. Политический процесс в таком понимании предстает как динамическое измерение политической жизни, заключающееся в воспроизводстве компонентов политической системы общества, а также в изменении ее состояния; активность политических субъектов, связанная с борьбой за власть и оказанием влияния на властные структуры.

Выделяют три уровня политического процесса:

Макроуровень связан с воспроизводством политической системы в целом, ее основных институтов – законодательной, исполнительной, судебной ветвей власти федерального или национального уровня.

Мезоуровень включает мезосубпроцессы регионального уровня: политические события в регионах, взаимодействие центральных и местных властей с региональными властями; воспроизводство региональных элит и политических систем.

² См.: Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 194.

Микроуровень включает совокупность микросубпроцессов, составляющих локальный политический субпроцесс.

Содержание политического процесса может быть различным. Оно может быть связано с реформой политической системы, разработкой какой-либо концепции развития, формированием общественного мнения по той или иной проблеме, затрагивающей интересы власти и общества, проведением выборов и т. д. Отсюда такие разнообразные по содержанию процессы, как демократизация, модернизация, трансформация, централизация, реформирование и т. д.

Структуру политического процесса обычно определяют как совокупность взаимодействий между акторами, а также их логическую последовательность. Следовательно, элементами структуры политического процесса являются, во-первых, его субъекты, движимые собственными политическими интересами; во-вторых, их действия в политическом поле; в-третьих, отношения, сложившиеся между субъектами политики (союзнчества, соперничества, конфликта и т. д.).

Наряду со структурой выделяют еще **параметры** политического процесса. Они включают в себя временные и пространственные единицы измерения политического процесса, а также факторы, влияющие на политические изменения, и нормы, регулирующие отношения между участниками процесса. Факторы могут быть как внутренними (характеристики субъектов, взаимоотношения между ними, распределение властных ресурсов и т. д.), так и внешними (социально-экономическое положение, социокультурная ситуация, мировые тенденции и т. д.).³

Ведущими субъектами политического процесса на разных его уровнях могут быть государства, союзы государств, нации, классы, политические партии, элиты, лидеры и т. д. Субъект политического процесса определяется при помощи таких показателей, как потенциал (степень организованности, объем ресурсов), виды действий

³ См.: Исаев Б. А., Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России: Учебное пособие. СПб., 2008.

(насильственные / мирные), поведенческие стратегии и способы взаимодействия (конкуренция, конфронтация, компромисс и т. д.).

2. Теории политических процессов

Существуют различные подходы к определению характера и содержания политического процесса. Его анализ зависит от выбранного метода исследования: на микроуровне анализируется специфика индивидуального политического поведения; на макроуровне – взаимодействие политических институтов или функционирование политической системы в целом. Групповой плюрализм и системный холизм, то есть индуктивный и дедуктивный способы анализа политического процесса, и сегодня остаются двумя основными парадигмальными оппозициями в его анализе.

Хотя проблемы политических изменений, кризисов и разрушения политических режимов всегда находились в центре внимания политических мыслителей, первые социологические концепции политического процесса появляются в XIX – начале XX века. Первой дедуктивной теорией стал **марксизм**. **К. Маркс** трактовал политический процесс преимущественно как классовую борьбу, сопровождавшую всю человеческую историю. Вершинами этой борьбы становились политические и социальные революции – локомотивы истории. Особое внимание К. Маркс и его друг и соратник **Ф. Энгельс** уделяли анализу современных им политических процессов первой половины XIX века, что нашло отражение в ставших классическими работах “Классовая борьба во Франции”, “Революция и контрреволюция в Германии”, “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”, “Гражданская война во Франции” и др.

Современный этап исследований политического процесса открывается в начале XX столетия микротеориями **А. Бентли** и **В. Парето**. Именно концепция циркуляции и круговорота элит, разработанная в “Трактате по общей социологии” В. Парето, стала первой микротеорией, положившей начало современной социологии политического процесса. Однако настоящую революцию в развитии теории произвела работа А. Бентли “Процесс управления” (1908), в которой впервые была подробно разработана концепция

групп интересов (или “заинтересованных групп”). А. Бентли предложил иную трактовку политического процесса – как взаимодействия групп интересов в борьбе за государственную власть. Ему принадлежит создание одной из первых немарксистских концепций динамики социального процесса и интерпретации политического процесса как взаимного давления социальных групп в борьбе за государственную власть. При этом правительство выполняет специфическую функцию арбитра, регулирующего конфликты соперничающих групп. В рамках этого подхода политический процесс рассматривается в двух основных плоскостях:

- в неформальной, являющейся реальной из-за первичности группы как политического субъекта;
- в производной, официально – институциональной форме, представляющей собой проекцию групповых интересов, в силу чего государственные институты выступают лишь как один из многих видов “групп интересов”.

Новаторским подходом А. Бентли в исследовании политического процесса стало его утверждение о том, что изучение политики не должно сводиться к описанию законодательных норм и формальных моментов политической организации общества; прежде всего оно предполагает изучение действий людей, добровольно объединяющихся в группы, направленных на достижение политических целей. “Поведение, личность, убеждение индивида могут рассматриваться только в контексте его деятельности в какой-либо группе”⁴. Согласно А. Бентли, группа – это объединение граждан, рассматриваемых не как абстрактная физическая единица общества, а как массовая деятельность, которая не связывает индивида участием только в одной группе, но допускает его деятельность и во многих группах. Нет такой группы, у которой не было бы своего интереса. Группа без интереса не существует.

Важной вехой в развитии теории групп интересов стало исследование Д. Трумэна “Управленческий процесс. Политические интересы и общественное мнение” (1951). Д. Трумэн рассматри-

⁴ Цит. по: Бакун Л. А. Группы в политике: К истории развития американских теорий // Политические исследования. 1999. № 1. С. 163.

вал пространственно-временные характеристики политического процесса как своеобразную групповую социальную динамику, волнообразный цикл перехода через нестабильные групповые взаимодействия к установлению относительного равновесия в форме либо старой, либо новой модели баланса между группами. Тем самым политический процесс рассматривался им как процесс групповой конкуренции в борьбе за власть над распределением ресурсов, а само общество – как множество групп, взаимодействующих друг с другом. Если группа интересов в своем стремлении достичь целей действует через правительственные структуры, оказывает давление на правительство, она становится политической группой. Группа давления – это та же самая группа интересов, но обладающая некоторыми специфическими чертами или находящаяся в некотором специфическом состоянии и осуществляющая определенную деятельность в сфере политических отношений. По существу, группа давления есть дополнительное качество группы интересов, которая оказывает давление на властные структуры⁵. Таким образом, Д. Трумэн обогатил теорию политического процесса обстоятельной разработкой идеи смены равновесия и неустойчивости интересов, а также стабильности общества, определяемого им как устойчивый тип группового взаимодействия.

Концепции А. Бентли и Д. Трумэна оказали заметное влияние на *системные теории* в американской политической науке, рассматривавшие политический процесс как процесс воспроизводства политических систем (Д. Истон, Г. Алмонд, К. Дойч). Но еще большее влияние они оказали на теорию избирательного (электорального) процесса как конкурентной борьбы за голоса избирателей, которую ведут политические элиты. Основоположителем этой теории является **Й. Шумпетер**.

Существенную роль в исследовании политических процессов играют также *институциональный* и *бихевиоралистский подходы*. В рамках институционального подхода изучаются основные субъекты политического процесса – политические институты.

⁵ См.: Белов А. А., Елисеев С. М. Политические процессы и институты в современной России. СПб., 2006. С. 16.

Классические институционалисты изучали формально-правовые аспекты государственного управления. Современные неинституционалисты понимают под институтом не столько государственные учреждения и организации, сколько нормы, правила, установки, вообще устойчивые формы организации политического процесса, определяющие деятельность, поведение людей, состояние политической системы и всего общества. Представители *неинституционализма* в политологии – М. Дюверже, С. Липсет, П. Блау, Ч. Р. Миллс, Б. Мур и др.

Бихевиоралисты, напротив, делают акцент не на политические институты, а на механизмы осуществления власти. Их предмет анализа – политическое поведение на индивидуальном и социально-агрегированном уровне. В поле внимания бихевиористов – многочисленные аспекты политического процесса, связанные с политическим поведением: лидерство, деятельность политических партий и групп интересов, электоральное поведение, конвенциональная/неконвенциональная активность и т. п. Бихевиоралистский подход представлен, в первую очередь, учеными Чикагской школы (США) – Ч. Мерриамом, П. Лазарфельдом, Г. Лассуэллом и т. д.

В настоящее время весьма популярной и на Западе и в России является *теория рационального выбора*. Она изучает человека как независимого, активного политического актора с учетом характера его установок, выбора оптимального поведения и других характеристик. Человек воспринимается как рациональное и эгоистичное существо, действующее в интересах собственной выгоды. Целью анализа является поиск таких условий политической игры, при которых ее участники выбирают определенные стратегии поведения, выгодные и для них и для других. Данный подход используется для анализа парламентской деятельности, формирования коалиций, поведения избирателей, международных отношений, а также для моделирования политических процессов и т. д. Основные представители этого подхода: Э. Даунс, М. Олсон, Д. Блэк, Г. Таллок и др.

Для современной политической науки Запады в большей степени характерен подход к политическому процессу как к опре-

деленному стилю политики. Стиль политики – это совокупность стандартных процедур выработки и принятия решения, то есть некая идеальная и рациональная сторона политического процесса, регулируемая господствующими нормами и определяющая конкретный политический процесс (или линию, курс политики) и соответствующие методы его поддержания или осуществления.

Такая трактовка политического процесса основана, во-первых, на оценке подхода правительства к решению политических проблем и, во-вторых, на его отношениях с другими участниками политического процесса. Первая характеристика отражает активную или пассивную позицию правительства, его готовность действовать, предвосхищая события и, соответственно, прогнозируя их, или же всего лишь реагировать на происходящее. Вторая характеристика отражает *манеру принятия* политического решения: *консенсусом* или *давлением*, когда решение навязывается правительством. В результате мы получаем разные стили политики или разные типы политических процессов. Так, например, для ФРГ характерен *переговорный политический стиль*, кульминацией которого стала знаменитая политика “концентрированного действия” (то есть соединение усилий правительства, предпринимательских организаций и профсоюзов), проводившаяся правительством социал-либеральной коалиции Г. Шмидта в 70–80-х годах. В Австрии этот стиль называется *трипартизмом*. Особенностью британского политического стиля является его *реагирующий характер* и *функциональная автономия* различных сфер британской политики. Но временами в эту рутинную работу, формировавшуюся веками, вторгаются авторитарные формы политики вроде курса М. Тэтчер, включающего изоляцию меньшинства (например, профсоюзов) и навязывание ему решений при отказе от переговоров. Для Франции характерен дуализм политических стилей: *реагирующего* (который преобладает) и *активного интервенционистского стиля*, навязываемого неформальной политической элитой.

Одну из наиболее любопытных теорий политического процесса предлагает известный немецкий политолог **Манфред Хёттих** в своей книге “Теория политических процессов”. По его мне-

нию, политический процесс – это, во-первых, процесс выработки и принятия решений в демократической системе; во-вторых, это формирование политического большинства и возникновение консенсуса в обществе; в-третьих, это различные типы отношений между управляющими и управляемыми; и, наконец, в-четвертых, это трансформации политического порядка⁶. Нетрудно заметить, что внимание автора обращено к *макрополитическим процессам*, затрагивающим механизмы функционирования политической системы в целом, а не только отдельных ее звеньев. Сходную трактовку политического процесса предлагают и известные российские ученые **А. И. Соловьев** и **В. П. Пугачев**: “Политический процесс представляет собой совокупность действий институционализированных и неинституционализированных субъектов по осуществлению своих специфических функций (дисфункций) в сфере власти, и, в конечном счете, ведущих к развитию или упадку политической системы общества”⁷.

Другой российский автор **О. Н. Смолин** предлагает использовать для анализа политического процесса *метод политико-ситуационного анализа*, то есть выявление характеристик и закономерностей исторических ситуаций; использование одной из них в качестве критерия; прогнозирование на основе имеющихся данных основных сценариев развития исторической ситуации и наиболее вероятного из них. Этот метод удачно подходит для анализа переходных политических процессов в конце XX – начале XXI века.

В последнее время в исследовании политических процессов весьма популярным становится *дискурсивный подход* (**Ю. Хабермас**, **Н. Луман**). Основы теории политического дискурса были заложены в 50-е годы XX века представителями кембриджской и оксфордской философских школ, которые анализировали лингвистический контекст общественной мысли. Уделялось внимание не только содержательным аспектам, но и технике анализа политического дискурса; шло становление новой методологии анализа политических процессов. Политика предстает как осо-

бая семиотическая система, сконструированная по определенным законам и правилам, в рамках которой происходит осмысленное взаимодействие ради целедостижения. Тем самым она выводится на качественно иной уровень, уровень коммуникации, общения. Политический дискурс-анализ – это не анализ межличностного диалога, а анализ социального диалога, происходящего в политике как семиотической системе посредством социальных институтов между властью и социальными группами общества, а также между самими социальными институтами, принимающими участие в диалоге⁸.

Политический дискурс представляет собой арену борьбы за доминирование в политическом пространстве в его семантической или символической формах. Политическая практика и политическая речь объединены властью в единую систему. Язык политики есть мощное средство символического подчинения и господства. Только с помощью языка можно осуществлять манипуляцию общественным сознанием. Подчинять себе социальные группы и целые народы. Политика в современном обществе все больше становится языковой деятельностью, с помощью которой общество информируется о существующих социальных и политических проблемах, о предлагаемых программах действий по их решению, и формируются убеждения граждан о необходимости принять участие в самих действиях. Исследование политики методами дискурсивного анализа является новым и перспективным направлением, развитие которого позволяет глубже понять социальные и когнитивные аспекты политических процессов, выявить коммуникативные и символические свойства власти.

Таким образом, несмотря на обилие различных научных подходов к понятию “политический процесс” (как к взаимодействию, изменению, стилю политики и т. д.) его ось, центральный элемент составляет процесс выработки, принятия и реализации политических решений. Ведь различные действия субъектов политики: участие в выборах или организация заговоров, деятельность легальных партий или бунты, восстания, революции и т. д. – в конечном счете

⁶ См.: Hattich M. Theorie der politischen Prozesse. Mainz: v. Hase Kohler, 1972. S. 116.

⁷ Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М., 1998. С. 383.

⁸ См.: Белов А. А., Елисеев С. М. Указ. соч. СПб., 2006. С. 35–36.

объединены одной и той же внутренней потребностью – повлиять на принимаемые властью политические решения либо самим прийти к власти, чтобы проводить в жизнь собственные решения.

Политические решения призваны интегрировать различные интересы граждан и формировать определенную систему общенациональных целей – политическую волю общества. Ее формирование осуществляется посредством взаимодействия официальных органов и институтов власти, групп интересов и общественных организаций: профсоюзов, средств массовой информации и т. д. Однако центральную роль играют высшие институты государственной власти, поскольку именно они выступают главным механизмом принятия и реализации решений. От их деятельности зависит степень централизации власти и распределения полномочий между группами, участвующими в выработке целей политического развития. Характер деятельности институтов по сути определяет тональность взаимоотношений политических субъектов, ритмы и темпы политических изменений.

Исходя из форм, методов и функций, осуществляемых институтами государственного управления, различают несколько режимов протекания политических процессов.

Режим функционирования означает воспроизводство политической системы, ее сохранение в рамках сложившихся взаимоотношений граждан и институтов государственной власти. Последние воспроизводят рутинные отношения между элитой и электоратом, другими субъектами политического процесса.

Режим развития предполагает, что изменения, происходящие в какой-либо системе, приводят к дифференциации и обогащению ее составных элементов и существующих между ними отношений. Политическое развитие означает нарастание сложности строения политической системы, ее адаптивных способностей, более интенсивное взаимодействие с другими сферами общественной жизни и более оперативный и точный учет новых требований населения.

Режим упадка означает, что изменения, происходящие в какой-либо системе, приводят к исчезновению и обеднению ее составных элементов или существующих между ними отношений.

Это может привести к распаду государства как политической целостности, разрушению всего политического порядка. “Энтропия и центробежные тенденции преобладают здесь над интеграцией, атомизация политических субъектов и распад режима правления носят необратимый характер. В результате принимаемые режимом решения утрачивают способность управлять и регулировать социальные отношения, а сам режим теряет стабильность и легитимность”⁹. По мнению авторов, классическим примером такого протекания политических процессов является судьба большинства бывших социалистических стран в Восточной Европе и Азии, где правящие круги не смогли дать адекватный ответ на социально-экономические и духовные вызовы времени.

3. Циклы политического процесса

Политические системы воспроизводятся циклами разного масштаба: суточными, недельными, месячными, годовыми и т. д. Политика представляет собой род непрерывной деятельности: заседания парламента или правительства, деятельность партий и политических движений осуществляется постоянно, влияя на соотношение политических сил, характер принимаемых решений и т. п. Однако каждый цикл воспроизводит лишь часть элементов и связей системы. Во всей же полноте система предстает лишь после завершения всего цикла своего самовоспроизводства, например, при наследовании власти в условиях монархии или легитимации республики в ходе выборов.

Как уже говорилось, именно деятельность институтов обычно задает и характерные для конкретных обществ циклы политического процесса. Так, для демократических систем характерен избирательный, главным образом пятилетний цикл как временная единица измерения политического процесса. Время выборов в высшие законодательные и исполнительные органы государственной власти отмечены повышением политической активности, ее пиком; межвыборный период, напротив, более спокоен и менее динамичен.

⁹ Пугачев В. П., Соловьев А. И. Указ. соч. С. 386.

С другой стороны, политическая жизнь знает свою ритмологию и вне зависимости от избирательных кампаний. Так, наиболее оживленными периодами политической жизни являются сессионные заседания парламента, проходящие два раза в год. В периоды же между сессиями, в так называемые парламентские каникулы, политическая жизнь обыкновенно затихает.

В тоталитарных и авторитарных системах циклы связаны с деятельностью правящих партий, в частности, с проведением партийных съездов, решения которых предопределяли развитие страны за несколько лет вперед. В ряде развивающихся стран циклы политического процесса напрямую зависят от военных переворотов, изменяющих всю прежнюю институциональную структуру государства – Конституцию, основные институты государственной власти, правовую систему и т. д.

Вместе с тем циклы политических процессов не следует сводить исключительно к деятельности властных институтов. Помимо политических, они в значительной степени обусловлены экономическими, демографическими, психологическими и прочими факторами. Скажем, для американской политической истории характерны попеременные смены общественной активности на уход в сферу частной жизни, укладывающиеся приблизительно в пятнадцатилетний временной промежуток. Во многом это объясняется сменой поколений, чья политическая жизнь длится приблизительно тридцать лет. Половину этого срока каждое поколение тратит на то, что бросает вызов тем, кто уже имеет власть и защищает ее. Затем это новое поколение само приходит к власти на пятнадцать лет, после чего его политическая активность слабеет, и все повторяется заново.

Представители политической психологии полагают, что в основе многих изменений циклического характера лежат психологические ритмы. По мнению известного итальянского социолога и экономиста В. Парето, свои ритмы изменений существуют не только в экономике (в виде экономических кризисов), но и в других сферах – в морали, религии, политике и т. д. Политика дает немало примеров того, насколько большие колебания характеризу-

ют сознание общественных классов – от недоверия и скепсиса до легковерия.

В. Парето считал, что политические процессы вызываются одной причиной – возросшим религиозным чувством. Им в свое время были вызваны и Реформация, и Великая французская буржуазная революция, и другие крупные политические потрясения прошлых эпох. При этом не имеют значения формы проявления религиозного чувства: это могут быть как социальные, патриотические, революционные, так и антихристианские настроения. Главное, что они устремлены в будущее, к некоему притягательному идеалу, ради достижения которого люди способны на любые жертвы.

Соотечественник Парето Г. Моска связывал политические изменения в обществе с тенденцией обновления внутри правящих классов. Упадок “старых” правящих классов происходит в силу ряда причин:

- вследствие изменения баланса политических сил в обществе;
- с появлением нового источника богатства;
- с возрастанием практической значимости знания;
- с упадком старой и появлением новой религии или нового идейного течения и т. д.

Новые идеи и убеждения могут выдвинуться вперед и опрокинуть старые, укоренившиеся, с помощью которых поддерживалась покорность масс. “Тогда, естественно, наступает период обновления либо, если кому-то больше нравится, революции, в ходе которой проявляется свобода действий индивидов, часть которых, наиболее пассионарные, энергичные, бесстрашные, или просто самые практичные, прокладывают себе дорогу с нижней ступени социальной лестницы наверх”¹⁰.

Российская история также знает свою собственную политическую ритмологию. Периоды реформ, проводившихся, как правило, “сверху”, сменялись контрреформами, нередко сводившими на нет

¹⁰ Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 197.

все благие начинания реформаторов предшествующего периода. Сама политическая инициатива была существенно персонифицирована, а лидера-реформатора сменял лидер-реакционер. Этот генотип российской политики оказался настолько стойким, что проявлялся и в советский период российской истории, и на современном этапе развития российского общества.

4. Основные характеристики и типология политических процессов

Будучи результатом противоборства интересов различных социальных групп, организаций, институтов власти, политический процесс всегда отличается двойственностью, то есть несет в себе как разрушительное, так и созидательное начало. В социологии это качество называется *амбивалентностью*. Амбивалентность предопределяет другую черту всякого политического процесса – его асинхронность, то есть наличие диалектически противоречивых тенденций развития: преемственности и новизны; необратимости и незавершенности; поступательности и неповторимости; направленности и непредсказуемости (спонтанности); стабильности и изменчивости. Большинство политических процессов отличается *высоким динамизмом*. Особенно это справедливо для переломных эпох, переходных периодов в развитии той или иной страны. Высокий динамизм сопровождается сильной включенностью в политический процесс человека, как вынужденной, так и добровольной. Наконец, политические процессы отличаются *повышенной конфликтностью*, поскольку связаны с интересами общественных групп, их борьбой за политические ресурсы – политическую власть, статус, материальные средства и т. д.

Исходя из основных характеристик, можно предложить некоторую типологию политических процессов. Проще всего подразделить их на *внутри- и внешнеполитические*. Первые представляют собой результат взаимодействия конкретного государства с другими государствами в рамках системы международных отношений. Вторые представляют собой серии изменений, происходящих внутри конкретной страны.

Необходимо различать уровни политических процессов, то есть пространственно-временные рамки, в которых они разворачиваются. *Локально-региональные* политические процессы протекают на уровне региона, то есть определенной структурной единицы в рамках национального государства или региона как регионального сообщества (например, Западной Европы, Юго-Восточной Азии и т. п.). *Глобальные* процессы предполагают предельно высокий уровень, охватывающий мировое сообщество в целом. Вместе с тем процессы, протекающие на разных уровнях политики – региональной или мировой – не являются изолированными и оказывают друг друга существенное влияние.

По значимости для общества тех или иных форм политического регулирования социальных отношений политические процессы можно подразделить на *базовые и периферийные*. Первые оказывают принципиальное влияние на формы и способы отправления власти (например, законодательный процесс и т. п.), вторые оказываются значимыми лишь в пределах отдельных политических ассоциаций (партий, групп давления, органов местного самоуправления и т. д.).

Ряд авторов, и в их числе М. Хёттих, называют две большие группы политических процессов: *стабилизационные* и *инновационные*. В качестве критерия здесь выступает устойчивость форм взаимосвязи социальных и политических структур, определенность функций и взаимоотношений субъектов власти. В стабилизационных (у некоторых авторов – “стабильных”) политических процессах политическое поведение граждан отличается устойчивыми институализированными формами, а также функционально отработанными механизмами принятия политических решений. Предпосылками этого выступают сформировавшаяся социальная структура, признание и поддержка обществом действующего политического режима (то есть его легитимность), высокая эффективность господствующих в обществе культурных и правовых норм, автономность гражданского общества, его независимость от власти. Инновационные политические процессы, напротив, отличаются нестабильностью, поскольку возникают либо в условиях

кризиса власти и необходимости изменения политического курса, либо при гораздо более серьезных сбоях в функционировании политической и всей общественной системы в целом.

Другой критерий типологии политических процессов – **характер участия масс в политике**. Это могут быть либо *автономные*, то есть осуществляющиеся добровольно и на основе собственного выбора, либо *мобилизованные* (то есть вынужденные подкупом или страхом) действия. Иногда их еще называют *неангажирующими* и *ангажирующими* политическими процессами. Кроме этого, само участие может осуществляться как в легальных, то есть регламентированных законом, формах, так и в форме незаконного политического поведения (протестные акции – демонстрации, пикеты, митинги и т. п.). Такие политические процессы носят название *конвенциональных* или *неконвенциональных*.

Если исходить из того, кто выступает основным субъектом политического процесса, то можно выделить *прямую* (где субъект – народ) и *представительную демократию* (субъект – народные представители). С другой стороны, и прямой и представительной демократии как определенному классу демократических процессов можно противопоставить недемократические политические процессы, в которых государственные решения принимают захватившие власть теократические или военные группировки.

По средствам осуществления политики политические процессы могут подразделяться на *насильственные*, когда их участники ради достижения собственных целей прибегают к использованию незаконных средств и даже оружия (например, терроризм), и *ненасильственные*, в которых применяются разрешенные, легальные средства политической борьбы. Наконец, по степени публичности осуществления политической элитой и электоратом своих функций политический процесс может быть *открытым*, то есть гласным, с предоставлением и общественности и гражданам необходимой информации, или *теневым*, когда “подковерная” борьба в высших эшелонах власти выносит на поверхность политической жизни то или иное решение, не сопровождающееся достаточной аргументацией.

Не менее важен цивилизационный принцип типологии политических процессов. Если *западный* политический процесс хорошо описывается по рыночной модели и понимается как соревнование различных политических сил (партий) перед лицом независимых избирателей, определяющих, кому из них доверить власть, то процесс *незападного* типа имеет другие характеристики. Они связаны с принципиально иным культурным кодом, определяющим практические ориентации и поведение населения. Обобщая характерные черты такого политического процесса, американский специалист в области сравнительной политологии Л. Пай разработал его идеально-типическую модель. В статье “Незападный политический процесс” он указал семнадцать пунктов, по которым политические процессы в западных обществах отличаются от политических процессов на Западе:

1. В западных обществах сфера политики не отделена четко от сферы общественных и личных отношений.
2. Политические партии склонны претендовать на выражение мировоззрения и представительство образа жизни.
3. Политический процесс отличается доминированием в нем клики.
4. Характер политических ориентаций таков, что допускает наличие у руководства политических группировок значительной свободы в определении стратегии и тактики.
5. Оппозиционные партии и стремящиеся к власти элиты часто выступают в качестве революционных движений.
6. Политический процесс характеризуется отсутствием интеграции среди участников, что является следствием отсутствия в обществе единой коммуникационной системы.
7. Масштабы рекрутирования новых элементов для исполнения политических ролей весьма значительны.
8. Для политического процесса типично резкое различие в политических ориентациях поколений.
9. Консенсус относительно узаконенных целей и средств политического действия незначителен, непрочен.

10. Интенсивность и широта политических дискуссий мало связаны с принятием политических решений.

11. Политическому процессу свойственна высокая степень совмещения и взаимозаменяемости ролей.

12. В политическом процессе невелика значимость явных, организованных групп интересов, играющих функционально специализированные роли.

13. Национальное руководство вынуждено апеллировать к недифференцированной общественности.

14. Неконструктивный характер незападного политического процесса вынуждает лидеров придерживаться более определенных взглядов во внешней, а не во внутренней политике.

15. Эмоциональные и символические аспекты политики отесняют на второй план рациональные поиски решений конкретных вопросов и общих проблем.

16. Велика роль харизматических лидеров.

17. Политический процесс в основном обходится без участия политических “брокеров”¹¹.

Следует заметить, что представленная модель незападного политического процесса есть именно идеальный тип, в рамках которого возможны различные модификации. Точно так же западный политический процесс, основные характеристики которого противоположны только что изложенным, знает различные вариации, имеет свою собственную специфику в англосаксонских странах, с одной стороны, и в континентальной Европе – с другой. Причина – в культурной однородности одних, и в культурном плюрализме других стран, состоящих из разных этнических, религиозных и культурных общностей.

Культурная неоднородность западных обществ создает основу для еще одной типологии политического процесса, соответствующих двум типам политической культуры: неэтистской (демократической) и этистской (технократической, элитарной). “Двум политико-культурным ориентациям соответствуют две интерпретации политического процесса: как *горизонтально* организованного

¹¹ См.: Мухаев Р. Т. Политология. М., 2009. С. 353–354.

и *вертикально* организованного политических процессов”, -- считает российский исследователь Р. Т. Мухаев¹². Здесь необходимо вернуться к трактовке политического процесса как стиля политики, о чем уже говорилось выше.

Горизонтально организованный политический процесс представляет собой взаимодействие рационально действующих субъектов, обладающих способностью к целеполаганию и ценностным отношением к миру. Он строится на признании формального равенства и относительной автономности его главных участников, которые сотрудничают или соперничают друг с другом, следуя общим “правилам игры”, то есть нравственным требованиям и юридическим нормам. Логика их действий задается неэтистской системой ценностей, в которой доминируют ценности свободы, права, консенсуса и т. д. Горизонтально организованный политический процесс в либеральной версии принимает форму культурного “торга” между его участниками, в котором каждый жертвует чем-то ради достижения поставленной цели. Согласно же консервативной традиции такой процесс представляет собой “согласование” позиций функционально специализированных элементов социальной системы, когда ни одно стратегическое решение не принимается лидерами, правительством без консультаций с профсоюзами, представителями бизнеса, фермеров и т. д. Политический режим подобного взаимодействия американский политолог Р. Даль назвал “полиархией”. Идеальным типом горизонтального политического процесса является “круглый стол”, многосторонние консультации главных участников, в ходе которых принимаются важнейшие политические решения. Институциональной формой такого политического процесса является трипартизм, то есть постоянное юридически оформленное взаимодействие правительства, предпринимателей и профсоюзов.

Вертикально организованный политический процесс – это стихийное проявление интересов, потребностей, образа мыслей иррациональных масс, которому противостоят власть, организованная система ценностей и политическая наука. В таком слу-

¹² Мухаев Р. Т. Указ. соч. С. 354.

чае смысл взаимоотношений государства и подданных сводится к определению правил поведения управляющих и управляемых. Здесь подданные признают авторитет власти, а правители гарантируют им определенную степень свободы и самостоятельности. Правительство формирует осмысленное и рациональное политическое взаимодействие, стремится навязать гражданам ценности определенной политической культуры, а именно ответственность, законопослушание и т. п. Властные структуры, в свою очередь, должны обладать способностью интегрировать требования групп и социальных общностей в определенную программу действий. Наиболее адекватной формой вертикально организованного политического процесса является “экспертный совет” политиков, ученых, промышленников и т. д.

Рассмотренные типы политического процесса представляют собой идеальные конструкции, позволяющие понять характер взаимодействия участников политической жизни. Однако на практике политическое взаимодействие сводится к процессу принятия решений, в котором выделяются две составляющие: *ценностная* (система культуры, доминирующие нормы и ценности политической жизни), *технологическая* (“стиль политики”).

5. Политический процесс в современной России

Политический процесс в современной России с трудом поддается таким строгим научным определениям, как “демократизация”, “модернизация”, “реформирование” и т. п. Каждое из этих понятий предполагает совершенно определенную систему мер, осуществляемых как властью, так и обществом, чего в современной России не наблюдается. В частности, процесс демократизации предполагает расширение объема гражданских прав и свобод, достижение баланса в распределении властных полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти, транспарентность в принятии политических решений и т. д. Однако в России в последние годы происходят совершенно другие процессы, а в политическом дискурсе ключевыми стали вовсе не понятия “демократизация” или “права человека”, а “стабильность” и “государственные интересы”.

Понятие “модернизация” также имеет строгий научный смысл (см. лекцию “Политическая стабильность и политические изменения”), предполагающий в первую очередь расширение политического участия секуляризацию общественной жизни. В России, наоборот, автономное политическое участие заметно сокращается, но возрастает роль и влияние Русской православной церкви, ислама на политический процесс. Понятие “реформирование” плохо соотносится с теми радикальными мерами и катастрофическими результатами в экономике, социальной сфере, культуре, которые страна получила в “лихие” 90-е годы.

Нередко период, переживаемый нами сегодня, называют “переходным”. Однако и эта характеристика предполагает некую качественную определенность – если переход, то “от чего к чему”? В нашем же случае не только в массовом сознании, но и в политических и интеллектуальных кругах нет определенности в ответе на этот вопрос. Это объясняется тем, что Россия переживает один из самых глубоких системных кризисов за всю свою многовековую историю, который включает в себя экономический, социальный, политический, демографический, социокультурный кризисы, кризис государственности и т. п. Сказывается и влияние исторических традиций, в числе которых самодостаточность власти и ее стремление к самосохранению любой ценой; примат политики над экономикой; слабость демократических традиций и стойкость авторитарных стереотипов и ценностей в политической культуре и т. д. Процессы, происходившие в 1990-е годы, усилили тенденцию к маргинализации общества и даже его атомизации, что и сегодня отражается на качестве формирующейся политической системы, предопределяя ее неустойчивость, аморфность. Политическая неструктурированность гражданского общества приводит к тому, что люди не в состоянии осознать свои групповые интересы и коллективно их защищать, вследствие чего становятся жертвами политического манипулирования. На смену огромному количеству партий и движений, члены которых нередко вполне размещались на одном диване (журналисты прозвали их “диванными партиями”), пришло их искусственное (через соответствующее законо-

дательство о политических партиях) ограничение: в Государственной Думе VI созыва представлены только четыре политические партии. Однако и раньше, и теперь они не отражают в полной мере интересы широких слоев общества, но преследуют в основном свои собственные, узкопартийные цели. Российский политический процесс носит в силу этого нестабильный характер. В 1990-е годы эта нестабильность часто проявлялась в деструктивных политических конфликтах между законодательной и исполнительной ветвями власти, между Центром и регионами и т. д. В настоящее время многие конфликты либо получили частичное разрешение (например, регулярность выплат зарплат и пенсий), либо приняли латентную форму. Но политический процесс в целом все же весьма далек от жизни, от решения реальных социальных проблем и не обеспечивает устойчивого равновесия в обществе. Попытки властей представить определенным образом заданную, одномерную трактовку происходящих событий и неприятие информации, идущей снизу, от общества, нередко придает ему фантомный (нереальный, “виртуальный”) характер.

Еще одна особенность современного политического процесса связана с сильным влиянием на власть и политические отношения тех или иных социальных групп. Зарубежные наблюдатели отмечали в конце 80-х – начале 90-х годов массовое “хождение в политику” писателей, поэтов, журналистов во многих республиках бывшего СССР, то есть так называемой творческой интеллигенции. Некоторые из них даже становились президентами своих стран, например, З. Гамсахурдиа в Грузии или Л. Тер-Петросян в Армении. Немало представителей писательского цеха было и в составе бывшего Верховного Совета, а затем в первой Государственной Думе РФ. Массовая поддержка, оказанная им избирателями, легко объяснима: эти люди были властителями дум, к их словам прислушивались, а критику действий власти встречали с одобрением. И сегодня, в ходе выборов в Государственную Думу или Президента РФ политические партии, избирательные объединения или команды того или иного кандидата, как правило, включают в свои списки деятелей культуры – писателей, музыкантов,

кинатографистов, а в последнее время – спортсменов. Последние помогают проведению избирательной кампании различным политическим силам, поскольку к их голосу традиционно прислушиваются россияне.

Это явление не новое и свойственно не только России. Однако склонность интеллигенции, в особенности гуманитарной, к морализаторству в политике, оказывает последней плохую службу. Интеллектуал должен, безусловно, заботиться о нравственном климате в обществе, критиковать власть, не отказывая ей при этом в необходимых советах, рекомендациях и т. п. Однако в России многие интеллектуалы не ограничились лишь экспертными функциями, но сами пошли “во власть”, действуя в соответствии с собственными представлениями и пожеланиями. Но политическая деятельность – занятие не просто профессиональное, но и чрезвычайно сложное, поэтому всякий дилетантизм оборачивается некомпетентными решениями, ошибками и просчетами.

В последнее время в обществе растет обеспокоенность криминализацией российского политического процесса. В выборах в органы государственной власти пытаются принять участие “деятели” криминального мира, прибегающие к подкупу или запугиванию избирателей, использованию так называемых “грязных технологий” в борьбе за депутатские мандаты, гарантирующие им депутатскую неприкосновенность. Это явление наблюдается не только в России, но и в других государствах СНГ. В частности, бывший президент Грузии Э. Шеварднадзе в одном из своих выступлений обращал внимание на реальную угрозу криминализации политики и политизации уголовщины в его республике. Криминализации подвергаются не только политические, но и коммерческие структуры.

Отличительной особенностью российского политического процесса является его теневой, закрытый характер. Исполнительная власть слабо и неохотно воспринимает сигналы, идущие от общества. Законодательная власть – парламент – в силу ограниченности своих полномочий не может серьезно влиять на предпринимаемые президентом и правительством действия. Так было, например, с

решением о начале военных действий в Чечне в декабре 1994 года. Оно было принято на закрытом заседании Совета безопасности – совещательного органа при Президенте РФ и не обсуждалось ни в парламенте, ни в обществе. Неудачи в проведении военных операций в Чечне объяснялись, в числе прочих, и неподготовленностью общественного мнения к восприятию такого рода действий. Одновременно в кругах, близких к президенту, формируются группировки, соперничающие между собой за влияние на принимаемые решения (например, так называемые олигархи). Возникают политические кланы, то есть неформальные образования, отличающиеся устойчивостью и сплоченностью, главным мотивом деятельности которых становится личная выгода на основе преданности своему лидеру, вождю. Происходит кланизация политического процесса, усиление его закрытости, придания ему полуконспиративного и сугубо корпоративного характера. Все это сказывается на качестве принимаемых решений и на результатах российской внутренней и внешней политики.

Наконец, еще одной особенностью российского политического процесса является его автономизация, эмансипация политических отношений от экономического и интеллектуального производства. Политика все больше замыкается на самой себе, то есть на борьбе за власть, и “освобождается” от всего того, что связано с интересами граждан – от проблем морали, экономического роста, занятости, благосостояния граждан, культуры и т. п.

Завершая, можно сказать, что российский политический процесс по многим своим характеристикам аналогичен политическому процессу западного типа, о котором уже шла речь. Причина этого кроется не только в историческом наследии, но и в тех способах и методах реформирования, которые использовались в России в последние годы.

6. Идеально-типический процесс выработки и принятия решений в демократической системе

Несмотря на многообразие трактовок политического процесса, его ось, сердцевину составляет процесс выработки, принятия и ре-

ализации политических решений. В идеале эти решения должны представлять политическую волю всего общества. Здесь **политический процесс** представляет собой, по мнению известного американского политолога Д. Истона, *совокупность конкретных приемов, методов, процедур, осознанных и спонтанных стратегий, ведущих к принятию конкретных решений; включающих также и технику принятия решений, организационный контекст, возможные результаты принимаемых решений.* Следует заметить, что эта совокупность рутинных процедур есть нормальная, цивилизованная форма организации и управления человеческим сообществом, будь то на общенациональном, региональном или местном уровне.

Процедура принятия политического решения в ее идеально-типической форме состоит из нескольких фаз. В любой социальной организации она начинается с *артикуляции проблемы*, что является задачей политических сил. Они должны уметь распознавать и формулировать проблемы, которые нуждаются (или вскоре будут нуждаться) в политическом регулировании. Искусство распознавания и прогнозирования проблем все больше становится основной задачей руководства любой страны в нашем стремительно политизирующемся мире. Формулирование проблемы не обязательно должно быть четким, рациональным. Иногда проблема обнаруживает себя как смутное недовольство, неосознанное беспокойство и т. п.

Вторую фазу можно обозначить как *неформальную дискуссию*. Это еще не связанная процессуально дискуссия, не нацеленная непосредственно на принятие решения, поскольку у ее участников нет переговорной компетенции, то есть она необязательна. Вместе с тем здесь апробируются формулировки проблем будущих решений, возможна и агитация в пользу собственной точки зрения. Степень интеграции мнений и направлений политической воли здесь еще невелика. В рамках этой фазы очень важна *коммуникация*, поскольку широкая палитра мнений сама по себе еще не дает дискуссии, если эти мнения не взаимодействуют (не корреспондируют) друг с другом. Такая конкуренция за общественное мнение

ние напоминает конкуренцию на экономическом рынке за качественный товар. Разные политические системы отличаются друг от друга тем, насколько они вообще допускают такую неформальную дискуссию. По-разному в разных странах решается вопрос о ее *гласности*.

Следующая фаза связана с *выдвижением решающей инициативы*. В узком смысле слова инициатива принятия решений ограничивается заявительной компетенцией внутри институтов власти, то есть в парламенте, правительстве, органах управления. В широком смысле слова инициативы решений возникают и *вне* властных институтов и могут иметь различную степень влияния (например, инициативы, исходящие от партий, объединений, союзов и т. п.). Последние также имеют свою организацию, регламент работы, процедуры принятия решений и располагают определенной компетенцией. Если в рамках партии или объединения возникает заявка на ту или иную проблему, то организация начинает заниматься этим вопросом и обращается с проектом решений в парламент или в правительство. Тот, кто обладает *заявительной компетенцией*, *располагает и большей властью*. Если какой-то партии удастся захватить инициативу решения проблемы, то она получает большую возможность влиять и на процесс принятия решений как формально, так и по существу. Благодаря тому, что заявительной компетенцией обладает далеко не каждая организация или союз (то есть их круг ограничен), происходит *селекция и интеграция* мнений. Например, в парламенте заявки могут вноситься лишь от числа депутатов, составляющих фракцию или группу определенной численности. Скажем, в ФРГ для подачи заявки в бундестаге необходимо как минимум 5 % голосов от общего числа депутатов (в России – как минимум 8 %). Для вынесения решения о недоверии правительству (“*вотум недоверия*”) необходима заявка от 20 % депутатского корпуса (то есть от 90 депутатов Государственной Думы РФ).

Далее следует *формальная дискуссия*. Если в неформальной дискуссии круг участников может быть практически неограниченным, то в формальной дискуссии он четко определен. Правила,

по которым она разыгрывается, жесткие: число ораторов строго ограничено одним представителем от каждой фракции или депутатской группы. Кроме того, время дискуссии ограничено, как правило, тремя чтениями. Это средство интеграции высказываемых мнений. Формальная дискуссия служит непосредственной подготовкой принятия решения, хотя она часто отклоняется от выполнения этой задачи. Дебаты в парламентах чаще выполняют функцию обозначения ключевых позиций *вовне*, в отношении общественности, и в меньшей степени ориентированы на принятие согласованных решений в самом парламенте. Поэтому внутри парламента формальной дискуссией скорее являются *слушания* и разного рода *совещания* в комитетах и подкомитетах. Именно на них чаще всего и лежит функция подготовки решения (например, в комитете по бюджету Государственной Думы РФ готовится проект решения о принятии или непринятии бюджета Думой и т. п.).

Наконец, фаза *принятия решения*. Это уже формальный акт, благодаря которому решение обретает силу закона, если оно поддержано большинством депутатов. Окончательное решение не обязательно совпадает с первоначальными подходами к проблеме. Окончательное решение представляет собою собственный *акт господства*.

Если решение принято, то процесс принятия решения в узком смысле слова здесь завершается. Однако проблема, которую следовало решить, еще не исчерпана полностью. Кроме того, само исполнение решения может принимать самые разнообразные формы, различаться определенными издержками. Например, решение оказать государственную поддержку какой-либо отрасли экономики может поставить в сложное положение другую отрасль, что вызовет функциональные помехи во всей экономической системе. Влияния от принятого решения часто порождают реакции со стороны населения – например, акции протеста (негативная реакция), либо действия в поддержку принятого решения (позитивная реакция). Негативные реакции на принятое решение представляют собой не что иное как *новую артикуляцию проблемы*, и весь процесс повторяется заново.

Схема развития идеально-типического процесса выработки и принятия решений представлена на рисунке 1.

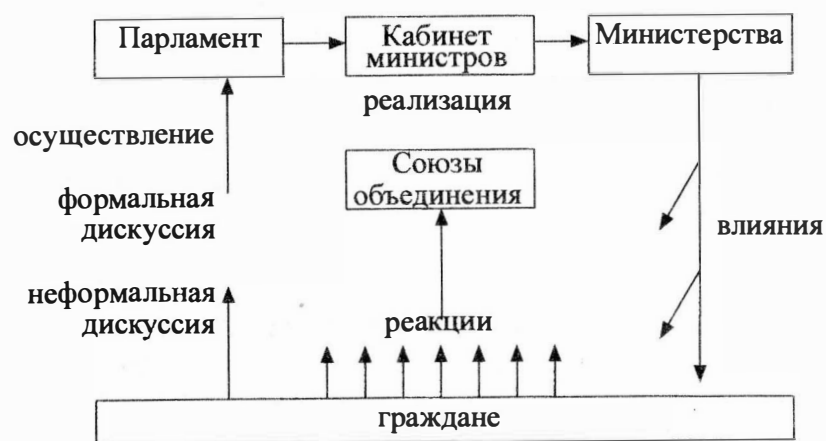

Рис. 1. Идеально-типический процесс выработки и принятия решений в демократической политической системе

Очевидно, что для принятия формального решения главная роль отводится либо институтам власти (парламенту, правительству, президенту), либо непосредственно гражданам. Формальные политические акты, обязательные для всей общественной системы, не могут возникнуть в пограничной сфере – между институтами власти и корпусом избирателей. Они возникают либо во властных структурах, где решения принимают народные избранники, либо непосредственно народом на референдумах. Об особенностях референдума как процедуры принятия политического решения речь пойдет в следующей лекции.

Контрольные вопросы

1. Что такое политический процесс? Приведите его основные трактовки. Какие теории политического процесса вам известны?
2. Что понимается под структурой политического процесса и режимами его протекания?

3. Каковы общие характеристики и типы политических процессов?

4. В чем специфика политического процесса в современной России? Почему он имеет преимущественно конфликтный характер?

5. Что составляет центральный элемент, сердцевину политического процесса? Как выглядит идеально-типический процесс принятия решений в демократической системе?

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов А. А. Политические процессы и институты в современной России : учебно-методическое пособие / А. А. Белов, С. М. Елисеев – СПб., 2006. – 184 с.
2. Борисова Н. В. Региональные процессы в современной России и практика их научного осмысления / Н. В. Борисова // Мировая политика : проблемы теоретической идентификации и современного развития : Ежегодник 2005. – С. 349–362.
3. Бурдые П. Социология политики / П. Бурдые. – М., 1993. – 336 с.
4. Глухова А. В. Манфред Хёттих и его теория политических процессов / А. В. Глухова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. 1. Гуманитарные науки. – 1996. – № 1. – С. 52–67.
5. Дегтярев А. А. Основы политической теории / А. А. Дегтярев. – М., 1998. – 239 с.
6. Жеребкин М. В. Политический процесс: типология и режимы функционирования / М. В. Жеребкин. – М., 1999. – 101 с.
7. Исаев Б. А. Политические отношения и политический процесс в современной России : учебное пособие / Б. А. Исаев, Н. А. Баранов. – СПб., 2008. – 395 с.
8. Качанов Ю. Л. Опыты о поле политики / Ю. Л. Качанов. – М., 1994. – 159 с.
9. Кодин М. И. Российский политический процесс : социально-философские аспекты / М. И. Кодин. – М. : Наука, 2008. – 326 с.
10. Панарин А. С. Политический процесс в России : современные тенденции и исторический контекст / А. С. Панарин. – М., 1995. – 204 с.
11. Панарин А. С. Политология : о мире политики на Востоке и на Западе / А. С. Панарин. – М., 1999. – 320 с.

12. Пеньков В. Ф. Политический процесс и политическая культура : к вопросу о методологии и практике политологического исследования в современной России / В. Ф. Пеньков. – М.; Тамбов, 2000. – 168 с.

13. Политические процессы в регионах России / отв. ред. Р. Ф. Туровский. – М., 1998. – 297 с.

14. Политические процессы в России в сравнительном измерении / под ред. М. А. Василика, Л. В. Сморгунова. – СПб., 1997. – 176 с.

15. Салмин А. М. Политический процесс и демократия / А. М. Салмин // Социально-политические науки. – 1991. – № 6. – С. 55–64.

16. Смолин О. Н. Политический процесс в современной России : учебное пособие / О. Н. Смолин. – М., 2004. – 336 с.

17. Технологии политической власти : зарубежный опыт / В. М. Иванов и др. – Киев, 1994. – С. 114–197.

18. Титова Л. Г. Политический процесс в современной России и механизм его функционирования : монография / Л. Г. Титова. – Ярославль, 2005. – 276 с.

19. Фурман Д. Е. Наша политическая система и ее циклы / Д. Е. Фурман // Свободная мысль XXI. – 2003. – № 11. – С. 9–30.

Лекция 2 ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

В понимании сущности политических процессов важная роль отводится политическим процедурам как определенным правилам и нормам политической деятельности, тем “берегам”, в которых протекает политическая жизнь. Процедуры представляют собой регламентацию политического процесса, создающую определенные нормы и правила поведения для всех его участников. Эти правила, иногда называемые “правилами политической игры”, незыблемы и неизменны для всех политических субъектов. Они обычно закреплены в конституциях, законах о выборах, других правовых актах, а их соблюдение обеспечивают соответствующие контрольные органы. Роль таких правил особенно показательна для демократических политических режимов, в которых определенность процедур сочетается с неопределенностью результатов политического соперничества и борьбы. Следовательно, для каждого участника политического процесса сохраняется шанс на победу.

Процедуры выполняют важную коммуникативную функцию, обеспечивая диалог людей и культур, хотя и не определяют исход этого диалога. Подобным же образом общий язык дает возможность собеседникам говорить друг с другом, не обязательно при этом договариваясь.

1. Электоральный процесс как политическая процедура

Успешное функционирование политической системы, основанной на демократических началах, немыслимо без активного участия граждан в общественно-политической жизни. При всем разнообразии трактовок демократии одно положение в них остается незыблемым: демократия – это власть народа, и ее единственным сувереном является народ. Это положение содержится в подавляющем большинстве конституций, в том числе и в Конституции Российской Федерации. Свои властные полномочия народ реализует через тех, кому вручит на выборах бразды правления страной. Однако обладатели властных полномочий в демократическом го-

сударстве не являются собственниками власти. Их роль и функции больше соответствуют роли и функциям менеджера, временно распоряжающегося властью с согласия и под контролем народа. Чем полнее и лучше будут учтены интересы различных групп граждан, тем более представительной будет система правления. Следовательно, выборы являются важнейшим элементом демократии, а уровень демократичности выборов тем выше, чем разнообразнее и яснее предложения кандидатов и партий, чем больше избирателей дает им критическую оценку и сравнение. При этом важно, чтобы сам механизм и условия проведения избирательной кампании давали как можно больше возможностей для таких сравнений и оценок. Иными словами, политическая активность свидетельствует об устойчивости и развитости демократических институтов, а также о самореализации человека в демократическом обществе.

В документах международных организаций демократия определяется как подлинное, широкое и мирное соревнование между индивидами и организованными группами, прежде всего партиями, за важнейшие позиции государственной власти посредством *регулярных, свободных и справедливых выборов*. Понятие “справедливые выборы” имеет не условное, а вполне конкретное содержание. Выборы считаются справедливыми, если процедура их проведения (законодательство, инструкции и т. д.) согласована всеми заинтересованными сторонами (включая и оппозицию) и строго всеми соблюдается. При данных условиях проигравшая сторона фактически не может никого, кроме самой себя, обвинять в проигрыше и, естественно, признает итоги голосования. Именно проведение выборов на справедливой основе и признание справедливости результатов всеми заинтересованными сторонами превращает их в инструмент достижения согласия и стабильности в обществе.

Помимо сказанного, в ходе демократических выборов должны быть обеспечены международно признанные основополагающие права и свободы граждан. Этому служат международные электоральные нормы, изложенные в Уставе ООН, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Всеобщей

декларации прав человека, Декларации межпарламентского союза, принятой 26 марта 1994 года в Париже, и т. д. Речь идет об:

- уважении к правам и свободам человека и отсутствии запугивания;
- самоопределению;
- праве на участие в управлении;
- отсутствию дискриминации;
- свободе убеждений и их выражения;
- свободе объединений, мирных собраний и перемещений в ходе избирательной кампании;
- праве на безопасность личности и соответствующее правоприменение¹.

Важнейшим условием подлинных выборов является также **общественное доверие**. Дело в том, что выборы – это не просто техническая процедура, но часть политического процесса, успешный ход которого без доверия невозможен. Процесс создания обстановки общественного доверия состоит:

- в образовании эффективного и беспристрастного аппарата по проведению выборов, действующего на принципах открытости и прозрачности;
- в вовлечении политических конкурентов в электоральный процесс во всем его объеме;
- в открытости электорального процесса для контроля со стороны граждан и их организаций;
- в убеждении электората в важности выборов, а также в том, что их личная безопасность и тайна голосования будут обеспечены, а результаты голосования – уважаться;
- в обеспечении участия в контроле за ходом выборов независимых наблюдателей, заслуживающих доверия.

Только при наличии этих условий можно говорить о демократических и справедливых выборах.

В настоящее время принято называть все международные нормы в области прав и свобод личности **международными стандар-**

¹ См.: Мерло П. Электоральная практика, права человека и общественное доверие к демократической системе // Политические исследования. 1995. № 4.

тами, среди которых есть и международные стандарты демократии выборов. С формально-юридической точки зрения практически все государства СНГ, включая Россию, ратифицировали основополагающие международно-правовые акты, регламентирующие права и свободы человека, в том числе и в электоральном процессе. Однако это не всегда приводит к тому, что нормы этих важнейших документов стали частью практической политики, проводимой руководством этих государств.

2. Организация и проведение выборов, их функции

В современном демократическом обществе основной формой политической активности большинства граждан является участие в выборах, то есть в электоральном процессе. **Электоральный процесс представляет собой форму функционирования избирательной системы государства, обеспечивающую определенный тип организации общества, политическое участие граждан и политических партий в формировании органов государственной власти.** Политическое участие либо неучастие граждан, пользующихся избирательным правом, в выборах органов представительной власти всех уровней, называется **электоральным поведением**. Выделяют два типа электорального поведения: **открытое** (политический выбор избирателя в ходе голосования) и **закрытое** (отказ от участия в выборах, **электоральный абсентеизм**).

Выборы проводятся регулярно, через определенные, предусмотренные законом промежутки времени. Президент, члены высших законодательных органов избираются, как правило, на срок от 4 до 7 лет. По общему мнению, такой промежуток времени оказывается достаточным для выполнения кандидатом своих обещаний и позволяет обеспечить стабильность и преемственность политического руководства. Вместе с тем он не настолько велик, чтобы политик мог забыть о своих обещаниях и ответственности перед избирателями, а также не задумываться о будущих выборах.

Местные органы власти избираются обычно на более короткий срок, поскольку и стоящие перед ними проблемы легче поддаются

решению, и ситуация в городе или округе меняется быстрее. Дата очередных выборов устанавливается законодательством или объявляется указом главы государства. В парламентских республиках и парламентских монархиях высший орган законодательной власти может быть распущен досрочно, и тогда назначаются внеочередные выборы. Внеочередные выборы могут проводиться и в том случае, если человек, который занимает какой-либо выборный пост, отстранен от должности, болен и не может выполнять далее свои обязанности.

Со дня объявления даты выборов официально начинается **избирательная кампания**. Она проходит несколько этапов.

На **первом этапе** составляются списки избирателей. Регистрация избирателей должна носить демократический характер, то есть исключать дискриминацию по национальному, расовому, имущественному или какому-либо другому признаку. В большинстве демократических стран списки избирателей составляют местные органы власти. В США, Великобритании, некоторых других странах о регистрации должен позаботиться сам избиратель. Точность и полнота списков избирателей, а также наличие удостоверяющих личность документов предотвращают возможность фальсификаций во время выборов и многократного голосования одних людей за счет лишения права голоса других.

Второй этап предполагает выдвижение и регистрацию кандидатов и (или) партий (избирательных объединений). При этом необходимо иметь в виду, что инициативная группа, выдвигающая кандидата в депутаты или в президенты, должна получить его согласие на то, чтобы представлять интересы этой группы в законодательном органе страны или на посту президента. Существуют различные способы выдвижения и регистрации кандидатов. В Великобритании, например, для этого достаточно подать в соответствующий орган заявление самого кандидата, подписанное вместе с ним несколькими избирателями. Формально это открывает перед независимым кандидатом возможность принять участие в предвыборной борьбе.

Другой способ выдвижения кандидата – подача заявления, петиции от имени партии или от установленного числа избирателей.

Еще одним способом выдвижения кандидатов является система первичных выборов (праймериз) – предварительная проба сил кандидатов, получившая распространение в США. Каждый победивший на первичных выборах становится официальным кандидатом партии и получает возможность продолжить борьбу за выборный пост. Результаты первичных выборов позволяют партии определить, кто из ее кандидатов пользуется наибольшей поддержкой среди избирателей, какова популярность их программ. Одновременно эти выборы делают процесс выдвижения более демократичным, поскольку в нем получают возможность участвовать и избиратели.

Независимо от порядка выдвижения кандидатов, решающая роль на втором этапе избирательной кампании принадлежит политическим партиям: они осуществляют подбор кандидатов, оказывают им финансовую и организационную поддержку. Большие средства и усилия затрачиваются партиями и кандидатами на предвыборную кампанию.

В рамках *третьего этапа* начинается и проводится предвыборная агитация, в ходе которой каждый из кандидатов должен представить свою программу и убедить избирателей в том, что только он наилучшим образом может отстаивать их интересы в структурах власти. Избиратель же, в свою очередь, должен сделать осознанный, продуманный выбор. Контрольные органы в лице, например, избирательных комиссий, следят за тем, чтобы в ходе предвыборной агитации не нарушался закон. Итогом этого этапа становится сам акт голосования.

Наконец, на *четвертом этапе* избирательной кампании организуется подсчет голосов и объявляются итоги выборов.

Выборы проводятся по **избирательным округам**. Территория страны, республики, провинции, штата разбивается на округа, население которых выбирает одного или нескольких депутатов. Для выборов местных органов власти создаются небольшие по численности населения избирательные округа, и один депутат избирается от жителей городского района или квартала, небольшого поселка или деревни. При выборах депутатов высших законодательных ор-

ганов несколько мелких избирательных округов объединяются в один крупный, и депутат избирается от населения целой области, провинции или края. Округа, от которых избирается только один депутат, называются *одноименными (одномандатными)*, несколько депутатов – *многоименными (многомандатными)*.

Избирательные округа должны создаваться таким образом, чтобы каждый депутат избирался равным числом избирателей. Только в этом случае избирательное право действительно является равным. Если в двух рядом расположенных избирательных округах избирается по одному депутату, но в первом округе насчитывается 50 тыс. избирателей, а во втором – 70 тыс., то вес голосов избирателей в этих округах будет разным. Так, разрыв в численности избирателей между некоторыми округами Российской Федерации близок к 60-кратному: в Эвенкийском округе проживает 12 759 избирателей, тогда как в Курганском – 782 019.

Важно и то, как распределяются сторонники политических партий по округам. Если одна из партий пользуется преимущественным влиянием в сельской местности, а другая – в городских округах, крупных городах, то первая партия будет стремиться к тому, чтобы округа были примерно равными по территории. В этом случае сельские округа с малой плотностью населения будут иметь преимущества в сравнении с городскими, где на небольшой территории живут тысячи человек. Партия, находящаяся у власти, обычно стремится образовать избирательные округа таким образом, чтобы увеличить свое представительство в парламенте, других органах власти. Например, английская избирательная система долгое время отдавала предпочтение сельским округам (так называемым “гнилым местечкам”), представительство которых осуществляла консервативно настроенная аристократия, тогда как крупные промышленные города с преимущественно рабочим населением имели в Парламенте гораздо меньше мест.

При образовании избирательных округов необходимо учитывать множество факторов. Один из них – *многонациональный состав населения*. Предположим, что страна включает в себя несколько регионов с различными культурными, религиозными, бы-

товыми традициями населения. Следовательно, каждая культурная общность надеется на представительство своих интересов и учет культурных потребностей.

Другой фактор – *демографический*. Предположим, что в стране существует двухпалатный парламент, нижняя палата которого формируется на основе равного представительства от каждой административно-территориальной единицы (республики, края, провинции), а верхняя – пропорционально численности населения республики или края. Встает вопрос о том, как проводить выборы в верхнюю палату: от равного числа жителей или от равного числа избирателей? При первом варианте преимущество будут иметь регионы с преобладанием многодетных семей, поскольку в составе населения много детей и подростков, не имеющих права голоса. При втором варианте: равном числе депутатов от равного числа избирателей – увеличится представительство регионов с преобладанием малодетных семей. Таким образом, демографический фактор будет серьезно влиять на результат выборов. Поэтому для учета всех факторов организации выборов необходимо привлекать разных специалистов: географов, демографов, социологов и др.

Предвыборная кампания – сложное и дорогостоящее мероприятие, в котором принимают участие множество людей: служащие аппарата партии, сотрудники средств массовой информации, социологи, психологи и т. п. Для того чтобы познакомить каждого избирателя со своей предвыборной программой, партии проводят митинги и собрания, кандидаты организуют встречи с жителями своего избирательного округа, выступают в прессе и по телевидению.

Современная избирательная кампания невозможна без участия *СМИ*. На встречу с кандидатом придут несколько десятков, от силы несколько сотен человек, но интервью с ним по телевидению увидят тысячи избирателей. Крупная партия может организовать многотысячный митинг, но большинство граждан все же предпочитают получать информацию не на митингах, а из газет и новостей телевидения.

Появление *СМИ*, особенно радио и телевидения, многократно увеличили расходы политических партий и кандидатов на ведение

предвыборной кампании. Раньше политиков, включая руководителей государства, видели редко и издали, знали их речи, изложенные в газетах, но не их голоса. С ними поддерживали непостоянные, далекие и безличные отношения. Телевидение все это изменило. Оно ввело в наш дом Президента страны, который общается с нами лично, без посредников, очаровывает мимикой, отеческой улыбкой и заботой. Конечно, эта прямая связь весьма иллюзорна. Избиратель, восхищающийся Президентом, не знает, что он загримирован не только в собственном смысле слова. Советники Президента сообщая написали ему речь, использовали его лексикон, выбрали соответствующий костюм, чтобы создать привлекательный образ и т. п. Но граждане испытывают такие чувства, что знают этого политика непосредственно, как своего друга. Это дает ему возможность делать глобальные обобщения, оценивать обещания политиков и их результаты.

С появлением телевидения была значительно усовершенствована и техника проведения предвыборных кампаний. Партии стали широко пользоваться услугами социологов, изучающих общественное мнение, социальных психологов, исследующих настроения, симпатии и антипатии больших масс людей, их политические реакции и поведение, а также других специалистов. Особое значение для кандидатов приобрело умение держаться перед телекамерой, со знанием дела, легко и уверенно отвечать на вопросы соперников и журналистов. Если кандидат по неопытности или неосторожности произведет на телезрителей невыгодное впечатление, его потом очень трудно исправить, поэтому выступления кандидатов тщательно готовятся. Американские политологи утверждают, что в 1960 году Р. Никсон проиграл президентские выборы Д. Кеннеди, потому что был одет в плохой костюм и неудачно загримирован. Трудно сказать, насколько этот вывод соответствует истине, но после этого ни один кандидат в президенты уже не повторял такой ошибки. Вместе с кандидатами над их имиджем и предвыборными речами работают помощники; они внимательно анализируют выступления соперников, следят за настроениями избирателей, приспособливают к ним практику ведения предвы-

борной борьбы. Вполне понятно, что провести такую кампанию без поддержки партии очень сложно, и в условиях сложившейся многопартийной системы независимый кандидат вряд ли может рассчитывать на победу на выборах.

Демократия требует, чтобы партии и кандидаты вели избирательную кампанию в равных условиях. Однако осуществить это требование на практике бывает очень нелегко. Партии, пользующиеся поддержкой более состоятельных слоев населения, могут рассчитывать на значительные пожертвования в предвыборные фонды, что обеспечивает им доступ на телевидение, радио, страницы газет. Малочисленные партии или партии, не имеющие возможности привлечь большие средства в свой предвыборный фонд, не могут позволить себе оплачивать услуги многочисленных консультантов, лучшее время в эфире и аренду помещений для встреч с избирателями. Поэтому государство берет на себя часть расходов кандидатов по ведению предвыборной кампании. С целью создания партиям и кандидатам равных условий устанавливаются ограничения на размеры пожертвований частных лиц и организаций в предвыборные фонды, на использование собственных средств кандидата. Ограничивается и общая сумма расходов на избирательную кампанию. Тем не менее нередки случаи нарушения партиями финансового законодательства, использования тайных источников финансирования и т. д.

Предвыборная агитация заканчивается за день до голосования. Последний день перед голосованием обычно отводится избирателям на то, чтобы они еще раз самостоятельно обдумали свой выбор и приняли окончательное решение. Избирательную кампанию завершает *голосование*. Оно должно быть *тайным*, то есть никто не вправе наблюдать, как избиратель заполняет бюллетень и опускает его в урну. Это очень важно, поскольку избиратель не должен опасаться, что его выбор может повлечь за собой преследования или какие-либо другие негативные последствия. В некоторых странах избиратели не заполняют бюллетеней: для голосования используются специальные машины, сконструированные таким образом, чтобы исключить подтасовку результатов.

В демократических странах выборы проводятся на основе **всеобщего и равного избирательного права**, введение которого было значительным демократическим завоеванием и огромным шагом вперед в достижении равенства политических прав, уничтожении сословных привилегий. На ранних этапах развития демократии избирательное право было действительно всеобщим только для собственников. Предоставление права голоса обуславливалось **имущественным цензом** – уплатой определенной суммы налога с недвижимости, владением собственным домом или арендой жилого помещения с квартирной платой выше установленного минимума.

На протяжении всего прошлого века велась борьба за расширение избирательного права, снижение, а в конечном счете, и отмену имущественного ценза, который был основным препятствием к получению избирательных прав большинством граждан. В настоящее время имущественный ценз в избирательной практике демократических государств практически не встречается.

Длительной была борьба за предоставление избирательного права **женщинам**. В некоторых странах она приобретала порой драматический и даже экстремистский характер. В Англии в начале XX века женщины проводили многочисленные митинги, демонстрации, направляли петиции в Парламент, приковывали себя цепями к оградкам общественных зданий. В США женщины получили избирательное право участия в выборах лишь в 1920 году, во Франции – в 1944 году, Италии – в 1945 году, Греции – лишь в 1956 году, а в демократической Швейцарии – только в 1971 году.

В западноевропейских странах и в США долгое время существовал высокий **возрастной ценз**. Так, право избирать предоставлялось с 21–23 лет. В 70-е годы после резкой активизации молодежного движения, бурных выступлений протеста, прокатившихся по многим странам Запада, возрастной ценз в них был снижен до 18 лет. Для кандидатов на выборный пост устанавливается, как правило, более высокий возрастной ценз: кандидат в нижнюю палату парламента не должен быть моложе 23–25 лет, в верхнюю палату – 30–40 лет. На должность главы исполнительной власти не может выставляться своя кандидатура человек моложе 34–40 лет.

Для кандидатов на высшие посты существуют высокие *цензы оседлости*: от них требуется прожить в стране к моменту участия в выборах не менее 10–15 лет, постоянно проживать в той местности, от которой они баллотируются в парламент. Эти требования к парламентариям обеспечивают право избирателей иметь компетентных, опытных, хорошо подготовленных депутатов, несущих ответственность перед своими избирателями.

3. Основные типы избирательных систем

После завершения голосования и подсчета голосов (бюллетеней) объявляются **итоги выборов**. Существуют установленные законом и проверенные практикой многих стран правила определения результатов голосования. Совокупность таких правил называется *избирательной системой*. Наиболее распространены два основных типа избирательных систем: система большинства, или *мажоритарная*, и система пропорционального представительства, или *пропорциональная*. Впрочем, существуют еще и так называемые *смешанные* избирательные системы, сочетающие в себе черты двух основных. В соответствии с ними часть депутатов избирается по мажоритарной, а другая часть – по пропорциональной системе.

При мажоритарной системе избранным считается кандидат, получивший большинство голосов избирателей. Мажоритарная система имеет две разновидности – абсолютного большинства и относительного большинства. При мажоритарной системе *абсолютного большинства* избранным считается кандидат, набравший абсолютное большинство голосов избирателей, принявших участие в голосовании, то есть 50 % плюс один голос. В случае если ни один из кандидатов не набирает требуемое число голосов, проводится второй тур выборов, в котором участвуют два кандидата, получивших наибольшее число голосов в первом туре. Во втором туре победитель, как правило, определяется по системе *относительного большинства*, то есть побеждает кандидат, набравший голосов больше, чем каждый из его соперников в отдельности.

На первый взгляд, мажоритарная избирательная система проста и вполне справедлива, однако это не совсем так. Допустим, в трех избирательных округах выставили своих кандидатов на выборах две политические партии – А и Б. После подсчета голосов оказалось, что кандидат от партии А победил в первом округе, а во втором и третьем округах с небольшим преимуществом победили кандидаты от партии Б. Однако общая сумма голосов, отданных за партию А (например, 161 тыс.), больше, чем сумма голосов, отданных за партию Б (например, 159 тыс.). Тем не менее партия Б будет представлена в парламенте двумя кандидатами, а партия А – одним. Если бы была еще и третья партия – например, партия В, собравшая, предположим, 60 тыс. голосов, она, проиграв, не получила бы ни одного места. Иначе говоря, эти 60 тысяч избирателей никто бы не представлял, и их голоса были бы попросту потеряны (см. таблицу 1)².

Таблица 1

Расчеты в мажоритарной избирательной системе

Округ	Количество избирателей, принявших участие в голосовании (тыс. чел.)	Количество голосов, поданных за каждую партию (тыс. чел.)	
1	120	А – 69	Б – 51
2	100	Б – 55	А – 45
3	100	Б – 53	А – 47

Отсюда видно, что мажоритарная избирательная система обладает существенными недостатками: при этой системе партия, за которую на выборах проголосовало избирателей меньше, чем за ее основного соперника, может получить большинство мест в законодательном органе. Так не раз случалось в Великобритании, где эта система и возникла. В особенно неблагоприятные условия эта система ставит мелкие партии, у которых нет ярких, известных лидеров, и им трудно провести своих кандидатов в выборные органы. Поданные за них голоса избирателей часто “пропадают”, и эти группы населения лишаются представительства в парламенте, в местных органах власти.

² См.: Введение в политологию / К. С. Гаджиев, Г. В. Каменская и др. М., 1994. С. 109.

Устранить явные несоответствия между количеством поданных за партию голосов и количеством получаемых ею депутатских мест помогает пропорциональная система. При использовании этой системы создаются большие по численности избирателей округа. Каждая партия выставляет на выборах списки кандидатов – двух, трех и более человек. Например, в избирательном округе выставлено 2 списка кандидатов – от партии А и от партии Б. Всего в округе должно быть избрано 3 депутата. Участие в голосовании приняли 180 тыс. избирателей. Число поданных голосов делится на количество депутатских мест (180 тыс. : 3 = 60 тыс.). Таким образом, определяется *избирательный метр*, или *избирательная квота*. Каждая партия получает столько мест, сколько раз избирательный метр уложится в число поданных за нее голосов. Если за список партии А подано 110 тыс., а за список партии Б – 70 тыс. голосов избирателей, то каждая получает по одному депутатскому мандату, и в выборный орган проходит депутат, чье имя в избирательном списке его партии стояло первым. Третий депутатский мандат пока остается свободным. При его распределении учитывается величина остатка от деления на избирательный метр: у партии А остаток был 50 тыс., а у партии Б – 10 тыс. голосов. Депутатское место достается партии А, в частности, ее депутату, стоящему вторым в партийном списке³.

В Австрии, Италии, Швейцарии и некоторых других странах избиратели голосуют и за список партии в целом, и за отдельного кандидата в списке. Для этого напротив имен кандидатов избиратели ставят цифры, определяя, таким образом, кто из списка должен быть избран в случае победы своей партии в первую очередь, а кто – во вторую и т. д. Это повышает демократический контроль не только за общей процедурой выборов, но и за рейтингами претендентов на депутатский мандат в каждой из партий, участвующих в выборах.

Мажоритарная избирательная система в настоящее время применяется в Англии, США, Франции, Японии и позволяет создавать

устойчивое правительство, опирающееся на прочное большинство в парламенте.

Пропорциональная избирательная система принята в Австрии, Бельгии, Греции, Италии, Норвегии, Финляндии, ФРГ, Швейцарии, Швеции и некоторых других странах. Нередко в одной стране используются обе избирательные системы, например, одна из палат парламента избирается по мажоритарной системе, а другая – по пропорциональной. Установление границ избирательных округов, правила определения итогов голосования могут иметь влияние на результаты выборов, и поэтому эти вопросы часто становятся предметом политической борьбы.

Какую роль играют выборы в политической жизни страны? Иными словами, **каковы их функции?**

1. В условиях проведения свободных, демократических выборов их итоги позволяют выявить расстановку политических сил в стране, показывают, каково доверие избирателей к той или иной партии, к ее предвыборной программе и лидерам.

2. В демократических странах победа на выборах является *единственным способом*, позволяющим той или иной партии прийти к власти.

3. Выборы определяют состав законодательного собрания страны, правительства, президента страны, местных органов власти, дают власти “свежую” легитимность.

4. Чередование партий у власти стабилизирует политическую систему, делает ее более гибкой и восприимчивой к требованиям избирателей.

5. Выборы вселяют в избирателей чувство причастности к политике, к процессу принятия политических решений.

4. Референдум как политическая процедура

По способам организации и проведения к выборам близка такая форма определения волеизъявления граждан, как референдум. Латинское слово *referendum* означает “то, что должно быть сообщено”. В прошлом в Швейцарской конфедерации и ее отдельных кантонах представители территорий могли принимать какие-либо

³ См.: Там же. С. 109.

решения только тогда, когда им давались на это специальные полномочия. Во всех остальных случаях их решения не имели окончательного характера и принимались *ad referendum*, то есть *для сообщения народному собранию*.

В политической практике современных государств референдум – *это прямое, непосредственное обращение к избирательному корпусу для принятия окончательного решения по конституционным, законодательным, внутри- и внешнеполитическим вопросам*. Главная, сущностная черта референдума – непосредственное осуществление народом государственной законодательной власти. На общенациональный референдум парламент или глава правительства выносят вопросы, касающиеся государственно-политического устройства и важнейших проблем политической жизни страны: принятие конституции и поправок к ней, изменение формы государственного устройства или формы правления, принятие новых или отмена ряда действующих законов, вступление страны в международную организацию, присоединение к межгосударственному соглашению и т. д. Референдумы могут проводиться и в отдельном регионе или округе по вопросам, имеющим местное значение, например, введение дополнительного налога, поступающего в городской бюджет, проект застройки нового квартала, строительство автомагистрали и т. д. Особенно широкое распространение местные референдумы получили в Швейцарии и США.

Разновидностью референдума является *плебисцит* (от лат. *plebs* – “простой народ” и *scitum* – “решение”). Под плебисцитом следует понимать решения политических вопросов различного содержания, принимаемые самим народом. Однако с исторической точки зрения термин “плебисцит” и присущая ему политическая практика являются в известном смысле скомпрометированными, поскольку довольно часто проводились в монархических и диктаторских государствах для оправдания воли монарха или диктатора. Поэтому в современных демократических государствах предпочтение отдается понятию “референдум” и его современным формам: народной инициативе, народному решению (или народному референдуму), народному законодательству.

Под *народной инициативой* понимается право народа или его отдельных групп выдвигать на обсуждение вопрос любого содержания с целью проведения народного референдума. *Народное законодательство* включает в себя принятие или отклонение законов народом, а также законодательные инициативы, которые можно разделить на позитивные (направленные на принятие законов) и негативные (направленные на их отклонение или отмену). Следует также назвать такую форму, как *всенародный опрос* – организованный высшими государственными органами опрос населения с целью получения нужной информации.

При подготовке референдума избирательные округа не создаются. Принятым считается то решение, за которое проголосовало большинство граждан, принявших участие в референдуме. В отличие от выборов референдум – это институт не представительной, а прямой демократии. Объектом референдума является не кандидат в депутаты или на выборную должность (президента, губернатора), а вопрос, по которому он проводится.

Референдумы широко практикуются многими странами. В XX веке было проведено только общенациональных референдумов: в Европе – более 100, Америке – 30, Африке и на Среднем Востоке – более 50, Азии – 20, Австралии и Океании – 50. Вопросы, выносившиеся на референдум, были самые различные: сохранить монархию или установить республику; однопартийная или многопартийная политическая система; утверждение Конституции и поправок к ней; принятие Конституции и т. п. Российская Конституция также была принята на референдуме 12 декабря 1993 года.

Оценка референдума как института прямой демократии не может быть однозначной. У него есть свои слабые стороны:

- велико число тех, кто не участвует в голосовании;
- решение нередко принимается незначительным большинством голосов;
- общественное мнение может быстро измениться, и результаты референдума уже не будут отвечать настроениям большей части общества.

Для того чтобы референдум более полно выражал волеизъявление народа, ему должно предшествовать *широкое и гласное всенародное обсуждение выносимого на голосование вопроса*. Окончательно принятым можно считать такое решение, которое поддержит квалифицированное большинство, то есть две трети граждан, принявших участие в голосовании. Если устойчивого большинства нет, то через некоторое время вновь придется возвращаться к тому же самому вопросу. Но даже если референдум проведен с соблюдением всех необходимых условий, он не может рассматриваться как идеальный инструмент реального народовластия. Правительство, вынося на референдум тот или иной вопрос, как правило, стремится сформулировать его таким образом, чтобы по возможности предопределить получение желаемого для него ответа: участники референдума не вносят изменений в предлагаемый законопроект, а должны лишь поддержать или отвергнуть заранее сформулированное решение. Кроме того, после подведения итогов референдума между основными политическими силами страны может развернуться борьба за интерпретацию полученных на референдуме результатов.

Но несмотря на все эти обстоятельства, возросший уровень образованности и информированности людей, расширение их кругозора оказывают большое влияние на их политические ориентации и поведение. Люди лучше осознают свои права, стремятся оценивать и осмысливать происходящие события самостоятельно. Новые возможности для политической активности открывает развитие СМИ. С их помощью рядовой гражданин постоянно находится в курсе важнейших событий, оказывается свидетелем политических действий, быстро узнает о поступках и высказываниях вершителей политических судеб. Это ослабляет ощущение дистанции между рядовыми гражданами и представителями власти, усиливает веру людей в свои возможности воздействовать на ход политических событий.

5. Особенности электорального процесса в России

В России при всех недостатках в области прав человека и практики проведения выборов имеются определенные достижения в

деле становления электоральной демократии. Существует хоть и далекое от идеала, но детальное законодательство, которое постоянно совершенствуется по мере накопления практического опыта. Проходившие в последние годы выборы представляли собой действительную борьбу разных политических сил за власть. Конкуренция политических партий и их лидеров (и даже олигархических группировок, стоящих за некоторыми из них) стала реальностью, как на федеральном уровне, так и на уровне большинства регионов России. Проходившие в 1993, 1995, 1999, 2003 и 2007 годах выборы в Государственную Думу показали их открытость для анализа и критики. Не остаются без внимания и некоторые нарушения, выявляемые в ходе выборов.

Вместе с тем сам факт проведения выборов еще мало о чем говорит; нужно разобраться в том, как именно они проводятся. Первые действительно конкурентные выборы прошли в бывшем Советском Союзе еще в 1989 году. Однако и эти и все последующие парламентские и президентские выборы нельзя назвать подлинно справедливыми. Это связано с целым рядом факторов, в числе которых и несовершенство законодательства о выборах, и попытки любой из политических сил, находящихся в данный момент у власти, изменить процедуру выборов или “правила игры” в свою пользу, и мн. др. Нередко власть предрасполагающая применяют так называемый “административный ресурс”, то есть чинят различные препятствия для ведения предвыборной агитации тем кандидатам и политическим движениям, которые им по различным причинам неуютны, и т. д.

Серьезные нарекания вызывает законодательство о выборах. Так, долгое время отсутствовал закон о политических партиях как основных участниках электорального процесса. Следствием этого стало то, что к выборам допускалось огромное число избирательных объединений (в 1995 году – 43; в 1999 году – 26), в числе которых значились и обыкновенные профессионально-лоббистские группировки типа Союза работников коммунального хозяйства или Партии пенсионеров. Кроме того, законодательство довольно жестко контролировало личное имущество кандидатов, но было

излишне либеральным в отношении источников и размеров финансирования выборных кампаний. Вследствие этого отдельные партии и блоки получали огромное преимущество перед другими.

В последнее время очень много сомнений вызывают также нормы избирательного законодательства. Они весьма вольно трактуют электоральную демократию, как правило, приспособлявая ее к субъективным интересам ограниченной части правящего класса.

Не способствовали упрочению демократических процедур попытки проверить реакцию общественности посредством размещения в СМИ информации о возможном переносе или отмене президентских выборов, как это было в 1996, 1999 и 2000 годах. Такие намерения определенных сил препятствуют формированию у российских граждан цивилизованной политической культуры, обстановки общественного доверия, заинтересованного участия в избирательных кампаниях. В результате в России, как и в ряде латиноамериканских стран, выборы далеко не в полной мере выполняют ряд своих основных функций. В частности, в ходе выборов не происходит легитимация политической системы и политического режима, правления партий и лидеров. Следовательно, и после выборов политическая система России, ее институты и правящие элиты остаются нелегитимными в глазах большинства населения. Выборы не являются в должной мере механизмом формирования воли большинства и цивилизованного разрешения возникающих конфликтов.

Не решают выборы и другую важную задачу – рекрутировать новую политическую элиту, особенно на региональном уровне. Последняя приобретает все более замкнутый характер, деградирует и вырождается. Это, в свою очередь, препятствует тому, чтобы выборы стали средством мобилизации населения в поддержку общественно-значимых ценностей и партийных программ. После каждых новых выборов наше общество не становится более сплоченным и интегрированным.

Что касается подготовки программ деятельности со стороны соискателей власти, то они носили и продолжают носить во многом декларативный характер и не могут служить ориентиром для

избирателей. Кроме того, победившая на выборах политическая партия, согласно российской Конституции, не имеет права сформировать правительство. Результаты выборов лишь опосредованно сказываются на утверждении кандидатуры премьер-министра, выдвинуть которую может только Президент. Если партия, получившая поддержку большинства избирателей, не может повлиять на формирование правительства, а тем более не может играть значимой роли в процессе управления, это обесценивает не только выборы, но и сам представительный орган власти. Отсюда высокий уровень напряженности в обществе, политические конфликты между ветвями власти, нестабильность и т. п., столь характерные для 1990-х годов.

Немаловажной чертой характеристики выборов является равенство всех граждан в предоставлении информации, доступ к ведущим телеканалам, возможность беспрепятственно вести агитацию и т. д. В России после президентских выборов 1996 года ведущие телеканалы оказались в руках узкой группировки “олигархов”, использующих телевидение как ударное средство в борьбе с политическими оппонентами. Дискредитация противников в канун парламентских выборов 1999 года достигла таких форм и масштабов, что наблюдатели не без оснований заговорили об “информационных войнах”, бушевавших на страницах газет и журналов, в радио- и телеэфире. Согласно выводам независимых наблюдателей от ОБСЕ, присутствовавших на этих выборах, вследствие “информационных войн” российские граждане не получили достоверной информации о кандидатах, чтобы иметь возможность сделать осознанный, рациональный выбор.

После выборов в Государственную Думу 2003 года, президентских 2004 года, в региональные законодательные собрания 2006–2007 годов проявились тенденции, которые, вероятнее всего, будут действовать и в ближайшей перспективе. Назовем некоторые из них.

Во-первых, обозначилась тенденция к дискриминации самого института выборов, скептическое отношение к которому становится в России все более распространенным, а электоральный абсен-

теизм – все более легитимной практикой. Этот факт подтверждают данные многих социологических опросов. Согласно исследованиям Фонда “Общественное мнение”, в апреле 2003 года 73 % россиян признавали, что выборы в принципе нужны, а 20 % считали их ненужными. В 2007 году первую точку зрения разделяли только 61 % опрошенных, а доля сторонников противоположной позиции выросла до 23 %. Симптоматично, что более чем вдвое (с 7 % до 16 %) увеличилось число затруднившихся с ответом на этот вопрос. 40 % заявляют, что теперь они ходят на выборы менее охотно, чем пять, десять лет назад. Согласно исследованиям ФОМ, 34 % граждан вовсе не считают существование парламентской системы в России необходимой. От 12 % до 23 % населения вообще готовы отказаться от этого конституционного права. Примечательно, что подавляющее большинство россиян (54 %) связывают реальные изменения в стране исключительно с результатами президентских выборов. 20 % выступают за возвращение однопартийной системы.

Во-вторых, наблюдается минимизация самостоятельных политических акторов как в партийном контексте, так и в аспекте проявления автономной политической активности граждан. В выборах в Госдуму 1993 года в бюллетене для голосования было 43 политических партии. Сегодня в РФ зарегистрировано 34 политических партии, но реальными игроками, по сути, являются 4 – 6. Принятые законы о митингах и шествиях, референдумах, некоммерческих организациях и другие минимизируют импульсы к формированию хотя бы локальных пространств для диалоговых способов коммуникации граждан с властью, развитию общественно-политической активности россиян.

В-третьих, после выборов 2003 года наблюдается ослабление роли и значения бизнеса в качестве самостоятельного игрока в политическом пространстве. В ходе выборов по старой системе крупные корпорации имели возможность самостоятельно выдвигать кандидатов и вести борьбу за их победу, мобилизуя свой финансовый, интеллектуальный, пропагандистский, организационный и иной потенциал. В Думе прошлого состава они обладали мощными рычагами влияния на законодательный процесс, в основном

через междепутатские объединения, число которых составляло около двух десятков. Новый закон о выборах в Государственную Думу, ликвидировавший одномандатные округа, подрывает позиции крупного бизнеса в законодательной сфере, усиливает его зависимость от “партии власти” и от самой власти, вынуждает встраивать своих представителей в “партию власти”. С другой стороны, выборы губернаторов законодательными региональными собраниями по предложению Президента РФ освобождают их от необходимости выстраивать равновесные отношения в представителями регионального крупного бизнеса⁴. В экономических отношениях также усиливается тенденция прямого государственного контроля над ключевыми сегментами российской экономики. Минимизируя пространство конкурентной среды, российское государство поощряет монополизацию власти и экономики, что может негативно сказаться на развитии гражданской и электоральной активности. О том, что такая активность для власти в принципе не желательна, говорит и тот факт, что порог явки на выборах всех уровней с недавнего времени отменен.

В-четвертых, после президентских выборов 2004 года обозначилась тенденция огосударствления политического пространства, что выразилось в аннулировании свободной политической конкуренции, полной деполитизации Совета Федерации, в установлении политико-административного контроля над Государственной Думой, в активной селекции медиа-рынка. Наиболее существенными новеллами, внесенными в федеральное законодательство о выборах, стали: введение множественных ограничений на проведение общероссийского референдума; ужесточение требований к политическим партиям; отмена прямых выборов глав субъектов Российской Федерации; отмена института избирательных блоков; переход на полностью пропорциональную систему на выборах депутатов Государственной Думы в сочетании с повышением заградительного барьера; отмена независимого общественного наблюдения на

⁴ См.: Авцинова Г. И. Избирательный процесс в России 2007 года : некоторые вопросы теории и тенденции развития // Выборы в России : вчера, сегодня, завтра... М., 2007. С. 16.

выборах; отмена строки “против всех” в избирательном бюллетене. Все это дополняется правоприменительной практикой избирательных комиссий и судов, главной тенденцией которой стало ограничение конкуренции путем недопуска к выборам популярных кандидатов и партий. Кроме того, с помощью административного ресурса достигается информационное доминирование продвигаемых исполнительной властью кандидатов и партий, и результаты выборов все меньше зависят от самих избирателей⁵.

О вырождении политики как формы регулирования социальных отношений красноречиво свидетельствует и тот факт, что люди с “медийными” лицами стали служить рекламой для той или иной партии. Вступление известных людей в партии, прежде всего в “Единую Россию”, назойливая демонстрация ими своих политических взглядов, предпочтений окончательно превращают политику в шоу, а партия начинает ассоциироваться не с принципами, программой, а с лицами. Наличие высокого избирательного порога, большого количественного состава существенно затруднит формирование новых партий снизу, а для партий, создаваемых сверху, всегда будет существовать проблема кристаллизации своего электората. Эта тенденция четко просматривается в деятельности партии “Справедливая Россия”, которая стремится занять левую нишу в партийно-политическом спектре России. Заявление С. Миронова буквально накануне голосования на мартовских выборах 2007 года о том, что его партия будет строить социализм, явилось пиар-акцией и очередной попыткой отобрать голоса у КПРФ.

В-пятых, региональная элита, и, прежде всего, региональная бюрократия становится основным актором в зонах “управляемого”, а потому предсказуемого голосования. Здесь в полной мере можно использовать административный ресурс, проводить во власть “своих людей”, контролировать политическое пространство, манипулируя сознанием населения через подконтрольные СМИ. К слову сказать, резко негативную оценку деятельности госаппарата на всех уровнях власти высказал в своем первом Послании Федераль-

⁵ См.: Иванченко А. В., Любарев А. Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006. С. 206–207.

ному Собранию России Президент Д. Медведев. По его мнению, необходимо развивать демократические институты, повысить уровень и качество народного представительства. В Государственной Думе пятого созыва парламентские партии представляли 90 % правоспособных граждан России. Однако еще примерно 5 млн граждан не были представлены, поскольку отдали свои голоса за партии, не преодолевшие 7 %-й барьер. Президент предложил гарантировать малым партиям, набравшим от 5 % до 7 % голосов на парламентских выборах, по 1–2 мандата и предоставить парламентскую трибуну для выражения своих взглядов. Кроме того, предложено отменить использование денежного залога на выборах всех уровней и облегчить процесс сбора необходимого количества подписей избирателей, необходимых для участия в выборах в Государственную Думу⁶.

Таким образом, именно свободные и честные выборы выявляют в демократическом государстве подлинную волю народа, и уже на ее основе представительные органы способны решать конкретные вопросы. Что же касается большинства постсоветских государств и России, то здесь выборы выступают, скорее, внешней стороной механизма власти, его парадным глянцем. Зачастую они призваны лишь убедить стороннего наблюдателя в “демократичности” такого механизма, внушать избирателям иллюзию “правильного”, нормального протекания политических процессов в государстве и обществе. Однако одна только констатация фактов проведения голосования еще не говорит о том, что страна прошла путь по превращению электоральной демократии из политического лозунга в один из правовых институтов, регламентирующих взаимоотношения власти и общества. Необходимо, чтобы и выборы и права человека рассматривались в качестве фундаментальных ценностей. И дело здесь не только в трудностях переходного периода, но и в том, что имеет место сознательное игнорирование властными политическими элитами общепризнанных демократических институтов и процедур.

⁶ См.: Российская газета. 2008. 6 нояб. С. 3.

Контрольные вопросы

1. Что такое электоральный процесс, каковы его основные этапы?
2. Назовите основные международные электоральные нормы. В каких документах они изложены?
3. Как вы понимаете принцип всеобщего и равного избирательного права?
4. Каковы достоинства и недостатки мажоритарной и пропорциональной избирательных систем?
5. Какую роль играют выборы в общественной жизни? Назовите основные функции выборов.
6. Что такое референдум? В чем его достоинства и недостатки?
7. Каковы особенности электорального процесса в современной России?

ЛИТЕРАТУРА

1. Авцинова Г. И. Избирательный процесс в России 2007 года : некоторые вопросы теории и тенденции развития / Г. И. Авцинова // Выборы в России : вчера, сегодня, завтра... М., 2007. – С. 14–18.
2. Афанасьев М. А. Поведение избирателей и электоральная политика в России / М. А. Афанасьев // Политические исследования. – 1995. – № 3. – С. 96–103.
3. Веденеев Ю. А. Политическая демократия и электорально-правовая культура граждан / Ю. А. Веденеев // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 33–38.
4. Голосов Г. В. Поведение избирателей в России : теоретические перспективы и результаты региональных выборов / Г. В. Голосов // Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 44–56.
5. Голосов Г. В. Электоральный авторитаризм в России / Г. В. Голосов // Pro et contra. – 2008. – № 1(40), янв. – февр. – С. 22–35.
6. Де Бардегбен Дж. Отношение россиян к референдумам / Дж. Де Бардегбен, Дж. Паммет // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С. 11–26.
7. Елисеев С. М. Политические партии России как агенты и симулякры национального поля политики / С. М. Елисеев // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. – 2004. – № 2. – С. 32–44.

8. Иванченко А. В. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы / А. В. Иванченко, А. В. Кынев, А. Е. Любарев. – М., 2005. – 213 с.

9. Иванченко А. В. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии / А. В. Иванченко, А. Е. Любарев. – М., 2006. – 222 с.

10. Комаровский В. С. Демократия и выборы в России : теория и история вопроса / В. С. Комаровский // Социологические исследования. – 1996. – № 6. – С. 18–31.

11. Кошeluk М. Е. Технологии политических выборов / М. Е. Кошeluk. – СПб., 2004. – 239 с.

12. Макаренко Б. И. Парламентские выборы 2003 г. как проявление кризиса партийной системы / Б. И. Макаренко // Политические исследования. – 2004. – № 1. – С. 51–65.

13. Макаркин А. Выборы в рамках контракта / А. Макаркин // Там же. – С. 35–45.

14. Николаев А. Н. Административный ресурс в региональных избирательных кампаниях / А. Н. Николаев // Политические исследования. – 2000. – № 4. – С. 171–174.

15. Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами / Ж. Сегела. – М., 1999. – 264 с.

16. Соловьев А. И. Электоральный дефолт и деинституционализация политического рынка / А. И. Соловьев // Политические исследования. – 2004. – № 1. – С. 12–14.

17. Электоральный процесс в регионах России (заочный “круглый стол”) // Политические исследования. – 1998. – № 5. – С. 161–168.

18. PRO NUNC : Современные политические процессы. Вып. 4. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / редкол.: Г. Ю. Валеева, В. Ф. Пеньков, А. С. Пучнин, А. А. Сазонов (пред.), Д. Г. Сельцер; админ. Тамб. обл., Тамб. обл. Дума, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, избир. комиссия Тамб. обл., Тамб. отделение Рос. ассоциации полит. науки. – Тамбов, 2006. – 266 с.

Лекция 3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

В предыдущих лекциях мы обращали внимание на взаимодействие политических субъектов как сущностную характеристику политических процессов. Взаимодействие может иметь различный характер – от сотрудничества до соперничества, от партнерства до конкуренции и конфликта. Вообще политику и политические процессы трудно представить себе бесконфликтными. Неслучайно многие современные политологи включают феномен конфликта в структуру политики. Так, по мнению известных американских политологов Д. Истона и В. ван Дейка, политика есть борьба субъектов, преследующих конфликтующие между собой цели, результатом которой является регулируемое и контролируемое властью распределение ценностей. Вместе с тем любой конфликт инициирует не только изменения, но и достижение интеграции политической и общественной системы на новом, более высоком уровне, поэтому его нельзя рассматривать вне его противоположности – консенсуса.

В современной литературе понятия “конфликт”, “кризис” распространены достаточно широко, что объясняется теми реальными экономическими, политическими, социокультурными, духовными процессами, которые переживает современный мир и особенно Россия. В отечественном обществоведении прошлых лет в силу определенных идеологических установок (“при социализме не должно быть конфликтов и кризисов”) данная проблематика не разрабатывалась должным образом. Политическому руководству страны это сослужило плохую службу, поскольку в момент обвального нарастания конфликтов оно оказалось без серьезных теоретических наработок и практических рекомендаций по этому вопросу.

Между тем на Западе существует солидная школа конфликтологии, в рамках которой разработаны многие теоретические и прикладные аспекты социальных и политических конфликтов. В последнее время и в нашей стране наблюдается активное становление конфликтологии как отрасли знания и самостоятельной дисциплины.

1. Понятие и признаки политического конфликта

В самом общем виде под **конфликтом** понимается такой способ взаимодействия людей, социальных общностей и социальных институтов, при котором действия одной стороны, столкнувшись с противодействием другой, препятствуют реализации ее целей (интересов). Из этого следует, что для возникновения конфликта необходимо наличие, как минимум, двух сторон, интересы которых реально или предположительно сталкиваются. Предметом конфликта могут выступать два вида “дефицита”: позиционный дефицит (дефицит социальных позиций – социальных статусов, ролей и т. д.) и дефицит источников (определенных материальных или духовных ресурсов). Конфликт возникает в том только случае, когда стороны стремятся к получению выгоды за счет друг друга. Противоборствующие стороны в конфликте всегда стремятся к доминированию, то есть к возможности направлять и контролировать действия другой стороны.

В социологии и политической теории существует несколько методологических подходов к трактовке социальных конфликтов. Один из них – *поведенческий* (бихевиористский) – определяет конфликт как социальный процесс, в котором индивид или группа стремится к достижению собственных целей путем устранения, уничтожения или подчинения себе другого индивида или группы, стремящихся к сходным или идентичным целям. Конфликт может также возникнуть между группами, стремящимися к разным целям, но использующими для их реализации одни и те же средства. Одно из наиболее известных определений такого рода предложил американский социолог **Л. Козер**: конфликт – это такое поведение, которое влечет за собой борьбу между противными сторонами из-за дефицитных ресурсов и включает в себя попытку нейтрализовать, причинить вред или устранить противника. Здесь четко названы причина конфликта – дефицит ресурсов, его предмет – власть, статус, материальные или духовные блага, а также охарактеризована стратегия противоборствующих сторон в отношении друг друга: нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника. Термин “борьба” в определении конфликта подчеркивает не толь-

ко ожесточенность взаимодействия его субъектов, но и возможную динамику его форм.

Другой подход – *структуралистский* – определяет конфликт через противоречия, присущие социальной структуре. Социальные противоречия связаны с различиями в образе жизни людей, принадлежащих к разным социальным группам, неравенством их жизненных шансов, которые, в свою очередь, определенным образом влияют на формирование картины мира, то есть идеального образа будущего.

По отношению к социальному конфликту как родовому понятию политический конфликт является понятием видовым. Однако он не есть простое отражение социально-экономических или классовых конфликтов, достигших определенной остроты. Политический конфликт является самостоятельным политическим феноменом, экстремальным состоянием политического действия тех или иных институтов, представляющих интересы больших социальных групп, противоборством различных политических сил – по определенным вопросам и с определенной интенсивностью. Вместе с тем политический конфликт является неотъемлемой, имманентной чертой мира политики, ее побудительным началом. Разногласия, соперничающие точки зрения, столкновения – все, с чем вызывают к власти, требуя их разрешения, и представляет собой то, что называется политическими конфликтами. Таким образом, конфликт – это не только категория политологии, но и язык теории политики, образ мышления политика. Нынешняя эпоха гораздо более политизирована, чем любая предшествующая, поскольку гораздо большее число конфликтов теперь не обходится без вмешательства властных структур и, следовательно, являются политическими.

Трудности анализа, а тем более регулирования и предупреждения политических конфликтов связаны с самим их характером. Они возникают из различий интересов, соперничества и борьбы социально-профессиональных, этно-конфессиональных и иных групп, слоев, общностей и даже индивидов в процессе приобретения, перераспределения и реализации политико-государственной власти, овладения ведущими позициями (депутата, президента,

лидера партийной фракции) в институтах и структурах этой власти. Источником политических конфликтов может быть иерархичность статусно-ролевой структуры политической сферы, неравное распределение не только власти, но и политических прав и свобод, форм и уровней участия в политической жизни. Другой источник кроется в различиях политических культур как способов политического мышления и действия больших социальных групп. Различные убеждения могут отражать само- и миропонимание тех или иных групп, их идентичность, и найти какой-то компромисс здесь гораздо труднее, чем в конфликтах интересов, нацеленных на передел материальных благ. Системы ценностей часто выступают в качестве самостоятельных источников мотивации, действующих на основе деления человеческих сообществ на “своих” и “чужих”.

В понимании природы политического конфликта очень важно учитывать *процесс делегирования полномочий доверенному лицу – лидеру – от имени группы последователей*. Технология формирования таких групп различна, но ее нельзя сводить к одномерному социальному миру, организованному вокруг одного единственного противоречия (например, противоречия в отношениях собственности). Индивиды занимают не только различные экономические позиции, но и ансамбль других позиций: социальных, культурных и т. д. Лица, избранные уполномоченными (доверенными), по сути, формируют конфликтную группу, говорят от ее имени. Это не значит, что волеизъявление группы не существует как некая объективная реальность. Но даже если групповые устремления сильны, но неопределенны, они остаются скрытыми до тех пор, пока их не вызовет к жизни какой-нибудь политический лидер, превращая в *политический фактор*. В условиях современного общества, помимо классов, групп интересов или элит, возможны и иные субъекты политических конфликтов, например, мобилизованные в качестве социальных и политических движений.

Мир политики вообще следует рассматривать как пространство постоянной борьбы, направленной на изменение соотношения сил взаимодействующих групп. Термин “борьба” при этом имеет переносный смысл. Например, телевизионные дебаты представ-

ляют собой борьбу в форме театрализованного столкновения двух политиков, двух доверенных лиц больших электоральных групп, поддержавших этих политиков на выборах. Парламентские дебаты также есть борьба, в которой рождаются важнейшие политические решения, обязательные для граждан (например, законы). В конкурентной политической борьбе производится политическая продукция: события, комментарии, программы, из которых и должны выбирать обычные граждане. Политики производят эту продукцию для потребления граждан как отражение и выражение их интересов, но под видом последних они нередко выставляют и свои собственные интересы.

Обобщая, можно предложить следующее определение политического конфликта. **Политический конфликт – это теоретическая и практическая борьба субъектов политики – доверенных лиц больших социальных групп за власть и политическое доминирование с целью модифицировать, трансформировать или сохранить существующий политический и социальный порядок.** Для реализации этой цели необходимо обладание политическим капиталом, то есть позициями в структурах власти, финансами, правом, репрессивным аппаратом, влиянием и т. п., за которые и разворачивается борьба¹. Но борьба идет не только за монопольное применение инструментов и ресурсов государственной власти. Не менее важно обладать и монополией на разработку и распространение определенной картины мира и, следовательно, влиять на формирование групп своих сторонников и последователей. Поэтому сводить сущность политического конфликта лишь к борьбе за власть как самоцель совершенно неверно.

Во-первых, не все политики руководствуются только эгоистическими мотивами и стремятся к власти ради нее самой. Из истории хорошо известно, что в политику приходили и идеалисты, и люди самых бескорыстных намерений. Еще М. Вебер писал о том, что можно жить для политики, а можно – за счет политики.

¹ См.: Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика: (теоретико-методологический анализ). М., 2000.

Во-вторых, многие оппозиционные движения в истории добивались идейной и политической гегемонии *прежде*, чем в их руки переходила государственная власть: завоевание последней представляло собой лишь чисто технический вопрос, являлось следствием уже состоявшегося политического доминирования. Да и обладание властью в демократической политической системе не освобождает правящую партию, коалицию партий, президента страны от необходимости ежедневно и ежечасно “сражаться” за мобилизацию в свою поддержку наибольшего числа сторонников (или респондентов – в регулярных рейтинговых опросах). Следовательно, главным смыслом всей политической деятельности является мобилизация наибольшей численности сторонников для осуществления собственного политического проекта.

Специфика политического конфликта, помимо сказанного, может быть дополнена следующими характеристиками:

1. Предметом политического конфликта являются *специфические ресурсы*: государственная власть, устройство властных институтов, политический статус социальных групп, ценности и символы, являющиеся базой политической власти и в целом данной политической общности. *В этом ключевое отличие политического конфликта от экономического (производственного)*. Если в экономике ресурсы делят более или менее справедливо, а иногда соглашаются на кооперацию, чтобы сначала увеличить производство продукта, а уже потом его разделить, то в политике это невозможно. Пост президента, главы правительства нельзя разделить, да и число мест в парламенте строго ограничено. Если в экономике, согласно либеральной доктрине, все вещи имеют меновую стоимость, то в политике иначе: для *политической свободы и политической независимости нет справедливого эквивалента*, как бы велика ни была предлагаемая взамен сумма. Поэтому урегулировать политический конфликт гораздо труднее, чем любой другой.

2. Политические дискуссии как *форма политического конфликта* отличаются особой жесточечностью и постоянным обращением к этике со стороны участников таких дискуссий. Это объясняется тем, что кредит доверия тому или иному политику

выдан не только в обмен на пропагандируемые им идеи, но и *ему лично*. Его личные качества предстают как *высшая гарантия* того представления о социальном мире, которое он проповедует. Поэтому оппонент стремится не только к тому, чтобы опровергнуть эти идеи чисто логическими и научными аргументами, но и *дискредитировать* их, дискредитируя *их автора*. “Выдавая лицензию поражать не только идеи, но и саму личность противника, логика политического поля чрезвычайно благоприятствует стратегии озлобленности”, – подчеркивает П. Бурдые². Отсюда такие распространенные в политике методы и приемы борьбы, как компромат, шантаж противника, словесная агрессия и т. п.

3. Политический конфликт предполагает мобилизацию наибольшей численности сторонников каждой из конфликтующих групп. *Это отличает политический конфликт от юридического, правового*. Юридический конфликт также предполагает умение “сражаться словами”, то есть вести спор при помощи убедительных доводов и аргументов. Но это борьба в рамках и на почве права, между субъектами права, и сама юридическая коллизия не предполагает апелляции к непосвященным, то есть посторонним людям. Напротив, политический конфликт предполагает апелляцию и борьбу за мобилизацию именно непосвященных (“неспециалистов”), и масштабы мобилизации могут оказывать политическое воздействие, в том числе и на судебные решения. Например, массовые протесты могут способствовать вынесению оправдательного или сравнительно мягкого приговора тому или иному оппозиционному деятелю; массовые митинги способны заблокировать вступление в силу судебного решения и т. п.

4. Политический конфликт не равнозначен военному конфликту, вооруженной борьбе, хотя в экстремальных случаях может ею заканчиваться. Но военный конфликт подчиняется собственным законам, включая технические (соотношение сил воюющих сторон, условия их дислокации, характер и качество вооружений и т. п.). Политика же начинается за пределами войны, гражданской или международной. Поэтому не следует сводить политический

конфликт исключительно к его крайним, вооруженным формам (мятежу, восстанию и т. п.). Природа последних действительно является политической, но формы развития и разрешения выходит за рамки политики.

2. Основные концепции политических конфликтов

В мировой политической мысли существуют многочисленные теории и концепции, раскрывающие причины возникновения политических конфликтов. Одной из самых влиятельных долгое время была *диалектическая теория конфликта К. Маркса*. Она явилась наиболее радикальным ответом на господствовавшие в начале прошлого века представления об обществе как о социальном организме, на преувеличение степени его культурного, нормативного, морально-целевого единства, а также на представления об органичности и единообразии исторического процесса.

Согласно теории Маркса, экономические отношения, и в первую очередь отношения собственности, определяют организацию всего общества. Классовая структура и институциональное устройство (прежде всего государство), так же как и культурные ценности, убеждения, религиозные догмы и прочие идеи, существующие в социальных системах, в конечном счете являются отражением экономического базиса. Если экономическая организация основана на частной собственности на основные средства производства, в обществе возникают силы, находящиеся между собой в состоянии *классового конфликта*: рабы и рабовладельцы, крепостные крестьяне и феодалы, пролетариат и буржуазия. Поляризация классов приводит к революционному свержению господствующего класса угнетенным. Следовательно, конфликт имеет два полюса, причем эксплуатируемый класс, лишенный собственности на средства производства, может осознать свои истинные интересы только благодаря созданию собственной организации – политической партии.

Согласно Марксу, социальные отношения изобилуют конфликтными интересами, а сам конфликт является неизбежным свойством и источником изменения социальных систем. Классовые кон-

² Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 227.

фликты проявляются в полярной противоположности, антагонизме интересов, а их источником чаще всего является недостаточность ресурсов, прежде всего собственности и власти. В диалектической модели Маркса нашли свое отражение и некоторые зависимости, важные для структурирования противоборствующих классов, в частности:

– чем лучше осознаны коллективные интересы, тем раньше конфликт перерастет из латентной стадии в открытую;

– чем выше уровень развития политической организации и политического руководства, тем сильнее идеологическая сплоченность подчиненного класса;

– чем больше поляризованы борющиеся классы, тем выше насильственность конфликта; и т. д.

Другая парадигма исследования конфликтов – **конфликтный функционализм Г. Зиммеля**. Соглашаясь с Марксом в том, что конфликт в обществе неизбежен и закономерен, Зиммель иначе объяснял общественное предназначение социальной структуры. По его мнению, ее составляют не столько отношения господства и подчинения, сколько разнообразные, неразрывно связанные друг с другом процессы ассоциации и диссоциации, объединения и размежевания, которые можно отделить друг от друга лишь в ходе теоретического анализа.

Согласно Зиммелю, конфликт выражает не просто столкновение интересов, но и нечто большее, так как возникает на основе *инстинктов враждебности* (показательно в этой связи название одной из работ Г. Зиммеля – “Человек как враг”). Отсюда конечным источником конфликтов является внутренняя биологическая природа людей, в то время как столкновение интересов лишь обостряет борьбу, но не является ее основной причиной.

В отличие от Маркса, полагавшего, что конфликт, в конце концов, обязательно усиливается, приобретает революционный характер и приводит к структурным изменениям социальной системы и политического порядка, Зиммель чаще всего анализировал явления противоположного характера – менее интенсивные и острые конфликты, которые укрепляли прочность и интеграцию системы,

стимулировали ее упорядоченные изменения. Однако и он высказал ряд суждений, относящихся к остроте конфликта, то есть к степени прямой конфронтации и насилия борющихся партий:

– чем сильнее эмоции, вызванные конфликтом, тем с большей вероятностью последний будет связан с применением насилия;

– вероятность применения насилия в конфликте тем выше, чем более гармоничными были предшествующие отношения его участников, чем больше каждая из групп считает его самоцелью и чем более она убеждена в том, что конфликт выходит за пределы ее индивидуальных интересов.

Принципиально важным представляется вывод Зиммеля о том, что в дифференцированных социальных системах, основанных на функциональной взаимообусловленности частей, менее острые конфликты усиливают интеграцию системы преимущественно тем, что препятствуют возникновению острых разрушительных конфликтов. Условием этого является их *институционализация* и *нормативное регулирование*. Острые и продолжительные конфликты способствуют созданию коалиций или интегрируют ранее не связанные группы.

Таким образом, если Маркс подчеркивал имманентно антагонистический характер конфликтов, обусловленный диспропорциями в социально-экономической структуре, то Зиммель считал антагонизм психологическим и, следовательно, преодолимым феноменом, обращая внимание на условия, при которых может измениться острота конфликта и проявятся в полной мере его интегративные последствия.

“Формальная социология” Г. Зиммеля оказала прямое и непосредственное влияние на трактовку политики как борьбы групп интересов. В свою очередь, в рамках марксистского подхода возникли теории, опровергавшие представления о гармонизации общественных отношений. По мнению известного теоретика **К. фон Байме**, ни одно из основных понятий политической теории и сегодня не возникает вне связи с учением К. Маркса³. Везде, где в

³ См.: *Beume K. von. Die politischen Theorien der Gegenwart. Eine Einführung.* Munchen, 1988. S. 205.

современной социологии и политической науке начинается работа с понятием “класс”, это происходит под влиянием и в дискуссиях с марксизмом. В первую очередь это относится к **дихотомическим теориям**, выделяющим, как и Маркс, два основных класса – господствующий и подчиненный. В откровенной конфронтации с классовой теорией находятся **теории элит**. В свое время это четко сформулировал итальянский социолог В. Парето, выдвинувший, в противовес марксистскому тезису о классовой борьбе как движущей силе истории, тезис о том, что история человечества – это история смены аристократий⁴. Другой итальянец Г. Моска трактовал элиту, исходя не столько из ее социально-структурных позиций в обществе, сколько из ориентации на политическое действие как **правлящий класс**. Большинство теоретиков элит скрыто или явно подразумевают приоритет политического фактора над экономическими и социальными детерминантами общественных изменений, то есть активное инициирование конфликтов различными элитными группировками. Отсюда глубокий пессимизм по поводу человеческой природы, присутствующий даже в демократических теориях элит, например, Г. Лассуэлла⁵.

Вместе с тем только активностью элит невозможно объяснить феномен массовой мобилизации, интенсивность эмоций участников конфликта, мотивов политического поведения и соперничества. Неизбежной становилась потребность в том, чтобы дополнить портрет homo politicus **психологическим анализом**.

Наибольшее влияние на исследование человеческой агрессивности в политике оказал **З. Фрейд**, создавший теорию психических фрустраций как основы конфликтного поведения. Теория фрустраций (подавленных желаний) является одним из главных оснований психоаналитического объяснения политической борьбы. Поскольку воля к власти, согласно Фрейду, является манифестацией инстинкта смерти, с характерными для него деструктивностью и наси-

⁴ См.: Парето В. О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 142.

⁵ См.: Лассуэлл Г. Д. Принцип тройного воздействия: ключ к анализу социальных процессов // Социологические исследования. 1994. № 1.

лием, то ясно, что этот ведущий принцип политики уже по самому своему определению опасен и враждебен культуре и жизни.

Агрессивность, насилие, жажда господства, авторитаризм – побудительные мотивы политических конфликтов – могут быть также результатом явления **компенсации**. Желание господствовать бывает свойственно как сильной и энергичной, так и психически слабой личности, компенсирующей в политике свои физические недостатки (как утверждают историки, все диктаторы были маленького роста: Цезарь, Наполеон, Гитлер, Сталин, – а некоторые имели и существенные физические недостатки).

Вместе с тем Фрейд достаточно реалистически оценивал масштабные политические конфликты типа войн, полагая, что их причины нужно искать не только в человеческих инстинктах, но и в реальных противоречиях, конфликтах между конкретными социальными группами, включая нации и национальные государства. Часто человеческая агрессивность является не только причиной, но и следствием политических решений, принятие которых осуществляется руководством той или иной страны.

Исследованию агрессивного поведения человека в политике посвятили свои труды и другие видные ученые. Новой попыткой разгадать природу “политического человека” стала **аналитическая психология К.-Г. Юнга**. Согласно его концепции, каждый индивид выполняет в буквальном смысле слова роль мотора, производящего избыточную психическую энергию – источник изменений и конфликтов в обществе. Развитие культуры и политики постепенно подчиняет инстинктивную природу человека и приводит к последовательной дифференциации коллективной и индивидуальной психики. Но это мучительный процесс, в ходе которого человек вынужден вступать в конфликт со своей первоначальной природой, со своими инстинктами и коллективным бессознательным. Этот разлад (в клинических терминах – невроз) является “печатью цивилизованного человека”, ибо последний призван привести в согласие природу и культуру внутри самого себя. Но этот процесс сопровождается периодически повторяющимся бунтом со стороны животной природы, стремящейся вырваться на свободу. И точно

так же волна безумия время от времени прокатывается по людским обществам, слишком долго несшим бремя культурных запретов. Однако вслед за этими “бурными” периодами идут уравновешивающие их периоды аскетизма и духовного идеализма. Таким образом, история имеет циклический характер, она не соответствует представлениям об однонаправленном линейном прогрессе.

Для того чтобы поставить границы разрушительным силам, и отдельный индивид и группа должны научиться сознавать и переносить напряжение противоположностей в своей психике. Юнг считал, что от способностей человека выдерживать это напряжение зависит будущее человечества⁶.

Психологический подход к исследованию политики дал возможность приоткрыть завесу над тайнами человеческой психики, определить ее влияние на возникновение массовых политических движений, рассмотреть природу агрессивности и т. д. Однако сводить конфликт лишь к его психологической составляющей было бы неверно, поскольку это игнорировало бы те предметные области, в которых он возникает, прежде всего политическую и социальную структуры общества. Новую версию структурализма в исследовании конфликтов предложил известный представитель европейской политической социологии Р. Дарендорф.

В основе концепции Р. Дарендорфа лежит понятие господства, заимствованное у М. Вебера. Классы, выделяемые по чисто экономическим признакам (как у К. Маркса), являются для Дарендорфа лишь частным случаем феномена класса. Р. Дарендорф утверждал, что общественный порядок поддерживается при помощи процессов, создающих отношения авторитета в различных типах *императивно координированных ассоциаций (ИКА)*, то есть *союзах господства*. Последние представляют собой хорошо различимую организацию ролей в системе властных отношений. В любом конкретном союзе господства можно выделить два основных типа ролей – правящих и управляемых, – которые борются и конкурируют между собой за дефицитные ресурсы: власть и

⁶ См.: Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи К.-Г. Юнга. М., 1996.

авторитет. Это и есть главный источник конфликтов и перемен. Правящие стремятся к сохранению, управляемые – к изменению status-quo, перераспределению власти или авторитета. При определенных условиях осознание этой структурной противоположности интересов возрастает, вследствие чего организация поляризуется на две конфликтные группы, каждая из которых отныне сознает свои объективные интересы и вступает в борьбу за сохранение или перераспределение власти. Структура власти, по мнению Дарендорфа, логически предшествует структуре социальной стратификации: последняя есть только следствие структуры власти.

Перераспределение авторитета представляет собой институционализацию нового комплекса ролей правящих и управляемых, которые при определенных условиях снова начинают конкурировать друг с другом в борьбе за авторитет. Таким образом, социальная действительность представляет собой эти бесконечно повторяющиеся конфликты по поводу авторитета в различных типах организаций, из которых состоит социальная система.

Принципиально важным является тезис Дарендорфа о том, что в случаях, когда размежевания в различных существующих в обществе организациях: экономических, социальных, политических и т. д. – частично пересекаются, накладываются друг на друга, возникают конфликты, охватывающие крупные сегменты общества и имеющие большую разрушительную силу. Если же конфликт ограничен рамками какой-то одной конкретной организации, его размах и последствия будут иными.

Таким образом, в отличие от Маркса, видевшего источник конфликтов в базисе общества, его внутренней структуре, где дифференцированное распределение собственности и власти с неизбежностью вызывает социальные и политические изменения, Дарендорф видит совершенно иной источник конфликта – *ролевые отношения узаконенного авторитета в союзах господства*. При этом он подчеркивает, что власть лишь отчасти является отражением отношений собственности, поскольку в посткапиталистическом обществе капитал-функция отделен от капитала-собственности, что не позволяет рассматривать господствующий класс как единое

целое. Подчиненное положение в рядах господствующего класса менеджеров-владельцев капитала-функции (то есть управления) допускает совпадение их интересов с интересами рабочего класса, делает возможным союз между ними.

Особое внимание немецкий социолог уделяет *условиям социальных и политических конфликтов*. Одно из них – зависимость остроты конфликта от степени восходящей мобильности между господствующей и подчиненной группами. Чем меньше возможностей для перемещения людей вверх по социальной лестнице, тем острее будет конфликт. Другое условие – зависимость насильственного характера конфликта от технических, политических и социальных условий организации. В свою очередь, чем более интенсивным и насильственным является сам конфликт, тем выше темпы структурных изменений и реорганизаций в социальной системе и больше их объем.

Поскольку отношения господства и субординации в союзах господства неизбежны, устранить причины конфликта невозможно. Поэтому задача состоит в том, чтобы регулировать формы протекания конфликтов посредством их институционализации. Только в этом случае созидательный потенциал конфликтов будет обращен на пользу общества, станет главным критерием свободы и демократического развития.

В рамках структурного подхода к политическому конфликту необходимо назвать теорию французского политолога **М. Дюверже**. В своем фундаментальном труде “Идея политики. Применение силы (власти) в обществе” он рассматривает целую совокупность факторов: биологических, психологических, географических, социокультурных и пр., влияющих на характер и формы политических конфликтов.

Согласно М. Дюверже, есть два основных взгляда на политику. В соответствии с первым, политика – это конфликт, борьба, в которой власть позволяет тому, кто ею владеет, получать от этого выгоду и управлять обществом. Согласно второму, политика – это попытка внести в жизнь общества правила порядка и справедливости, где власть гарантирует общий интерес и всеобщее благо

против давления частных интересов. Принятие той или иной точки зрения частично определяется социальной ситуацией, социальным положением. Для угнетенных, недовольных, бедных политика – это конфликт. Для богатых, обеспеченных, довольных – это интеграция. Часто вторые убеждают первых, что политическая борьба бесчестна, нездорова, и те, кто в ней участвует, преследуют свои интересы с помощью сомнительных средств. “Деполитизация” благоприятствует установленному порядку, неподвижности и консерватизму и служит надежной стратегией для господствующего класса. Вместе с тем М. Дюверже полагал, что *конфликт и интеграция* являются двумя сторонами одного и того же процесса, в котором конфликт естественно порождает интеграцию, а различия, развиваясь, имеют тенденцию подавлять друг друга, приводя к гармонии. При этом политическая гармония развивается параллельно экономической стабилизации.

Отмечая роль многообразных факторов в возникновении политических конфликтов, М. Дюверже считал наиболее важными *социально-экономические факторы*. Неравенство между группами (классами) людей порождает глубокий *антагонизм*, который является основой политической борьбы. В каждом обществе есть фундаментальное противостояние между привилегированными, которые могут удовлетворять свои желания, получать все удовольствия от жизни, и угнетенными, которые борются за то, чтобы занять положение богатых. Этот конфликт является политическим, так как он касается власти, а власть есть одно из самых эффективных средств получения и сохранения привилегий. Вместе с тем культура, идеология, институты и системы ценностей не являются побочными продуктами социально-экономических условий, как считал К. Маркс. Культурные факторы не только определяют форму и контекст политической борьбы, но и способствуют рождению конфликтов, их усилению или затуханию.

Методологические установки Дарендорфа и Дюверже в последнее время развиваются в рамках так называемой *динамической социологии* А. Турена. Он исходит из той же дихотомической модели общества и концентрирует свое внимание на современных

формах конфликтов. Вместе с тем общество рассматривается Туреном не через социальную структуру, а через *социальную динамику*, благодаря чему оно становится историческим движением, *историчностью*. Главным субъектом политики являются *социальные движения*. Следовательно, надо изучать не классы сами по себе, но их отношения как социальных акторов, считает А. Турен. Эти отношения не являются ни отношениями конкуренции, ни простыми “напластованиями” внутри социального порядка. Это именно *отношения конфликта* между господствующим классом, который служит историчности и использует ее в своих интересах, и подчиненным классом, который сопротивляется этому господству и оспаривает присвоение первым социальной динамики. “Он (господствующий класс) впервые порождает глобальное, культурное, а не только экономическое или политическое сопротивление, которое не является защитой групп или особых социальных интересов, но протестом всех управляемых против технократической доминации”, – пишет А. Турен⁷.

Парсоновский системный функционализм вызвал и более мягкую, чем у Дарендорфа, критику своих основных постулатов в лице *конфликтного (“позитивного”) функционализма Л. Козера*. Последний рассматривал социальный мир как систему различным образом взаимосвязанных частей, где отсутствует равновесие, существует напряженность и конфликтные интересы. Процессы, протекающие в недрах системы, могут при определенных условиях как содействовать сохранению или возрастанию адаптивности системы, так и препятствовать этому, уменьшая ее интеграцию. Проблема в том, как усилить интегративные, стабилизирующие систему функции конфликтов и минимизировать их негативные последствия.

Причины конфликтов, по мнению Козера, материального свойства: это ограниченность ресурсов, в частности, интенсивное обнищание, вследствие чего существующей системе распределения начинают отказывать в законности. Этот процесс является ре-

⁷ Цит. по: Ансар П. Современная социология. Гл 6. // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 118.

зультатом действия ряда структурных переменных. Подобно Дарендорфу, Козер обращает внимание на вертикальную социальную мобильность между господствующими и подчиненными группами, что снижает вероятность конфликтов. Кроме того, особое значение придается *психологическим переменным*, на которые оказывают влияние структурные силы и которые, в свою очередь, воздействуют на вероятность возникновения открытого конфликта. Так, остроту конфликтных отношений в системе, по мнению Козера, можно рассматривать во взаимосвязи таких переменных, как эмоции участников, жесткость социальной структуры, уровень реализма в конфликте и т. д. Выводы Козера противоположны представлениям Маркса о том, что осознание классом своих объективных интересов приводит к острому (революционному) конфликту. Следуя Зиммелю, Козер подчеркивает, что ясная осознанность интересов, вероятнее всего, заставит участников конфликта искать компромиссы и иные средства, альтернативные открытым формам борьбы с тем, чтобы попытаться избежать больших издержек, связанных с острым (нереалистическим) конфликтом.

Конфликтный функционализм Л. Козера оказал большое влияние на англосаксонскую политологию, например, Д. Аптера. Она исходит из того, что всем сложным обществам свойственны глубокие противоречия и конфликты, однако консенсусные институты и ценности составляют необходимые условия для их сохранения. Поэтому любые попытки анализировать политические и социальные системы должны затрагивать одновременно и конфликт и консенсус.

Одним из самых известных представителей американской политической социологии является С. Липсет. В своей книге “Консенсус и конфликт. Очерки по политической социологии” он принял анализ социальных и политических конфликтов, а также путей и способов, с помощью которых ценностные системы и политические институты служат поддержанию порядка и консенсуса. Признание общих ценностных систем, по Липсету, еще не означает уровня снижения внутренних конфликтов. Даже ценности, принятые во всем обществе, могут на практике породить острую

борьбу, революционное и отклоняющееся поведение. Например, общая приверженность американцев ценностным ориентациям на успех и продвижение вверх по социальной лестнице связаны с высоким уровнем преступности и недовольства⁸. Следовательно, противопоставлять конфликт консенсусу неправомерно.

С. Липсет считает, что одни и те же институты можно рассматривать и как средство интеграции, и как факторы конфликта. Так, профсоюзы и политические партии являются факторами конфликтов с группами, представляющими другие интересы. Но в то же время они выполняют функции интегрирования отдельных индивидов в общество в целом. Неорганизованные люди потенциально являются гораздо большей опорой для революционных и экстремистских движений левого и правого толка, чем те, кто принадлежит к определенным группам.

Следуя функциональному анализу, автор выделяет *базовый социальный конфликт* – между ориентациями на две различные формы рациональности: ценностную, касающуюся сознательной оценки целей и основных ценностей, и целевую, касающуюся средств достижения поставленных целей. Эти две ориентации в их чистой форме внутренне присущи структурам различных групп, чье мировоззрение коренным образом различается и противостоит друг другу. Еще в Древней Греции эти два типа ориентаций использовались для объяснения *конфликтов поколений*; в наши дни – *экстремистских* и *умеренных политических сил*. Причем крайние – как правые, так и левые – рекрутируют своих сторонников, главным образом, из среды молодежи. Суть молодежного экстремизма в политике состоит в абсолютизации борьбы между абсолютным добром и абсолютным злом, в оправдании использования любых средств ради торжества добра. По этой причине молодежь всегда “льнула” к революциям, восстаниям, радикализму всех видов.

По мнению С. Липсета, основной политический водораздел индустриального общества определялся *причинами материально-го характера*. Здесь борьба шла по вопросу о распределении бо-

⁸ См.: Липсет С. М. Консенсус и конфликт: Очерки по политической социологии: Реферат. М., 1987. С. 3.

гатства и дохода и соседствовала с постоянными религиозными, этническими и региональными конфликтами, унаследованными от доиндустриальных обществ. В центре политической жизни постиндустриального общества стоят прежде всего не экономические или социальные проблемы, а проблемы окружающей среды, культуры, равного статуса женщин и национальных меньшинств, качества образования, международных отношений, демократизации, либерализации морали и т. п. Это создает новую основу для политических противоречий и конфликтов. Традиционные политические партии не всегда способны адекватно реагировать на новые проблемы и требования, поэтому возникают разного рода “однопроблемные” движения протеста – главные субъекты конфликтов в современном обществе.

3. Типы политических конфликтов

Многообразный мир политических конфликтов, чтобы стать понятным, нуждается в определенном упорядочении, в типологии. Типология не может не быть многомерной, выстроенной с учетом различных критериев: типа общества, в котором разворачивается конфликт; предмета конфликта; поведенческих стратегий его субъектов и т. д. Одним из способов такого упорядочения является выделение *структурного контекста*, в котором конфликты возникают, то есть того или иного *типа общества*. Очевидно, что в *открытом, демократическом обществе* с развитым институтом политического участия и межпартийной конкуренцией политические конфликты будут протекать иначе, чем в обществе *закрытом, авторитарном*, где имеет место показная конкуренция, результат которой известен заранее. Своеобразным структурным контекстом является *переходное общество*, нестабильность которого обусловлена непредопределенностью как результатов политической борьбы, так и ее процедур.

Учитывая тип общественной системы, выделяют два класса конфликтов: *внутри- и внесистемные*. Первые развиваются в рамках существующих в демократической системе правил и норм, не ставят своей целью их разрушение. Субъекты вторых, напро-

тив, прибегают к насилию, внесистемным действиям, поскольку других способов реализации своих интересов в рамках закрытой, авторитарной системы у них нет. Исходя из степени и характера нормативной регуляции конфликтов можно говорить также об **институционализированных** и **внеинституциональных** конфликтах.

Классификация конфликтов на институционализированные и внеинституциональные предопределяет их разное функциональное предназначение для общества. Институциональные конфликты **конструктивны**, представляют собой “животворящий сок демократии” (С. Липсет), отсюда их цивилизаторская, стимулирующая к развитию общественная роль. Внеинституциональные конфликты чаще всего **деструктивны**, хотя в конечном счете и они могут оказать стимулирующее воздействие на развитие общества. Например, крупнейшие классовые конфликты прошлого: буржуазные и пролетарские революции – при всех их издержках выводили общество в модернизационный режим развития.

Третий критерий – формы, в которых разворачиваются конфликты: **насильственные** или **ненасильственные (мирные)**. Этот критерий крайне важен в политике, поскольку сила, включая военную, входит в число главных политических ресурсов, и соблазн ее использования очень велик. Здесь можно выделять, с одной стороны, массовые беспорядки, восстания и т. п., а с другой – публичные дебаты, межпартийные или межгрупповые конфликты (например, межфракционные конфликты в парламенте).

Четвертый критерий – стратегии поведения конфликтующих сторон: **рациональные** (когда поведение субъектов конфликта диктуется рассчитанными ходами с учетом шансов на выигрыш) и **иррациональные** (“слепые”, когда инерция самоэскалации конфликта приводит к потере его первоначальной цели, а на передний план выходит доминирование над противником). Рациональные конфликты называют еще **мнимыми**, то есть поддающимися разрешению, в отличие от **реальных**, чье рациональное разрешение серьезно затруднено прежде всего их природой, а также воспри-

ятием конфликтной ситуации самими участниками. Таковы, например, этнополитические конфликты, которые нередко называют “тупиковыми”.

По степени публичности конфликты подразделяются на **латентные** (скрытые) и **явные** (открытые); по степени зрелости – на **зарождающиеся**, **зрелые** и **затухающие**; по длительности – на **кратко-** и **долгосрочные**.

Для типологии конфликтов важен такой принцип, как их **иерархия**. Некоторые авторы, например, **Р. Дарендорф**, на основе двух критериев: диапазон социального единства, внутри которого существует конфликт, и соотношение рангов участвующих субъектов, – выделяет 15 видов конфликтов, в том числе ролевые, межгрупповые, межсекторальные, социетальные (в масштабах всего общества), и т. д.

С точки зрения иерархии интересен подход и типология **А. Рапопорта**. По его мнению, нельзя подгонять все конфликты под единую универсальную схему: есть конфликты типа “**схваток**”, когда противников разделяют непримиримые противоречия и рассчитывать можно только на победу; есть конфликты типа “**дебатов**”, где возможен спор, маневры, но в принципе обе стороны могут рассчитывать на компромисс; есть конфликты типа “**изг**”, где стороны действуют в рамках одних и тех же правил, поэтому они никогда не завершаются и не могут завершиться разрушением всей структуры отношений.

Проблему уровней конфликтов рассматривает в своих работах и **Д. Аптер**. В соответствии с его концепцией существует три степени и три формы общественных конфликтов в зависимости от того, происходит ли **столкновение предпочтений (кооперация)**, **интересов (конкуренция)** или **основных ценностей**. Только в последнем случае можно говорить об истинном, открытом конфликте. Следовательно, главный вопрос состоит в том, как трансформировать конфликты ценностей в конфликты интересов, то есть в конкуренцию или прямо в кооперацию. Подобная модель одновременно служит социальной программой англосаксонской политологии.

Принцип иерархии необходимо учитывать и в специфической типологии собственно политических конфликтов. Обычно их классифицируют на **горизонтальные** (развертывающиеся внутри властных структур) и **вертикальные** (“власть – общество”). Исходя из степени нормативного регулирования, институционализации – **борьбу в рамках политического режима и борьбу за режим**. Вместе с тем в рамках политического режима выделяются разные конфликты по горизонтали власти: *парламентские дебаты, конфликты большинства и меньшинства, правительственные, парламентские, конституционные кризисы*, и т. д. – их можно обобщенно назвать **государственно-правовыми конфликтами**.

Другая ось типологии проходит по вертикали “власть – общество” и включает в себя **статусно-ролевые конфликты**: *движения за гражданские права, акции оппозиционных сил, национально-освободительные движения, протестные действия социально ущемленных групп*, и т. п. Они связаны с местом в иерархии политической власти и его изменением, совокупностью и объемом политических (и шире – гражданских) прав и свобод, совокупностью и объемом статусных обязанностей и пространством и характером статусного поля ответственности, и т. д.⁹

Однако причины политических конфликтов, как уже говорилось, лежат не только в стремлении к власти или оспаривании способов ее функционирования. Невозможно объяснить конфликты и исключительно стремлением низших слоев и групп к вертикальной мобильности и обретению более высокого статуса. Очевидно, помимо прочего, конфликты могут возникнуть благодаря наличию независимых ценностей, идей, верований и культурных различий при условии, что в одних верованиях отрицаются ценности других. Культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, поэтому их сложнее примирить или свести к компромиссу. Таковы **конфликты культур**: *религиозные войны, идеологические революции, конфликты цивилизаций*, и т. д.

⁹ Подробнее см.: Глухова А. В. Типология политических конфликтов. Воронеж, 1997. Раздел III.

Типология конфликтов способствует их правильной идентификации, что крайне важно для определения адекватных мер воздействия на него, управления им. Каждый тип и уровень конфликта требует соответствующего варианта решения.

Контрольные вопросы

1. Что такое политический конфликт, каковы его основные характеристики?
2. Какие концепции политических конфликтов вы знаете?
3. Назовите основные типы политических конфликтов. На основе каких критериев выстроена их типология?
4. Какие способы урегулирования и разрешения политических конфликтов вам известны? В чем особенности переговоров, посредничества, арбитража как способов урегулирования конфликтов?
5. Чем характеризуются компромисс и консенсус как методы урегулирования политических конфликтов?
6. Почему политика требует одновременно и конфликтов и консенсуса?

ЛИТЕРАТУРА

1. Глухова А. В. Политическая конфликтология : учебное пособие / А. В. Глухова, В. С. Рахманин. – Воронеж, 2002. – 288 с.
2. Глухова А. В. Политические конфликты : основания, типология, динамика : (теоретико-методологический анализ) / А. В. Глухова. – М., 2000. – 280 с.
3. Глухова А. В. Типология политических конфликтов / А. В. Глухова. – Воронеж, 1997. – 152 с.
4. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.
5. Дмитриев А. В. Введение в конфликтологию / А. В. Дмитриев, В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд. – М., 1998. – 158 с.
6. Зиммель Г. Человек как враг / Г. Зиммель // Избранное. – М., 1996. – Т. 2. Созерцание жизни. – С. 501–508.
7. Козер Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – М., 2000. – 208 с.

8. Конфликты в современной России : (проблемы анализа и регулирования). – М., 1999. – Гл. V. – С. 115–176.

9. Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов : подходы, решения, технологии / М. М. Лебедева. – М., 1997. – 272 с.

10. Маркс К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 419–459.

11. Медушевский А. Н. Конституционные кризисы в обществах переходного типа / А. Н. Медушевский // Вопросы философии. – 1999. – № 2. – С. 3–21.

12. Одайник В. Психология политики : политические и социальные идеи К. Г. Юнга / В. Одайник. – М., 1996. – 382 с.

13. Политическая конфликтология : учебное пособие / под ред. С. Ланцова. – СПб., 2008. – 319 с.

14. Политические конфликты : от насилия к согласию. – М., 1996. – 290 с.

15. Россия : политические противоборства и поиск согласия. – М., 1998. – 450 с.

16. Dahrendorf R. Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit für das 21. Jahrhundert / R. Dahrendorf. – München, 2003. – 157 s.

Лекция 4 СПОСОБЫ И МЕТОДЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

1. Понятийно-терминологический дискурс

Как уже говорилось, важнейшей предпосылкой политики является наличие расхождений во мнениях и определенный уровень конфликта внутри политического сообщества: если в нем все придерживаются одних и тех же мнений, политика не нужна, точнее, для нее нет основы. Основу для политических споров и конфликтов образует разнообразие интересов и идей, то есть гетерогенность общества.

Но у проблемы есть и другая сторона. Если бы политика занималась только спорами и расхождениями во мнениях, общество оказалось бы в состоянии хаоса. Не будь между участниками конфликта известной доли взаимопонимания, разногласия неизбежно обострялись бы и в конечном итоге разрушили бы политическое сообщество. Иногда так и происходило: исчезали государства, их распад сопровождался гражданскими войнами и т. п. Но политика подразумевает и определенную степень согласия, консенсуса относительно необходимости сохранения политического сообщества как основы общественной жизни. Это значит, что для политических процессов характерны не только войны, крестовые походы “за истинную веру”, но и переговоры, создание коалиций, компромиссы – вплоть до торга и различных политических сделок. Все эти методы используются для достижения определенного уровня согласия в обществе по важным для граждан вопросам.

Иначе говоря, ситуация в известном смысле парадоксальна: политика одновременно требует и конфликтов, и консенсуса. Но главное, чтобы все политические силы признавали институты и нормы, в рамках которых должна протекать политика, возникать и разрешаться политические конфликты.

В политической науке существует несколько понятий, характеризующих тот или иной вариант завершения конфликта.

Регулирование конфликтов представляет собой определенный способ воздействия на конфликтующие стороны, с тем чтобы устранить отдельные качества конфликта, но на основе сложившихся отношений, в рамках существующей политики (включая нормы, сложившиеся традиции и т. д.). Однако это не просто смягчение насильственных форм, де-деструктивизация конфликта. Регулирование предполагает использование созидательного потенциала последнего, обращение на пользу общественному развитию содержащихся в конфликте динамических импульсов.

Разрешение конфликта – это не просто ослабление его насильственного и разрушительного потенциала, но устранение онтологического содержания самого конфликта, его предмета, его почвы. Конфликт является разрешенным, если все участники безусловно признают достигнутые договоренности, а проблемы, породившие политическое противоборство, не возникают в качестве предметов конфликта. Вместе с тем слова “безусловно” и “признают все” должны быть использованы в относительном смысле. Пока существуют различия в религиях, идеологиях, культуре, экономических системах и политике, безусловное разрешение конфликтов, которые возникают из этих различий, как невозможно, так и нежелательно. Разнообразие составляет сущность развивающегося мира, и пока существуют различия, вероятны и конфликты.

Завершение конфликта – понятие более широкое, предполагающее его окончание, достигаемое различными способами:

– подавлением одного из субъектов конфликта, полным вытеснением его за рамки политического поля (и даже за рамки физического существования, как это неоднократно осуществлялось по отношению к политической оппозиции в разные эпохи);

– достижением компромисса между субъектами политического конфликта, то есть их взаимными уступками в целях взаимосохранения, взаимовыживания;

– преобразованием той политической структуры, в рамках которой возник конфликт, трансформацией политической системы с целью исключения конфликтогенных факторов старой системы.

Последнее не означает, что не возникнут новые конфликты на новой, изменившейся основе, однако старые будут сняты. “Снятие” конфликтов здесь понимается в гегелевском смысле, в рамках диалектической концепции развития. Подчеркивая двойкий смысл немецкого термина “aufheben”: “сохранить”, “удержать” и в то же время “устранить”, “положить конец”, – Гегель отмечал, что снятое есть всегда нечто, опосредованное процессом развития. Это возведение некоторого реального основания (предмета, системы, структуры) до момента более развитого целого. Таким образом, снятие характеризует возникновение нового единства, более высокую степень развития. Это такое преобразование, в котором наличные формы или принципы устраняются, отрицаются, но вместе с тем удерживают свое значение как подчиненные моменты новой целостности. Типичными формами такого завершения конфликтов являются *реформы*. В случае, если органичного снятия не происходит, возникают радикальные способы устранения противоречий старой системы – *политические и социальные революции*.

Идеальным завершением конфликта является устранение его предмета и почвы. Подавление одного из субъектов конфликта не достигает ни первой, ни второй цели. Происходит подавление притязаний, которые при благоприятных исторических и политических обстоятельствах могут прорваться на поверхность политической жизни с еще большей разрушительной силой.

Можно согласиться с Р. Далем: конфликты могут быть урегулированы различными путями, и эти пути не являются одинаково привлекательными. Отсюда возникают два вопроса:

– можно ли избежать или хотя бы сократить размах принуждения в человеческом обществе, если конфликты в нем возникают неизбежно?

– каким образом можно разрешить конфликт в рамках демократической системы, не идя на риск ее уничтожения?

Иными словами, возникает необходимость выработать условия, гарантирующие общество от угрозы насилия и крушения демократии в гражданской войне. Одним из таких условий является институционализация конфликта.

2. Политическая институционализация как условие урегулирования конфликта

Политическая институционализация в широком смысле слова представляет собой *процесс формирования в обществе устойчивого комплекса формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих политическую сферу человеческой жизнедеятельности и организующих ее в систему ролей и статусов, образующих политическую систему*. Институты – это, прежде всего, нормы, сопровождающие их санкции и организационные формы, в которых они проявляются. Для оценки эффективности функционирования институтов важен и нравственный аспект: дееспособные, эффективные институты выражают не только букву, но и “дух” законов, то есть они не просто легальны, но и легитимны. Институты имеют властный характер, но это власть, подконтрольная обществу и действующая в рамках обоснованных законов.

Условием мирного урегулирования конфликта является наличие институциональных механизмов, обеспечивающих консультации, переговоры, исследование возможных альтернатив и поиски взаимоприемлемых решений. И, наоборот, перспективы политического тупика или принуждения возрастают, если институциональные механизмы ограничивают возможности соглашения.

Вместе с тем сводить институционализацию лишь к ее юридическому, правовому аспекту значило бы серьезно упростить смысл этого сложного понятия. Применительно к политическому конфликту она означает не просто наличие некоторых формальных правил и норм, но и:

- закрепление в менталитете образа конфликта как нормально-го, а не патологического феномена; его легитимацию в общественном сознании;
- признание альтернативности политических позиций, а следовательно, и оппозиции;
- существование общепризнанных правил, норм конфликтного поведения, причем не только в соглашениях конфликтующих субъектов, но и в политико-правовой культуре общества, государства;

– наличие или формирование институтов регулирования политических отношений, включая конфликты;

– существование конституционных подходов к конфликтам.

Помимо прочего, содержательный анализ понятия “институционализация” включает в себя ее возможные *уровни*: социетальный, институциональный, политико-групповой, международный и т. д. Такие теоретико-методологические подходы позволяют более основательно анализировать институционализацию политических конфликтов.

Успешное регулирование политических конфликтов предполагает определенную последовательность институциональных мер. Началом институционализации можно считать *институционально-ментальную предпосылку*, то есть закрепление в политической ментальности спокойного восприятия конфликтной ситуации и в этом смысле справедливость дела оппонента. Речь идет не о том, чтобы признать справедливость *содержательных интересов* оппонента, но о том, что он *в принципе* может отстаивать собственные, отличные от прочих интересы. Иными словами, в общественном сознании должна присутствовать специфическая **конфликтная парадигма мировосприятия**, исходящая из признания перманентности конфликта и возможности позитивного воздействия на него в любых, даже самых сложных ситуациях. А на уровне обыденного сознания важно терпимое восприятие различий между людьми.

В современной России эта простая истина усваивается с большим трудом. Даже известные социологи, рассматривая стратификационные процессы, пишут: “Уже сам по себе конфликт есть показатель незрелости гражданского общества и его субъектов”¹. Между тем конфликтная парадигма восприятия состоит в признании противоречий и конфликтов оправданными и целесообразными, совершенно неизбежными именно в гражданском обществе. Тому, кто не допускает конфликтов, рассматривает их как патологические отклонения от воображаемого нормального состояния,

¹ Голенкова З. Г., Витюк В. В., Гридчин Ю. В., Романенко Л. В. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 20.

не удастся совладать с ними. Вместе с тем недостаточно и покорного, “смирненного” признания неизбежности конфликтов. Необходимо осознание и использование их плодотворного, творческого принципа. “Это означает, что любое вмешательство в конфликты должно ограничиваться регулированием их проявлений, и следует отказаться от бесполезных попыток устранения их причин, – пишет Р. Дарендорф. – Причины конфликтов – в отличие от их явных конкретных предметов – устранить нельзя; поэтому при регулировании конфликтов речь всегда может идти только о том, чтобы выделять видимые формы их проявления и использовать их вариативность”².

Таким образом, едва ли не главным условием ментальной институционализации является артикуляция и акцентирование различий и противоположности сторон. Если в конфликте неоправданно (и ошибочно) подчеркиваются общие интересы, эффективно регулировать его невозможно.

Сказанное, разумеется, не означает, что в конфликтных ситуациях вообще не существует общих интересов: без них был бы невозможен сам конфликт. Однако настаивание на общих интересах при умалении различий гораздо чаще ведет к эскалации конфликта, к росту, а не к ослаблению насилия. Это связано с тем, что сторона, располагающая в конфликте большим силовым потенциалом, может игнорировать или подавлять противоположную сторону под маской “общих интересов”. Последнее довольно часто наблюдается в политической жизни современной России. В любом политическом конфликте, будь то дебаты в парламенте или переговоры правительства с бастующими шахтерами, властные структуры и представляющие их ответственные лица подчеркивают не различие интересов, приведшее к конфликту, а то общее, что составляет систему их отношений. “Россия – наш общий дом”, “интересы государства выше частных и узкопартийных интересов” – такие декларативные лозунги призваны затушевать суть межпартийного или межгруппового конфликта, а не обозначить различия в под-

² Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 146.

ходах для последующего совместного поиска удовлетворяющего всех решения. Подобное псевдо-миротворчество, стремящееся “не выносить сор из избы” и всячески избегать внешнего обострения конфликтов, характерно и для трудовых споров, приобретающих вследствие подобной тактики политический характер. Широко артикулированная в бюрократических кругах административного аппарата правительства стратегия социального партнерства игнорирует главное, хорошо известное контрагентам такого партнерства на Западе: профсоюзы и работодатели не друзья и даже не союзники, но в лучшем случае конкуренты в борьбе за условия найма рабочей силы и ее оплаты. Всякое подчеркивание общих, а тем более общенациональных интересов, за которые выдаются интересы частные или корпоративные, способно лишь предельно обострить и политизировать такой конфликт, дискредитировав заодно и саму идею социального партнерства.

Другим важнейшим компонентом институционализации политического конфликта является **организация групп интересов** – конфликтных групп, с последующей канализацией конфликта из латентной стадии в открытую, то есть его **манифестирование**.

Исторический опыт показывает, что вне организации групп интересов регулировать развитие политического конфликта невозможно: этому препятствует диффузный характер, рассеянность, несвязанность противостоящих власти группировок и объединений. Наиболее показательный пример – партизанская война, террористические акты, крайне сложные для урегулирования. Другой формой проявления неорганизованного недовольства масс могут стать погромы, стихийные беспорядки, разрушение систем коммуникаций и т. д. Следовательно, очень важно наличие условий для организации конфликтующих сторон и их зрелость в этом отношении.

Организация групп интересов сама по себе есть процесс, состоящий из нескольких стадий: политической идентификации, осознания общности своих интересов, артикуляции позиций, мобилизации политических ресурсов, то есть сторонников. Проявление конфликта *вовне*, или его манифестирование, предполагает даль-

нейшие акции: предъявление притязаний, демонстрация готовности к отстаиванию своих интересов, прямая демонстрация своей особой позиции. Чем выше уровень организации групп интересов и, соответственно, субъектов конфликта, чем более *равновелики* эти уровни, тем благоприятнее институциональные условия мирного разрешения или регулирования конфликта. Следовательно, уровень организации противоборствующих сторон – важное институциональное условие мирного завершения конфликта. Если же одна сторона высоко организована, а вторая аморфна, раздроблена, не отобилизована по своим политическим ресурсам, то велика вероятность того, что первая подавит вторую или постарается вытеснить ее из политического поля.

Долгий путь развития демократических институтов на Западе показывает, что узаконенная партийная оппозиция в политическом конфликте является, по словам Р. Даля, “недавним и случайным изобретением”. Лишь в послевоенных конституциях европейских государств появились статьи о месте и роли партий в политическом процессе³. За статус оппозиции с ее правом на свободную критику и разработку альтернативного политического курса западные демократии заплатили дорогую цену в виде революций, гражданских войн, государственных переворотов и т. д. С другой стороны, признание права на объединение и самоорганизацию за политическими партиями, движениями или профсоюзами стало решающим фактором стабилизации общественно-политической жизни, упрочения в ней правовых, конституционных основ. По мнению американского социолога М. Лернера, исследовавшего роль и влияние профсоюзов в развитии американского общества, крупнейшим достижением последних в экономике в целом стало то, что *они сделали возможным управление промышленностью с помощью конституционных средств*, то есть способствовали укреплению американской демократии и конституционных основ государства. Организованность профсоюзного движения в эконо-

³ См.: Конституция Франции // Конституции зарубежных государств: Учебное пособие. М., 1996. С. 91–139; Конституция Германии // Там же. С. 143–230.

мическом плане позволяет им в случае необходимости выступать и как “чрезвычайно эффективная политическая сила”⁴.

Следует особо подчеркнуть, что становление оппозиции и артикуляция ее конфликта с правящим классом является не только признаком демократии, но и необходимым подготовительным условием перехода к ней. По мнению исследователя переходов к демократии Д. А. Растоу, для генезиса последней требуется такой обязательный компонент, как *наличие устойчивого и серьезного конфликта между властвующими группировками и массовым движением низших слоев*. В случае же, если такой массовый субъект политики не сформируется, и, следовательно, при отсутствии изначального открытого конфликта между основными социальными группами или их элитами, демократия может не закрепиться или даже прерваться военным переворотом, как это случилось в 60-х годах в Турции. Лишь после того, как в обществе приобрел серьезный размах социальный и политический конфликт и впервые в истории страны началось широкое обсуждение всего круга социальных и экономических вопросов, противоборствующие стороны – военные и представители аграрного большинства – смогли прийти к компромиссу и возобновить демократический эксперимент, но уже на более прочном фундаменте⁵.

Опыт устойчивых демократий наглядно показывает, сколь важно создавать такие необходимые условия перевода конфликтов в позитивно-функциональную форму, как *содействие институционализации самих субъектов социальных и политических отношений* – групп интересов, объединений граждан и т. д. В странах, где, как в России, роль государства традиционно велика не только в экономической, но и в социально-политической жизни, переговорный механизм еще долго будет носить преимущественно двусторонний характер и лишь постепенно, по мере устранения вездесущности государства и усвоения им роли арбитра, приобретет трехсторонний (или многосторонний) характер.

⁴ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня: В 2 т. М.: Радуга, 1992. Т. 1. С. 410.

⁵ См.: Растоу Д. А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Политические исследования. 1996. № 5. С. 14.

По мнению многих исследователей социальной конфликтности в современном российском обществе, слабость нынешней социальной политики реформаторов состоит не только и не столько в слабой поддержке ущемленных, сколько в отсутствии внимания к созданию благоприятных условий для их самоорганизации и самозащиты⁶. Между тем самоорганизация и самодеятельность социальных и политических субъектов и есть путь развития гражданского общества, без которого, в свою очередь, нет и политической демократии.

Наконец, третьим компонентом политической институционализации можно считать **создание формальных правил и процедур**, регулирующих взаимоотношения сторон конфликта. Иначе говоря, речь идет о неких “правилах игры”, которым должны следовать участники конфликта и которые должны предоставлять равные условия для каждой из сторон и не ставить ни одну из них в неравноправное положение.

Прочная демократия представляет собой такую систему управления, при которой политические силы ставят свои ценности и интересы в зависимость от не определенного заранее взаимодействия демократических институтов и подчиняются результатам демократического процесса. Демократия устанавливается, если конфликтующие политические силы договариваются об институциональной структуре, которая допускает открытое соперничество и способна обеспечивать продолжительное согласие. Механизмом конституирования политических институтов в демократической системе выступают переговоры.

Значимость институциональной предпосылки регулирования политических конфликтов настолько велика, что некоторые авторы, в частности А. Н. Чумиков, называют ее первой в ряду всех остальных. Звенья единого процесса управления конфликтом, согласно автору, следуют друг за другом в такой последовательности: институционализация, то есть установление норм и правил разрешения конфликта; структурирование коллективных субъектов —

⁶ См.: Социальные конфликты в меняющемся российском обществе (детерминация, развитие, разрешение) // Политические исследования. 1994. № 2. С. 100.

носителей интересов; редукцию конфликта, то есть последовательное его ослабление путем перевода на другой уровень, а также информационное и энергетическое противоборство⁷. Принимая эту схему в целом, хотелось бы привести одно возражение, связанное с последовательностью стадий, в частности первой и второй. В стабильном демократическом обществе институциональные процедуры и механизмы урегулирования конфликтов действительно предшествуют структурированию конфликтных групп, предоставлены “к услугам” последних. Однако исторически сами по себе “правила игры” именно в противоборстве конфликтных групп и рождались. И в дальнейшем все изменения и модификации, которые они претерпевали, были связаны с политическим противоборством, с динамикой соотношения сил. Иначе говоря, дееспособность самих правил конфликтного взаимодействия, особенно на первых порах, зависит от накала конфликта, степени его зрелости. Позже на укоренение, легитимацию правил начнут работать другие факторы, прежде всего фактор времени, привыкания к принятым решениям, раз уж с ними приходится сообразовывать свою жизнь. Велика роль *прецедента*, создаваемого конкретной личностью, готовность последней следовать достигнутым договоренностям. Организация институтов предполагает важные персональные решения и всегда будет в значительной степени зависеть от занятых в них людей. “Институты — как крепости: их надо хорошо спроектировать и населить,” — писал К. Поппер⁸.

Но справедливо и обратное: явная неудача при разрешении какого-либо политического конфликта может поставить под удар уже сформировавшиеся институты. Вероятность такого исхода особенно велика, если институты еще не упрочились, не закрепились в политической жизни. Поэтому последствия для них могут оказаться роковыми.

⁷ См.: Чумиков А. Н. Управление конфликтом и конфликтное управление как новые парадигмы мышления и действия // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 52–43.

⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, Культурная инициатива, 1992. С. 167.

Типичные для демократии процедуры – предвыборные выступления кандидатов, парламентские голосования, вотумы доверия и недоверия, избрание кандидатов и т. п. – это, вкратце, набор приемов выражения конфликта и тем самым его разрешения. Однако список проблем, волнующих общество, постоянно пополняется, и новые конфликты будут ставить под угрозу однажды достигнутое согласие. Но суть демократии как раз и состоит в привычке к постоянным спорам и примирениям по постоянно меняющемуся кругу вопросов и при постоянно меняющейся расстановке сил. При этом свою динамику демократия черпает не только из согласия, но и из несогласия почти половины своих граждан. В этом и проявляется животворящая сила институционализированного, цивилизованного конфликта.

Связь между институционализацией и конфликтом отчетливо прослеживается в переходные, кризисные эпохи. Своевременное учреждение институтов на ранних стадиях конфликтов способно ослабить их остроту и насильственность, снизить деструктивную, разрушительную энергию. Невнимание к нарастающему конфликту, напротив, провоцирует ожесточение его участников, анти-системную направленность их действий. Так, резкая активизация национальных, аграрных движений в России от февраля к октябрю 1917 года была встречена лишь декларативными заявлениями Временного правительства о предоставлении культурной автономии национальным меньшинствам, но не сопровождалась конкретными мероприятиями, способными учесть интересы каждого этноса. Отсутствие практических договоренностей между центром и региональными элитами способствовало прогрессирующему параличу центральной власти. Откладывание решений только усугубляло ситуацию, способствовало радикализации настроений и требований национальных движений. Между тем институциональный подход к этому вопросу на ранней стадии конфликта: формирование прав автономий или переход к федеративному устройству, разработка системы пропорционального представительства в выборных органах власти – мог бы минимизировать издержки конфликта.

Однако власть пренебрегла совместными с регионами поисками институционального решения. Провозгласив демократические принципы, она отказалась претворять их в жизнь, как только национальные организации попытались им следовать. Вместе с тем оказались неэффективными и авторитарные методы сохранения единства страны. Подобным же образом сложилась ситуация и в 1991 году, когда отсутствие своевременных и обязательных для всех решений, в том числе и институциональных, привело к распаду СССР.

Главной институциональной структурой, в рамках которой осуществляется взаимодействие политических акторов и разрешаются конфликты между ними, являются представительные институты власти – парламенты. Учреждение их особенно важно для стран, вступающих на путь демократии, поскольку в противном случае политическая борьба выльется на улицы и площади. Для характеристики таких институтов, призванных “замкнуть на себя” большую часть напряженности, политической конфликтности в обществе, важны следующие основные характеристики. Во-первых, они должны быть автономными центрами принятия решений, достижения согласия между противоборствующими сторонами. Во-вторых, никакая другая институциональная структура не должна подменять их в этом качестве. В-третьих, эти решения должны быть обязательными, а сами институты – действовать демократически.

Наряду с институтами существуют процедуры, или формы взаимодействия контрагентов конфликта, способствующие разрешению противоречий между ними. Они могут применяться последовательно, друг за другом или самостоятельно, если это помогает достичь результата. Первой и наиболее распространенной формой взаимодействия контрагентов конфликта являются **переговоры**. Они представляют собой вербальное взаимодействие с целью достижения согласованного и устраивающего обе стороны решения, что предполагает диалог, обмен мнениями, совместный поиск согласия, а также добровольное выполнение договорившимися сторонами принятых решений. Одним из важнейших условий успешного исхода переговоров является формализация и рационализация

позиций сторон, их готовность “держать дистанцию” и не переходить черту эмоционального реагирования и личных выпадов. В целом же поведение участников переговоров во многом зависит от сложившейся ситуации, а также от собственного образовательного и культурного уровня, волевых и интеллектуальных личностных характеристик.

Переговоры становятся более успешными по мере укрепления доверия между участниками. Для этого необходимы определенные герменевтические способности, прежде всего *согласованное понимание проблемы*, предшествующее ее решению. Еще более важны психологические установки на партнера по переговорам: умение воспринимать людей отдельно от проблемы, носителями которой они являются, налаживать нормальные отношения, стремиться к убеждению. Еще Т. Гоббс считал, что недоверие, коренящееся в природе человека, является одной из причин войн: оно заставляет людей нападать друг на друга в целях собственной безопасности. Поэтому недоверие, возникающее к контрагенту на переговорах, является одним из самых сильных психологических препятствий к достижению взаимоустраивающего решения.

Политическая теория и практика накопили огромный опыт в проведении переговоров и выработали рекомендации к процедуре их проведения, критерии оценки различных этапов и общих результатов переговоров. При этом в одних случаях преобладает их трактовка как “умной борьбы”, то есть продолжения конфликта в устной, вербальной форме. В другом случае в рамках более современного подхода переговоры трактуются по формуле “победа – победа”, которая ближе к сотрудничеству. Этот подход исключает использование силы, отрицает возможность тупиков и прессинга как средства для получения преимуществ. И, тем не менее, он предполагает ряд условий, без которых эффективность переговоров может оказаться под угрозой⁹.

⁹ См.: *Мастенбрук В.* Переговоры. Калуга: Калуж. ин-т социологии, 1993. 176 с.; *Он же.* Развитие переговорных умений в исторической перспективе // Социальный конфликт. 1994. № 1. С. 52–78; *Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию, или переговоры без поражения. М.: Наука, 1992. 158 с.; *Лебедева М. М.* Политическое урегулирование конфликтов: Подходы, решения, технологии. М.: Аспект-Пресс, 1997. 272 с.

Исходя из вышеприведенных характеристик переговоров, вряд ли можно считать таковыми парламентские дебаты. Во-первых, участие в них парламентских фракций и депутатских групп, а также отдельных независимых депутатов мешает ясной артикуляции проблемы, даже если она внесена в повестку дня заседания. Дело в том, что многие участники дебатов, нередко неосознанно, пытаются подменить поставленный на обсуждение вопрос или, по меньшей мере, упростить его. А связано это, во-вторых, с тем, что смысл и предназначение парламентских дебатов не только в том, чтобы в процессе дискуссий найти общие точки соприкосновения, но и в стремлении обозначить свои позиции “вовне”, на избирателей, следящих за ходом дискуссии. Нельзя не согласиться с М. Хеттихом в том, что реальные переговоры и подготовка решения, принятием которого завершаются дебаты, а следовательно, и сам конфликт, осуществляется в комитетах и комиссиях парламента¹⁰. Здесь сравнительно узкий круг профессионально подготовленных в этой области людей (например, бюджетный комитет), отражающих в целом весь политический спектр парламента, готовит и выносит на голосование компромиссный вариант решения (законопроект). Именно на мнение комитета обычно и ориентируются депутаты при голосовании.

Переговоры – это приобретенное умение. Развитие общественных отношений не всегда толкает к необходимости освоения этих умений. Очень часто конфликтующие стороны испытывают склонность к продолжительным тупикам или эскалации конфликта, а не его урегулированию. Иными словами, необходимы не только умения, но и *воля к переговорам* и к достижению соглашения. Непрофессионально проведенные переговоры уже сами по себе могут иметь эскалационный эффект. Поэтому участники переговоров должны прилагать все усилия для того, чтобы предотвратить незапланированную поляризацию.

Однако не всякие, даже умело проведенные переговоры, способны предложить выход из конфликтной ситуации. Нередки случаи, когда для урегулирования конфликта требуется приглашение

¹⁰ См.: *Hattich M.* Op. cit. S. 119.

третьей стороны – посредника, медиатора. **Посредничество** в конфликте предполагает добровольное согласие конфликтующих сторон на участие медиатора и добровольное же принятие ими того или иного варианта решения. Результатом участия третьей стороны становится, как правило, снижение иррациональности в поведении конфликтантов, разъяснение решений, помощь в “сохранении лица” при уступке, повышение цены конфликта.

Кто может выступать в роли посредника в политическом конфликте? Как правило, это представители тех социальных групп или классов, которые впрямую в нем не задействованы. Особенно ярко это видно в переходных процессах, где посредническую роль нередко выполняют новообразованные или промежуточные группы, только что вышедшие на политическую арену. Например, компромисс 1907 года в Швеции был выработан при решающем участии умеренно консервативного епископата и умеренно либерального фермерства – сил, которые ни до ни после принятия этого решения не играли сколько-нибудь существенной роли в политике.

Выработка взаимоприемлемого решения предполагает большую работу посредника по сближению позиций сторон, концентрации последних не на личностях, а на интересах друг друга. Это требует не только больших интеллектуальных, организационных усилий, но и определенной конфиденциальности. Поскольку условия соглашения между двумя противоборствующими сторонами должны быть четко оговорены и кто-то должен взять на себя риск относительно их будущих последствий, непропорционально большую роль здесь играет узкий круг политических лидеров, искусных в ведении переговоров и заключении компромиссов. Нередко им приходится искать договоренности в ситуациях, когда массы, чьи интересы они представляют, еще не готовы к примирению и, по образному выражению Д. А. Растоу, продолжают устало нести знамена прежней борьбы. Конфиденциальность переговоров с участием посредника позволяет избежать эмоционального влияния улицы и найти рациональные решения.

Несмотря на известные достоинства посредничества, являющегося, по словам Р. Дарендорфа, в высшей степени эффектив-

ным инструментом регулирования конфликта, часто бывает необходимо сделать следующий шаг – к **арбитражу**. В этом случае само обращение к третьей стороне либо исполнение ее решения является обязательным. Различают несколько видов арбитража: формальный (обязательный) и неформальный. По существу речь идет о нескольких видах третейского (неофициального) суда, избираемого самими сторонами. Как и судебное разбирательство, арбитраж является состязательным процессом, направленным на решение спорных вопросов, представленных сторонами. Однако в отличие от судебного процесса здесь отсутствуют нормы, регулирующие представления и оценки доказательств и саму процедуру разбирательства; имеется большая гибкость в выборе арбитров, а заседания носят большей частью закрытый характер.

В политических конфликтах роль арбитра нередко исполняет общественное мнение, формируемое средствами массовой информации. Негативное восприятие им насильственной формы конфликта может повлиять на позиции противоборствующих сторон, побуждать их к корректировке своих действий. Немаловажную роль в прекращении военных действий в Чечне сыграло именно общественное мнение как в России, так и за ее пределами. Но роль общественного мнения как социального института ощущается не только в экстремальных ситуациях, но и при принятии любого значимого политического решения. В процессе общественной дискуссии, инициируемой СМИ, выдвигаются различные предложения, альтернативные проекты, способствующие выбору наиболее приемлемых решений.

Функцию рекомендательного арбитража может выполнять и такой институт прямой демократии, как референдум. Он используется в том случае, если конфликтующие стороны не могут договориться между собой, несмотря на содействие посредников. Результаты референдума призваны продемонстрировать истинное отношение общества к тому или иному спорному вопросу. Но с учетом того, что референдум не дает обязывающего ответа, а лишь выявляет наличие в обществе определенных политических тенденций и соотношение сил, он сам по себе может активизи-

зировать конфликт, поскольку начнется борьба за интерпретацию его результатов.

Что касается **обязательного арбитража**, то он, по словам Р. Дарендорфа, находится на границе между регулированием и подавлением конфликта. Этот метод может иногда быть необходим для сохранения (или изменения) формы государственного правления, для обеспечения мира в международной области, но при его использовании “регулирование конфликтов как контроль их форм остается сомнительным”¹¹.

Формой обязательного арбитража можно считать референдум с правовыми последствиями, например, принятие Конституции, определение статуса территории и т. п. Другой его формой являются выборы. В роли арбитра как в первом, так и во втором случае выступают сами граждане. Цель всяких парламентских выборов состоит в том, чтобы максимально точно сфокусировать спектр политических мнений в обществе на небольшую группу людей – депутатов парламента – и обеспечить устойчивую управляемость страной, обретение ею политической стабильности.

Другим важным арбитром в политических конфликтах выступает Конституционный Суд. Не всякий политический конфликт в рамках государственного аппарата попадает в перечень дел, подлежащих рассмотрению в Конституционном Суде, но последнему принадлежит роль потенциального арбитра. Уже сама возможность его использования должна удерживать участников политического процесса от действий, противоречащих Конституции или вызывающих сомнение в конституционности. Здесь важную роль играет политический престиж Конституционного Суда, а следовательно, и степень убеждения, удерживающегося в общественном мнении и политических кругах, в том, что принимаемые им решения являются авторитетными по отношению к установленным конституционным рамкам деятельности остальных элементов государственного аппарата.

Правовые формы регулирования политических конфликтов важны, но их не следует переоценивать. Ведь характер любого

¹¹ Дарендорф Р. Указ. соч. С. 146.

конфликта – экономического или политического – определяется затронутыми в нем интересами и ценностями. Вместе с тем он является правовым или неправовым с точки зрения правопорядка, контролирующего эти интересы. По мнению известного немецкого юриста Г. Кельзена, правовые споры – это споры, в которых обе стороны основывают свои претензии и отказ в удовлетворении претензий противной стороны на позитивном международном праве (речь идет о международных конфликтах). Но политические споры – “это споры, в которых по крайней мере одна сторона основывает свои претензии или свою защиту от претензий противной стороны не на позитивном международном праве, а на других принципах или не основывает их на каких бы то ни было принципах вообще”¹². И хотя Г. Кельзен пишет о международных конфликтах, отличие политического аспекта от правового подмечена им совершенно точно. В урегулировании политических конфликтов наряду с правовыми присутствуют и оказываются порою более эффективными и собственно политические технологии, в их числе достижение равновесия сил, заключение компромиссов, нахождение консенсуса интересов.

3. Компромисс и консенсус как методы урегулирования политических конфликтов

К числу основных методов урегулирования политических конфликтов относятся **компромисс** и **консенсус**. Компромисс обычно трактуется как уступка некоторых требований, отказ от части собственных требований в пользу соглашения с другой партией, государством и т. д. Компромисс наилучшим образом характеризует сущность мирного урегулирования конфликтов, поскольку ориентирован на исключение его насильственных форм, на снижение интенсивности. “Соглашаться на компромисс – значит отчасти признать справедливость чужих аргументов, находить решение, приемлемое для всех”, – писал французский социолог Р. Арон¹³.

¹² Цит. по: Юридический конфликт: сферы и механизмы (Юридическая конфликтология). М., 1994. Ч. 2. С. 160.

¹³ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. С. 71.

Но компромисс полезен для общества только тогда, когда позволяет реализовать цели, разделяемые многими, не нарушает уважаемые большинством принципы, воплощает благо, стоящее над частными или узкогрупповыми интересами.

Понятие “консенсус” употребляется в отечественной литературе преимущественно в двух смыслах. Во-первых, консенсус – это способ принятия различных политических решений, при котором отчетливо выраженная политическая воля большинства уравновешивается отсутствием возражений со стороны хотя бы одного из участников. В этом же смысле говорят о консенсусе в разрешении споров и конфликтов. Во-вторых, под консенсусом понимается существующее или формирующееся в обществе широкое гражданское согласие. В таком, “широком” понимании политический консенсус – это общественное признание способов и средств политического правления и интеграции. Чем выше уровень согласия в обществе, тем стабильнее политическая система. Таким образом, посредством политического консенсуса осуществляется реальная, фактическая легитимация политического господства.

Различают три объекта консенсуса:

- консенсус на уровне сообщества (или основной, ценностный консенсус);
- консенсус на уровне режима (процедурный консенсус);
- консенсус на уровне политики и правительства (отношение к правительству и проводимой им политике)¹⁴.

Последний объект консенсуса считается самым слабым, поскольку отношение к конкретным членам правительства и его политике может довольно быстро измениться. Гораздо важнее достижение процедурного консенсуса, то есть согласия в так называемых “правилах игры” – изложенных в конституциях процедурных нормах, регулирующих применение власти. **Главным правилом процедурного консенсуса является правило разрешения конфликтов по принципу большинства.** Это неременное условие демократии. Если основной (или ценностный) консенсус является

¹⁴ См.: *Сартори Дж.* Управляемая демократия и управляющая демократия // Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. М., 1992. С. 123.

стимулирующим условием демократии и его можно приобрести в качестве целевого результата, то процедурный консенсус – это фактическая предпосылка демократии, ее реальное начало. Если не выработаны “правила игры”, особенно в отношении урегулирования и разрешения конфликтов, общество будет конфликтовать по любому поводу, превращая политику в непрерывную и бесплодную войну, способную привести к тотальной нестабильности и разрушению политического сообщества. Но список проблем постоянно пополняется, и новые конфликты будут ставить под угрозу однажды достигнутое согласие. Суть демократии – в привычке к постоянным спорам и примирениям по постоянно меняющемуся кругу вопросов. По мере преодоления проблем использование демократических правил и процедур будет расширять зону консенсуса.

Переходные процессы 70-х годов в Южной Европе, 80-х – в Латинской Америке, начала 90-х годов – в Центральной и Восточной Европе и в государствах СНГ подтвердили многие теоретические положения и предложили новые аспекты в трактовке консенсуса и его роли в переходном обществе. Одним из самых удачных и по праву считающихся классическим стал опыт постфранкистской Испании, где так называемая “политика пактов” (пактизм) облегчила нейтрализацию франкистского режима, вовлекла часть прежней элиты в процесс перестройки системы власти и предотвратила опасную конфронтацию в обществе. Главным документом стала новая Конституция страны, отразившая достигнутый уровень общественного согласия: проект Конституции поддержали 87,8 % от числа голосовавших и 58,9 % от количества имеющих право голоса испанцев; против высказались 7,9 %, воздержались – 3,5 %¹⁵.

Одним из важнейших факторов смягчения социальной напряженности, сопутствовавшей испанскому переходу к демократии, было сознательное формирование элитами публичной сферы политики и создание для этого соответствующих механизмов. С улиц и площадей, где протекала напряженная политическая жизнь, ее удалось перенести непосредственно в организации, специально созданные для проведения дебатов и переговоров, обсуждения

¹⁵ См.: Современная Испания. М.: Политиздат, 1983. С. 43.

важнейших законопроектов, включая Конституцию страны. Большинство испанцев почувствовали себя исключенными в процесс выработки и принятия наиболее важных государственных решений через организации, созданные на предприятиях и в учреждениях. По словам известного политического деятеля Испании Ф. Гонсалеса, постоянно возникало требование широкой договоренности, соглашения, при котором исключенным из этого процесса чувствовало бы себя наименьшее количество социальных слоев и групп. “Надо постараться не столько победить в диалектике соотношения сил..., сколько создать фундамент для согласия в обществе, что позволило бы добиться конституционного порядка, введения Конституции, вбирающей в свой широкий спектр чаяния и интересы всех слоев общества”, – писал тогдашний премьер-министр Испании Ф. Гонсалес¹⁶.

В результате такой политики то, что впоследствии получило название “пакты Монклоа”, стало глобальным договором, в рамках которого предполагалось регулировать все важнейшие проблемы переходного периода. Заключенные соглашения стали программой действий срочного характера и на среднесрочную перспективу. Так сложился общенациональный консенсус, создававший условия для реформирования всей государственной системы без демонтажа ее подсистем.

Осмысливая опыт демократического транзита в своей стране, испанские политологи отмечают, что формирование прочного гражданского мира было обеспечено достижением *трех консенсусов*:

- согласия относительно прошлого, предполагавшего отказ от “охоты на ведьм” и национальное примирение между “победителями” и “побежденными” в гражданской войне 1936–1939 годов;
- установления временных процедур для обсуждения в ходе развертывающейся демократизации норм окончательных, то есть “правил игры”;

¹⁶ Гонсалес Ф. Создать в обществе основу для согласия и перемен // Свободная мысль. 1991. № 15. С. 52.

– определение “правил игры” нового режима, признание принципа чередования у власти и гарантии прав меньшинства¹⁷.

Испанский опыт наглядно показал, что консенсус, в особенности не элитный, а общественный, вырастает из компромиссов и взаимообязывающих договоренностей, а не наоборот. Далее, взаимное соглашение по поводу правил и процедур является самым “слабым” типом согласия. Значительно более прочным является согласие относительно идеологических установок и ценностей, касающееся отношений властвующей и оппозиционной элит. Но всего сильнее совместимость “моделей социума” или социальных онтологий участников соглашения. Консенсус на онтологическом уровне – это очень жесткое, трудновыполнимое требование, особенно в современных плюралистических обществах. Операционно-процедурный консенсус достигается относительно легко, если нет требований подкрепить его также согласием по политическим ценностям.

Если с высот теории посмотреть на проблему консенсуса в России, то нетрудно увидеть, насколько она сложна и далека от своего решения. Часто прорывающееся несогласие в Центре и на местах глубже простого несовпадения интересов или различий в ценностных, идеологических подходах. Особую остроту многочисленным и повсеместно возникающим конфликтам придает то обстоятельство, что они возникают на уровне социальных онтологий. Несовместимость последних исключает не только согласие, но и простое понимание противоположной стороны. Для отечественного политического дискурса характерны попытки навязать оппонентам не только свои идеологические пристрастия, но и собственную картину (модель) мира. Особенно свойственно это радикалам как “справа”, так и “слева”, хотя допустимость и даже “полезность” плюрализма на словах признают и они.

Ярче всего это проявляется в непризнании права оппонента на собственную позицию и нежелании учитывать его интересы при отстаивании своих собственных. Дискурс политических акторов

¹⁷ См.: Хенкин С. М. Переходные периоды: слагаемые гражданского мира // Свободная мысль. 1994. № 12–18. С. 112–113.

серьезно затруднен сугубо идеологическими построениями, подтверждая, что политическое мышление еще не прошло стадию рационализации. Эти факторы оказывают самое прямое влияние на то, что “консенсус по-русски” пытаются сформировать *вне и помимо компромиссов* (по знакомому принципу “жить дружно”, то есть сохранять статус-кво). Отсюда неудачи с достижением общественного согласия, поисками общенациональной идеи. Дискурс ценностно разведенных сознаний, как правило, недиалогичен, не отличается миролюбием и очень редко способен дать некий ценностный синтез.

Помимо прочего, легко заметить, что поиски общенационального согласия ведутся хаотично и конъюнктурно, когда власть попадает в трудную ситуацию, ощущает общественное отторжение, утрату почвы под ногами, катастрофическое падение доверия к персоналиям, институтам и к политическому режиму в целом. Иными словами, *гражданское согласие не является в России предметом постоянной заботы и целенаправленного труда власть предержащих, но есть стратегия их самосохранения*. Поэтому периодически возобновляющееся движение политических сил навстречу друг другу, попытки “провозгласить” согласие, примирение, взаимопонимание существуют лишь в качестве тактических маневров или аргументов политической пропаганды.

Одним из таких декларативных документов стал Договор об общественном согласии, подписанный 28 апреля 1994 года рядом партий и общественных организаций России, но не принятый оппозицией в лице КПРФ и объединения “Яблоко”. Принято считать, что этот Договор утратил свою силу с началом военных действий в Чечне, предпринятых в декабре 1994 года без согласия не только участников Договора, но и обеих палат Российского Парламента. Однако ни одна из статей Договора всерьез не исполнялась и до начала чеченского конфликта. Например, обязательство Президента РФ и других руководителей федеральных государственных органов поддерживать постоянный диалог с обществом, политическими партиями, движениями и другими общественными объединениями. Игнорировалось и подчеркнутое участниками этого

соглашения обязательство “избегать упрощенных и оскорбительных оценок прошлого, не допускать искажения исторических фактов”¹⁸. Между тем последнее обстоятельство имеет едва ли не ключевое значение для достижения консенсуса в отношении прошлого и подведения черты под ожесточенными идеологическими сражениями последнего десятилетия.

Неудачи в достижении согласия часто объясняются вирусом непримиримости, отличающим многих субъектов российской политики. Разумеется, это обстоятельство как элемент политической культуры, имеющий к тому же глубокие корни, не следует сбрасывать со счетов. Вместе с тем только им трудно объяснить происходящие в России политические процессы, тем более что в соседних государствах (в Белоруссии, на Украине), близких России с этноконфессиональной и исторической точек зрения, до сих пор обходились без кровопролития. Думается, что дело не только в тяжелой исторической наследственности, но и в некоторых системных основаниях российской политики. Политика в России до сих пор строилась по принципу игры “с нулевой суммой”, где победитель получал все, а проигравший лишился всего. Это связано прежде всего с институциональным фактором, то есть с конституционными “правилами игры”. Резкий перекоп в балансе сил в пользу президентских полномочий (особенно в части формирования и отставки Правительства, прочих кадровых назначений) провоцирует перманентный конфликт с Парламентом, прежде всего с Государственной Думой, представляющей различные политические ориентации, существующие в обществе.

Специалистам-конфликтологам хорошо известно, что урегулированию любого спора или конфликта способствует *равновесие сил* противоборствующих сторон. Контакты между ними должны осуществляться на основе равенства между лицами или институтами *равного статуса*. Что касается российской политической практики, то в ней статус Парламента серьезно уступает статусу исполнительной власти если не формально, то по существу. Об этом же говорят данные многочисленных экспертных опросов, соглас-

¹⁸ Договор об общественном согласии // Российская газета. 1994. 29 апр.

но которым исполнительная федеральная и региональная власть держит в своих руках 70 % политического влияния в России. На долю профессиональных политиков – парламентариев всех уровней, всех политических партий, вместе взятых, – приходится лишь 12 % такого влияния. О каком же согласии здесь можно говорить? Не случайно понятие “власть” в России традиционно ассоциируется именно с исполнительной властью. А ведь распределение полномочий ветвей власти – это норма Конституции. Выходит, что в самом Основном законе страны предусмотрено все, чтобы согласие в “правилах игры” никогда не наступило.

Другую причину неудач с достижением согласия в России можно было бы назвать *процедурной*. В российском обществе сегодня отсутствует столь характерная для западной цивилизации практика открытых публичных дискуссий, борьбы мнений, противопоставления позиций и т. п. Дебаты, ведущиеся в Парламенте, не могут заменить нормальной, полноценной дискуссии в обществе. Сегодня многие позиции, точки зрения, не совпадающие с официальной позицией телеканалов, ориентирующихся, в основном, на президентские структуры, блокированы, их не слышно в радио- и телеэфире. Общество, которое еще совсем недавно было задавлено государством, сегодня формально представлено в Парламенте. Однако представлено таким образом, что остались почти одни представители, контроль за которыми отсутствует. Немое общество – это явление, ответственность за которое во многом лежит на совести нашей интеллигенции. Значительная ее часть с удовольствием пошла в услужение власти, изменив своему общественному предназначению *стража, бодрствующего в темной ночи* (К. Мангейм) и препятствующего власти в ее намерениях завладеть, помимо монополии на силу, еще и монополией на истину. Если до октября 1993 года по центральным телеканалам еще можно было услышать мнение компетентных специалистов-политологов, социологов, экономистов относительно развивающихся в обществе социально-экономических и политических процессов, то после расстрела Парламента независимые интеллектуалы почти исчезли с телеэкранов. Часть из них вошла в качестве советников во влас-

тные структуры, взгляды других просто не устраивают руководство телеканалов, которое четко улавливает исходящие “сверху” волевые сигналы. Вопреки распространенному мнению о свободе слова как едва ли не главном демократическом завоевании России последних лет, в электронных СМИ царит жесточайшая цензура – с одной стороны, владельцев пакета акций того или иного теле- и радиоканала, а с другой – лояльности президентской власти, которую не без оснований считают главной властью в России. Все усилия оппозиционной прессы прорвать эту информационную блокаду оказываются тщетными: степень влияния электронных СМИ многократно превосходит печатные издания оппозиции. К тому же круг подписчиков последних резко сокращается в силу материальных трудностей и резкого снижения уровня жизни. Отсюда крупные, затрагивающие все слои общества, проблемы преподносятся избирательно, примитивно и однобоко, с определенной заданностью, что лишь подогревает общественное недовольство и раздражение.

Примером может служить встревожившая общество проблема роста национализма в России, в том числе в его уродливых, фашиствующих или антисемитских формах. Вместо спокойной и обстоятельной дискуссии о сути проблем, далеко не придуманных и реально обозначившихся в российской общественной жизни, эта тема сразу же приобрела политическую окраску: запретить те или иные организации, привлечь к ответственности тех или иных политиков, “разжигających национальную рознь”, и т. п. Как будто только такими методами можно решить сложнейшую общественную проблему, к серьезному осмыслению которой никто и не пытался приступить (а те, кто пытался, тут же подвергался шельмованию). Как писал в свое время С. Булгаков, “вследствие рационалистического космополитизма нашей интеллигенции, задающей тон в печати и общественном мнении, у нас как-то получалось такое положение вещей, что русская национальность в виду своей одиозной политической привилегированности в общественном сознании оказывается под некоторым моральным бойкотом; всякое обнаружение русского национального самосознания встречается

недоверчивостью и враждебностью, и этот бойкот или самобойкот русского самосознания в русском обществе отражает его духовную слабость”¹⁹. Парадоксально, что слова, написанные в начале века, не только не потеряли актуальность в его конце, но звучат еще более пророчески для русского этноса, подвергнувшегося в этом столетии беспрецедентным испытаниям.

Помимо прочего, указанная проблема в ее политическом измерении вовсе не сводится только к своему этническому аспекту, но является проблемой общей культуры, терпимости, толерантности к иным ценностям, интересам и целям. Корни ее вовсе не в изначальном этническом различии, скажем, русских и людей другой национальности, но в попытках более отчетливой идентификации сторонников и противников происходящих в сегодняшней России процессов. К сожалению, этот раскол приобретает не только этнополитический, но и нравственный характер: в обыденном сознании распространяется убеждение в том, что представители того или иного народа имеют привилегированное положение в обществе, их представители из финансовых кругов недоступны для правоохранительных органов, и им в любом случае все сойдет с рук. Слепое и безоглядное вмешательство в этот конфликт некоторых представителей так называемой “творческой интеллигенции” – штатных подписантов всякого рода писем, обращений к президенту и т. д. с требованием “дать отпор национализму и фашизму” – только поддерживает уже сложившиеся в массовом сознании негативные установки.

Исторической миссией интеллигенции всегда было поддержание нравственной ауры в обществе, неприятие любых проявлений насилия, жестокости и т. п. Известно, что политика имеет дело с весьма специфическими ресурсами, включая легитимное право на применение насилия, и даже самый гуманный политик иногда вынужден прибегать к нему как к последнему средству. Но интеллектуалы не имеют право следовать логике “наименьшего зла” и оправдывать применение насилия в тех случаях, когда его вер-

¹⁹ Булгаков С. Н. Два града: Исследование о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 339.

шит идеологически близкая им политическая сила. Между тем в России именно рассуждения и поступки по принципу поддержки “наименьшего зла” стали основным мотивом политического поведения для многих представителей так называемой “демократической интеллигенции”. В числе ее последних кумиров оказываются такие одиозные личности, как генерал А. Пиночет, и рассуждения в духе того, что “диктатура одного человека лучше, чем диктатура толпы”. Конечно, можно согласиться с тем, что узурпация власти коллективным органом представляет собой серьезную опасность для демократии. В свое время над этим размышляли многие политические мыслители. Образцом аргументированной критики в адрес безраздельной власти парламента является знаменитый памфлет американского политика Джона Адамса “Мысли о правительстве”. Однако Адамс, в отличие от некоторых российских демократов, называет парламент не “толпой”, а “ассамблеей”, прекрасно различая эти понятия. Учитывая естественные слабости и пороки последней как коллективного органа, он противился тому, чтобы парламент взваливал на себя не свойственные ему оперативно-распорядительные функции. Но при этом представительская и законотворческая функции как полномочия именно ассамблеи не подлежали для него никакому сомнению, равно как и независимость последней от прихотей исполнительной власти. Говоря иначе, для подлинного республиканца и демократа неприемлема никакая безграничная власть, “ничья” диктатура. Вряд ли мы бы сегодня восхищались добродетелями американской демократии, если бы ее отцы-основатели – Д. Адамс, Т. Джефферсон, Д. Мэдисон и др. – рассуждали бы в том же духе, что и некоторые российские “демократы”.

Серьезным препятствием для достижения общественного согласия является и то, что для полнокровной общественной дискуссии, столь необходимой расколотому российскому обществу, отсутствуют соответствующие условия: как технические (подлинно независимые телеканалы, талантливые коммуникаторы, способных спокойно и непредвзято вести диалог, и т. д.), так и психологические. Многочисленные неудачи, сопровождавшие поиски согласия

в последние годы, привели к тому, что общество психологически устало от громких заявлений и “добрых намерений”, которые, как правило, заканчиваются ничем. По образному выражению одного известного публициста, “надоело искать согласие, когда хочется набить морду”²⁰. Иными словами, для того чтобы не дискредитировать благородную и со всех точек зрения полезную идею, необходимо подкреплять ее какими-то значимыми свершениями, способными вселить в общество потерянный им оптимизм и надежду на лучшее будущее. Такими свершениями могли бы стать реальные результаты борьбы с коррупцией, организованной преступностью, повышение собираемости налогов, пресечение утечки капитала за границу, создание новых рабочих мест – одним словом, наведение того самого порядка, по которому так истосковалось российское общество. В противном случае никакое согласие не может возникнуть: слишком слаба вера в способности нынешнего государства, слишком далеко разошлись интересы различных групп и слоев российского общества, слишком разным идеалам и ценностям они поклоняются.

Но возвращение доверия граждан к своему государству, или обретение им легитимности – это во многом личностная, *персональная проблема*. Для России, чья политическая культура традиционно персонифицирована, этот фактор значим вдвойне. Еще Н. Макиавелли обращал внимание на важность связи *добродетели* и *случая*, исторической ситуации. Политик, в особенности популярный, способен заложить основы новых взаимоотношений, новые нормы и стандарты поведения, новые политические ценности. В особенности это относится к демократии как форме правления: ведь ее естественная тенденция к ослаблению пружин политической власти должна уравниваться более высоким уровнем авторитета на стороне руководителей. Таким образом, решающий элемент, от которого зависит благополучное состояние демократического общественного порядка, складывается из убеждений, норм и компетентности тех, кто в пределах данного порядка

²⁰ Любимов М. Надоело! (Думы обывателя) // Независимая газета. 1999. 6 марта. С. 3.

выступает носителями влияния, лидерами мнения, политическими активистами. “Если демократия проявляет неуверенность, клонится к упадку и катастрофе, то это идет именно отсюда”, – считает американский политолог В. О. Ки²¹.

Другой известный ученый Д. Белл полагает: “Всякая оценка способности общества справиться со своими проблемами зависит от качества его руководства и характера народа”²². Как представляется, эти суждения вдвойне справедливы по отношению к обществам, где демократия только пытается закрепиться на национальной почве, нередко приходя в противоречие не только с исторической традицией, но и с самими основами государственности.

Вместе с тем в российской истории есть прецедент решения задачи, в известном смысле сходной с той, что сегодня стоит перед страной. Как свидетельствуют историки, последствия Смуты начала XVII века удалось во многом преодолеть потому, что новый царь Михаил Романов и его окружение *культивировали стиль диалога* как во властных структурах, так и в своих взаимоотношениях с обществом, что и привело последнее к умиротворению. В диалог с обществом, разбудив последнее, вступил в свое время и последний Президент СССР М. Горбачев, хотя и не смог удержать его в определенных рамках. Что касается Б. Ельцина, то ни он ни его окружение такой задачи перед собой никогда не ставили. Действия Ельцина всегда преподносились официальной пропагандой в типично конфликтных терминах “победителя” и “пораженных”. Но дело не только в официальной пропаганде. Сам стиль мышления тех, кого в российском обществе почетно называют “реформаторами”, отличается конфронтационностью и абсолютным непризнанием политических реалий в особенности, если они благоприятствовали идейным и политическим оппонентам. Многие российские “реформаторы”, говоря словами К. Маркса, выходят из поражения такими же незапятнанными, какими невинными в него вошли.

²¹ Цит. по: *Сартори Дж.* Пересматривая теорию демократии // Антология мировой политической мысли. М., 1997. Т. II. С. 718.

²² Цит. по: Там же.

Естественно, что такой конфронтационный стиль политического мышления и поведения никак не может умиротворить общество. Он, напротив, раскалывает его на непримиримые группировки, поскольку взламывает те общепринятые в мировой политической практике правила игры, без которых политика превращается в разбой. Проигравший должен уйти, даже если считает себя полностью правым; причины проигрыша следует искать не в происках более удачливых соперников, воспользовавшихся благоприятной ситуацией, а в собственных просчетах; главное качество политика — уметь правильно оценить ситуацию, а не пенять на обстоятельства, которые, якобы, “не доросли” до него. Наконец, всякое проигравшее меньшинство вправе требовать справедливости, но не реванша. Эти нехитрые правила почему-то крайне трудно усваиваются многими представителями российского истеблишмента, особенно теми, кому пришлось не по собственной воле расстаться с властью. Между тем *зрелость демократии проверяется не столько приходом к власти демократическим путем, сколько демократическим уходом из нее.* Для российской власти такая задача оказалась непосильной, что привело к поиску способов если не сохранения себя во властных структурах, то сохранения имеющихся благ и гарантий “преемственности власти”. Отсюда ставка на человека, который был официально объявлен “преемником” Б. Ельцина, гарантом “неизменности курса”, а конкретно гарантом неприкосновенности бывшего президента и его семьи.

Вместе с тем события конца 1990-х годов продемонстрировали возможности качественно иного взаимодействия ветвей власти в России даже при сохранении действующей Конституции. В бытность премьер-министра Е. Примакова Правительство Российской Федерации впервые опиралось на парламентское большинство и было сформировано с учетом его мнения. Подотчетность де-факто Правительства Парламенту было шагом к созданию нормальной работоспособной демократической системы, четко реализующей в действующих структурах власти волеизъявление граждан и восстанавливающей способности государства выполнять свои базисные функции.

Другим отрядным фактом явилось то, что, вопреки распространенному мнению, сложилось и политическое согласие большинства фракций в Государственной Думе. Об этом свидетельствует поддержка большинством депутатов жесткого государственного бюджета на 1999 год. Готовность главных политических партий, представленных в Парламенте, ограничить свои претензии и лоббистские намерения в отношении бюджета имело огромное значение. Политический консенсус, достигнутый всего на несколько месяцев, при всей его хрупкости сыграл важную стабилизирующую роль в один из самых драматичных в постсоветской истории моментов.

С учетом значимости личностного фактора в российской политике стоило бы отметить то обстоятельство, что *единственным механизмом*, сплотившим в трудный час российский правящий класс, стал авторитет Е. Примакова. Не исключено, что сложившийся вокруг него внутриэлитный консенсус поначалу был негативным: Примакова приняли потому, что совершенно неприемлемыми были как кандидатура В. Черномырдина, так и роспуск Государственной Думы. Однако последующие события показали, что из негативной (по принципу “меньшего зла”) поддержка Е. Примакова, а следовательно, и его Правительства становилась позитивной даже в отсутствие крупных успехов в экономике. Враждебные премьер-министру издания и телеканалы, обслуживающие интересы финансовых группировок, верно уловили, что симпатии к Е. Примакову в элитах и обществе связаны прежде всего с *ним самим* и с тем *новым стилем отношений*, который премьер начал культивировать — не чурался звонить, приезжать в Охотный ряд, встречаться с лидерами думских фракций и т. д. Отсюда такая беспрецедентная, грубая попытка дискредитации именно *личности и репутации премьера* как его главного политического ресурса. Однако общество, сохранившее нравственные ценности, без которых не может быть жизнеспособным ни один народ, ответило на травлю Е. Примакова значительным ростом его поддержки. Это очень показательный симптом того, что для русского человека материальные лишения представляются куда менее мучительными, чем

царящая вокруг несправедливость, лицемерие и ложь. И связано это вовсе не с тем, что народу не нужна свобода слова (хотя условия его жизни ухудшаются прямо пропорционально степени роста этой свободы), но с тем, что последняя служит не обществу, а отдельным, наименее уважаемым в народе слоям и группам. *Наличие же политика общенационального масштаба, способного служить именно обществу в целом, отражать наиболее значимые интересы большинства граждан, оказалось в России в конце XX века большой и почти неразрешимой проблемой.*

С избранием нового Президента у России появился еще один шанс достичь столь необходимой ей общественной консолидации. Личный политический ресурс В. Путина был настолько велик, что позволил сплотить вокруг него значимое большинство российских граждан, обеспечив достижение материального консенсуса, то есть доверие к персональным носителям власти и их политике. На это работали как решительные действия нового главы государства в Чечне, так и артикулирование востребованных обществом ценностей патриотизма, государственности, социальной солидарности, возвращение которых в официальный политический дискурс осуществил еще Е. Примаков. Однако позитивные сдвиги, отмеченные в психологическом настрое населения в начале 2000-х годов, могли бы стать долгосрочными позитивными изменениями в массовом сознании лишь в том случае, если приобрели бы устойчивый материально-экономический фундамент. Без этого любые процессы в обществе, тем более духовно-психологические, останутся подвижными и изменчивыми. Но подкрепление общественных ожиданий серьезными подвижками в уровне жизни и благосостоянии большинства людей требовало изменения экономической и социальной политики и ущемления интересов тех влиятельных групп, которые до сих пор решающим образом определяли политический курс российской власти. Вопрос о том, на чьей стороне находился Президент России В. Путин: на стороне так называемых “олигархов” против народа или на стороне народа против “олигархов” — долгое время оставался открытым, что вполне объяснимо. В случае реализации первого варианта рейтинг его поддержки стал

бы стремительно падать, что привело бы заодно к полной и окончательной дискредитации самого института президентской власти в России. Отсюда ряд показательных “дисциплинарных мер” в отношении тех представителей российского бизнеса, которые, подобно главе ЮКОСа М. Ходорковскому, обнаружили собственные политические амбиции, финансируя нелояльные режиму политические партии и либо выступая с открытой критикой в его адрес (Б. Березовский и др.). Однако “олигархи”, не имеющие политических притязаний, не только не испытывали давления со стороны властей, но и приумножали свои состояния. Число долларовых миллиардеров и миллионеров в России неуклонно росло на всем протяжении 2000-х годов, тогда как сокращение числа малоимущих и просто бедных людей происходило куда менее стремительными темпами и по сей день составляет не менее 30 % населения.

Но возможен и другой вариант, связанный с упорядочением существующих правил “политической игры”, формированием внутриэлитного консенсуса в отношении назревших масштабных преобразований и осуществление последних с опорой на массовую поддержку. Созданная Б. Ельциным модель “супер-президентской республики”, резко ослабившая ключевой для переходного общества институт правительства и функции парламента, показала свою неэффективность и нестабильность. По мнению большинства экспертов, она должна подвергнуться реконструкции, причем как путем внесения поправок в Конституцию, так и через отдельные нормативные акты или политические договоренности (“джентльменские соглашения”) основных политических сил страны. В состав Правительства могли бы войти профессионалы от разных политических партий и фракций Государственной Думы, а также от Совета Федерации. В таком случае Парламент получил бы право частичного контроля за кадровым составом и программными установками Правительства. Иными словами, президентская система правления должна быть стабилизирована выверенным равновесием полномочий и четким разделением функций ветвей власти с целью повышения ответственности каждой из них.

Выступая с Посланием Федеральному Собранию России (ноябрь 2008 года), Президент Д. Медведев предложил оптимизировать политическую систему путем корректировки Конституции РФ. Речь идет о расширении конституционных прав Федерального Собрания, отнесении к предметам ведения Государственной Думы (статья 103) контрольных функций в отношении исполнительной власти, установлении конституционной нормы, обязывающей Правительство России ежегодно отчитываться в Государственной Думе по итогам деятельности и по вопросам, поставленным непосредственно Парламентом. Это предложение, в случае его поддержки в Государственной Думе, серьезно усилит контрольные функции Парламента за деятельностью Правительства, особенно в части расходования бюджетных средств²³.

Другое предложение Президента – увеличить сроки конституционных полномочий Президента и Государственной Думы до 6 и 5 лет соответственно – хоть и было встречено с одобрением участниками торжественного собрания, на деле воспринимается не столь однозначно, хотя определенные основания для такого решения имеются. Вместе с тем предложенные Президентом дополнительные меры для привлечения к законотворческому процессу представителей неправительственных организаций и Общественной палаты, а также гарантии освещения работы парламентских партий в государственных СМИ вселяют надежду на то, что дисбаланс ветвей российской власти будет исправлен, а возможности различных политических сил играть определенную роль в выработке внутренней и внешней политики страны, напротив, существенно расширены. Такое равновесие обеспечит и более справедливое присутствие различных политических сил (кроме антиконституционных), различных ориентаций и идейных направлений в информационном пространстве России. Политический дискурс приобретет столь необходимый ему плюрализм мнений, оценок, подходов, из которых и может сформироваться та российская общенациональная идея, которую безуспешно пытались изобрести в кремлевских кабинетах. Более разносторонние

и разнообразные культурные контакты, вероятнее всего, смягчат, хотя до конца и не снимут остроту ценностно-идеологической конфронтации, свойственной российскому обществу, и приблизят его к достижению основного (ценностного) консенсуса.

Но в целом, видимо, необходима смена поколений и приход в российскую политику прагматичных и свободных от пут прошлого людей, способных к диалогу и разумным компромиссам. Одновременно должны появиться новые люди и среди интеллектуалов, способные с пониманием и состраданием отнестись к культурным ценностям разных слоев и групп российского общества, способствуя их общению и культурному взаимодействию.

Контрольные вопросы

1. Что такое политическая институционализация? Каковы ее составляющие компоненты?
2. Почему в переходные, кризисные эпохи желательно учреждение политических институтов уже на ранней стадии конфликта?
3. Что понимается под политической процедурой? Назовите основные процедуры, способствующие урегулированию конфликтов.
4. Что такое переговоры? В чем смысл переговорного умения?
5. Что такое посредничество и какова его роль в урегулировании конфликта?
6. В чем смысл арбитража? Назовите его основные разновидности. Кто может быть арбитром в политическом конфликте?
7. Что такое компромисс? Какова роль компромиссов в политике?
8. Что такое политический консенсус? Каковы способы его достижения?
9. Почему в России так трудно достигается согласие?

ЛИТЕРАТУРА

1. Глухова А. В. Политический конфликт : механизм или тормоз российской трансформации? / А. В. Глухова // Мировые процессы, политические конфликты и безопасность / отв. ред. Л. И. Никовская. – М., 2007. – С. 65–86.

²³ См.: Российская газета. 2008. 6 нояб. С. 3.

2. Демократия : конфликтность и толерантность / под ред. В. С. Рахманина. – Воронеж, 2002. – 402 с.

3. Ильинская С. Г. Толерантность как принцип политического действия : история, теория, практика / С. Г. Ильинская. – М. : Праксис, 2007. – 285 с.

4. Конфликтология / под ред. А. С. Кармина. – СПб., 1999. – С. 282–432.

5. Конфликты в современной России : (проблемы анализа и регулирования) / под ред. Е. И. Степанова. – М., 1999. – С. 298–336.

6. Конфликты и диалог политических культур в современной России / под ред. А. В. Глухой. – Воронеж, 2005. – 216 с.

7. Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов : подходы, решения, технологии / М. М. Лебедева. – М., 1997. – 272 с.

8. Левин К. Разрешение социальных конфликтов / К. Левин. – СПб., 2000. – 408 с.

9. Мастенбрук В. Переговоры / В. Мастенбрук. – Калуга, 1993. – 176 с.

10. Мокшанцев Р. И. Психология переговоров : учебное пособие / Р. И. Мокшанцев. – М., 2002. – 352 с.

11. Никовская Л. И. Политическая конфликтность современного российского общества : особенности и проблемы / Л. И. Никовская // Там же. – С. 87–106.

12. Социальные конфликты в условиях системных трансформаций / отв. ред А. В. Глухова. – Воронеж, 2005. – 360 с.

13. Социальные конфликты и партнерство / под ред. А. В. Глухой, В. С. Рахманина. – Воронеж, 2004. – 372 с.

14. Тимофеева Л. Н. Власть и оппозиция : взаимодействие, взаимограничение, взаимоконтроль, коммуникации : монография / Л. Н. Тимофеева. – М., 2004. – 241 с.

Лекция 5

КРИЗИСЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Понятие “политический режим” до недавнего времени не имело самостоятельного звучания в отечественной политологии и чаще всего отождествлялся с политической системой. В известной степени такое отождествление допустимо, многие авторы используют понятия “политический режим” / “политическая система” как синонимы. По мнению Р. Арона, политические науки изучали, в основном, политическую систему как таковую: ее органы и функции исследовались отдельно друг от друга¹. Это лишало исследователя возможности принимать во внимание главные переменные величины, определяющие режим ее функционирования. Отсюда последний нуждается в более тщательном рассмотрении прежде всего в методологическом плане – как формализованный (хотя и в разной степени) способ упорядочения политических отношений в системе. Его обычно определяют как систему методов и средств осуществления политической власти, отражающую состояние прав и свобод граждан, отношение государственной власти к правовым основам ее деятельности.

Для характеристики политического режима необходимо сопоставление официальных, в том числе конституционных и правовых, норм с реальной политической жизнью, провозглашенных целей – с действительной политикой. Ведь за фасадом “демократических” (по форме) конституций и других законодательных актов может скрываться весьма неприглядная и даже преступная политическая реальность, не имеющая ничего общего с декларируемыми демократическими ценностями.

Как пишет известный польский социолог Е. Вятр, “политологи, более склонные к законодательной традиции нашей дисциплины, зачастую концентрируются на том, что записано в конституции. Совершенно очевидно, что конституционная система очень важна. Однако положения конституции не всегда соответствуют реальности. Поэтому политологи нуждаются в термине, который

¹ См.: Арон Р. Указ. соч. С. 92.

бы совмещал конституцию и реальности политики”². Таким термином как раз и является “политический режим”, под которым Е. Вятр понимает систему конституционных (законных) порядков и конкретное воплощение этой системы на практике.

В отличие от выявленных системной теорией общих функций политической системы, режим означает специфические пути и средства, какими эти функции могут быть структурированы и встроены в институты и процедуры, а также возникающие в ходе этого взаимоотношения. Очевидно, что одна и та же политическая система может функционировать – в зависимости от исторических обстоятельств – в различных режимах. Так, структура политических институтов за весь советский период отечественной истории оставалась почти неизменной (за исключением, возможно, последнего, “горбачевского” периода), но методы и средства осуществления политической власти, взаимоотношения последней с народом в 30-е, 60-е, 70-е годы были далеко не одинаковыми.

Приоритеты в разработке методологии и теории исследования политических режимов принадлежат французской политической науке, специализирующейся в этой области политического анализа. Признанной является дефиниция Ж.-Л. Кермонна: “Под политическим режимом понимается совокупность элементов идеологического, институционального и социологического порядка, способствующих формированию политической власти данной страны на определенный период”³. Вопреки французской традиции, автор демонстрирует более широкий подход к политическому режиму, включающий не только институты, но и явления социологического и социокультурного порядка, способствующие упрочению (либо, наоборот, разложению) конкретного политического режима. Под *социокультурными факторами* здесь понимается процесс формирования режима, исторические традиции, на которые он опирается, характер политической культуры общества и политической элиты, представления граждан о достоинствах власти

² Вятр Е. Типология политических режимов // Лекции по политологии. Таллин, 1991. С. 55.

³ Цит. по: Шмачкова Т. В. Из основ политологии Запада // Политические исследования. 1991. № 2. С. 134.

и об отношении к ней и т. д. Так, по признанию Р. Арона, влияние политической традиции Франции на функционирование ее политического режима всегда было исключительно велико. Столь же очевидна роль традиций в формировании в России, а затем в Советском Союзе жестких авторитарных режимов.

Несмотря на наличие общезначимых характеристик политических режимов, анализ предполагает учет конкретного их типа, поскольку структурные компоненты и принципы взаимодействия далеко не одинаковы в демократических, конституционно-плюралистических и авторитарных (или тоталитарных) режимах. Соответственно, разнятся формы и способы разрешения кризисов различных типов режимов.

Анализ функционирования и разложения конституционно-плюралистических режимов, согласно Р. Арону, должен включать в себя *пять основных переменных*: Конституцию; политические партии; способ функционирования режима (включая такие уровни, как избирательный закон и выборы, способ функционирования парламента, отношения между правительством и парламентом); группы давления; те, кому режим отводит первые роли”, в том числе “лидеры и их соответствие ситуации”⁴. Все эти переменные взаимосвязаны, что способствует сохранению устойчивости политического режима, и, наоборот, слабость или разрушение взаимосвязей ведут к его кризису.

Известно, что исполнительная власть, рождающаяся в партийных битвах, может приобрести устойчивость двумя возможными способами. Первый – американский – предполагает обладание исполнительной властью президентом, система избрания которого отличается от системы избрания депутатов парламента. Процедура избрания президента, сложность отрешения от должности, а также его авторитет и власть как представителя всего политического сообщества делает исполнительную власть в целом устойчивой. Другой способ – британский, при котором правительство выражает волю парламентского большинства. Правительство такого типа существует до тех пор, пока существует такое большинство,

⁴ Арон Р. Указ. соч. С. 101.

и обладает свободой действий, поскольку вправе рассчитывать на одобрение парламента.

Вместе с тем устойчивость власти в обеих конституционных системах обеспечивается не сама по себе, но при условии ее гармонирования с партийно-политической инфраструктурой. Известно, что обе ведущие американские партии – республиканская и демократическая – принадлежат к партиям со *слабой структурой*, то есть их члены не подвержены строгой партийной дисциплине при голосовании в конгрессе. Но если бы они были дисциплинированными, как это имеет место с консерваторами и лейбористами в Великобритании, то американский президентский режим не смог бы функционировать. Единственным исключением для него могла бы быть ситуация, при которой и парламентское большинство и президент принадлежат к одной и той же партии. И наоборот: парламентский английский режим действует лишь благодаря партийной дисциплине и тому обстоятельству, что обе главные партии достаточно близки друг другу по своим программным политическим установкам. В условиях, если бы программные цели обеих партий были бы прямо противоположными, чередование партий у власти привело бы к крушению законодательства. Эта же опасность подстерегает и президентский режим, который также не застрахован от двух опасностей: паралича власти или государственного переворота. Это наглядно демонстрируют страны Латинской Америки, где взяли на вооружение американскую модель президентского режима.

Таким образом, устойчивость и эффективность демократических режимов обеспечивается не столько конституционными правилами как таковыми, сколько гармонией этих правил с партийной системой, природой и ролью партий, их программными политическими концепциями. Кроме того, необходимо, чтобы конституционные правила и партийные устремления были согласованы с социальной структурой и предпочтениями граждан. Иными словами, в анализе политических режимов необходимо постоянно иметь в виду эти два ключевых среза: *горизонтальный*, в рамках самого режима, включая взаимоотношения между институтами, элитами и т. д., и *вертикальный*, то есть взаимоотношения политического

режима с гражданским обществом. Взяв эту схему в качестве исходной, кризис режима можно условно свести к *трем основным политическим полям*:

- кризису политических институтов (или институциональному полю);
- кризису легитимности (или разрушению доверия общества к власти);
- кризису социальной базы режима (или процессам в социальной инфраструктуре общества).

Этимологическое значение понятия “кризис” предполагает ситуацию сложного переходного состояния, перелома, поворотного пункта, требующего решения. Как пишут известные американские социологи, время кризиса – это “исторический момент, момент опасности и неуверенности, в течение которого следуют ответственные решения и трансформации, определяющие будущее развитие системы и -- насколько это возможно -- ее новый социальный, экономический и политический базис”⁵. Это означает комплексный характер самого феномена кризиса и глубину противоречий, вызвавших его к жизни.

В ситуациях политических кризисов речь идет о требованиях (и возможной реализации) значительных изменений в политике, а не просто о частных отдельных изменениях (например, отставке правительства). Вместе с тем любой кризис сигнализирует о невозможности разрешения назревших противоречий и политических конфликтов на прежней политико-правовой основе, поскольку старая система отношений и связей между политическими институтами и субъектами оказалась нефункциональной⁶.

Кризис политического режима представляет собой *экстремальное состояние политической системы или ее несущих структур*, которое, с одной стороны, характеризуется экстраординарным обострением конфликтов между ведущими субъектами политической жизни, а с другой – утратой (или резким ослабле-

⁵ Amin S., Arrighi G., Frank A. G., Wallerstein Y. Dynamik der globalen Krise. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1986. S. 76.

⁶ См.: Malropolitische Konfliktforschung. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978. Heft 4. S. 559.

нием) способности регулировать и разрешать конфликты в рамках и на базе существующих политических отношений и политических институтов. Существенными признаками кризиса режима являются: возрастающая неспособность “верхов” контролировать политические процессы и регулировать конфликты в рамках и на базе сложившейся политической системы, режима ее функционирования, ранее принятых правил и норм политического поведения субъектов политической жизни;

– делегитимация в общественном сознании институтов политической власти, резкое сокращение и разрушение социальной и политической базы доверия к ним и властвующей элите;

– резкое нарастание недовольства политикой властвующих субъектов (политических “верхов”, истеблишмента).

По мнению авторитетного исследователя социальных деформаций **В. Н. Кудрявцева**, в социодинамике кризиса ключевую роль играет обычно *деградация институтов*, порождающая разложение других компонентов социальной системы⁷. Причина особой уязвимости институтов (а не отношений) в системе социальных взаимосвязей объясняется тем, что институты не столь гибки, как другие компоненты, в них прямо отражено и закреплено старое. Люди непосредственно сталкиваются с институтами власти и управления, политики и экономики. Потребности меняются, институты перестают их удовлетворять. “Деформации, происходящие с институтом, влияют и на соответствующую деформацию в общественных отношениях”⁸. В политике возникает неустойчивость, появляются демагогия, популизм, вероломство, что, в свою очередь, порождает недоверие к государственной власти, падение ее авторитета. На это обращает внимание известный американский политолог **С. Верба**, характеризующий кризис как “изменение, требующее новаций со стороны правительства и институционализации, если элиты не хотят всерьез рисковать потерей своего положения и сохранением общественного порядка”⁹.

⁷ См.: Кудрявцев В. Н. Социальные деформации: (причины, механизмы, пути преодоления). М.: Ин-т государства и права, 1992. 133 с.

⁸ Там же. С. 79.

⁹ Makropolitische Konfliktforschung. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978. Heft 4. S. 561.

Кризис политических институтов в демократических режимах начинает проявляться тогда, когда партийная система уже не отвечает всем группам интересов или функционирует таким образом, что соперничество партий не приводит к устойчивой реальной власти. Отсюда постоянные меж- и внутрипартийные конфликты, отсутствие устойчивого большинства в парламенте, конфликты между законодательной и исполнительной властью и паралич в принятии значимых политических решений. С точки зрения поведения субъектов таких конфликтов – тех или иных группировок правящей элиты – отчетливо проявляется доминирование частных, узкопартийных, узкогрупповых интересов над интересами общества в целом. Расколы и противоборство между группами, входящими в состав правящего меньшинства, достигают такого накала, что делают гибель режима неизбежной.

Кризис политических институтов приводит к разрушению лежащей в основе демократического режима идеи о гражданском правлении. Некое меньшинство использует государственные институты в своих узкогрупповых целях, демонстрируя “избыточную олигархичность” режима. С другой стороны, угрозу конституционному порядку создает то, что Р. Арон назвал “чрезмерной демагогичностью”: всевозможные группы проявляют бескомпромиссность в отстаивании своих требований, а для сохранения общих интересов уже не остается реальной власти.

Кризис институтов напрямую связан с деятельностью политических субъектов, “населяющих” институты, то есть политических элит. Если они постоянно нарушают “правила игры”, это напрямую ударяет по самому конституционному строю государства, поскольку его сущность состоит в регламентации правил соперничества отдельных лиц, групп, партий. Для стабильного и эффективного функционирования политического режима необходимо, чтобы принципы, определяющие его суть, пользовались уважением, и неукоснительно соблюдалась сама идея государственных институтов.

Кризис государственных институтов особенно реален в том случае, если в обществе достаточно сильны правая и левая ради-

кальные группировки, националисты и левые радикалы, вдохновляемые идеями либо национального, либо социального единства и устранения олигархии, якобы закулисно управляющей в парламенте. Их может роднить общность цели – уничтожить плюралистический режим как “воплощение зла” (с обеих крайних точек зрения). Классический пример – Германия времен Веймарской республики. Против существовавшей в ней парламентской системы боролись и национал-социалисты, и коммунисты, обладавшие достаточной силой и способностью мобилизовывать массы. Становлению правой оппозиции способствовала слабость плюралистического режима, символизировавшего поражение и обладавшего низким авторитетом. В качестве главного мобилизующего средства использовалось озлобление нации по поводу угрозы ее единству. Становлению левой оппозиции способствовал исключительно тяжелый экономический кризис 1929–1933 годов, вызвавший массовые протестные движения. Конституционно-плюралистический режим утрачивал необходимую поддержку народных масс и минимальное благосостояние, без которого невозможно существование современного общества.

Любой конституционно-плюралистический режим базируется на *мажоритарном принципе*, то есть на поддержке большинства. Если парламентское большинство состоит из противников режима, он обречен: наличие в парламенте мощных правой и левой оппозиций, не приемлющих режим, прелятствует его нормальному функционированию и делает реальной угрозой государственного переворота. Что касается Веймарской республики, то в ней сами демократические партии – политическая опора режима в парламенте – не были готовы установить работающую парламентскую систему. Как пишет немецкая исследовательница У. Хоффман-Ланге, они продолжали заниматься “идеологическими словопрениями и не желали предпринять необходимые шаги по формированию устойчивых и эффективных правительственных органов”¹⁰. Разложение внутри режима захватило все партии и приняло форму

¹⁰ Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация: германский опыт // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 53.

избыточной приверженности групповым и узкопартийным идеям. Все партии Веймарской республики стремились играть главенствующую роль и каждая обладала собственной идеологией, а некоторые – и собственными вооруженными силами.

Следует сказать также о слабости и внутренней нестабильности правившей в то время левоцентристской коалиции, в которой отчетливо просматривались трения между социал-демократической и другими демократическими партиями. С обострением социально-экономических проблем после 1929 года эта коалиция распалась.

Слабость режима Веймарской республики исследователи также видят в том, что она осуществила институциональную реорганизацию, не сопровождавшуюся *элитной трансформацией*. Это означало, что старые элиты остались в силе, ожидая лишь удобного случая для институционального поворота назад. Обладая правом издавать публичные указы без одобрения их Парламентом, Президент республики имел возможность на конституционных основаниях удерживать у власти правительство, которое уже не пользовалось доверием парламентского большинства. Таким образом, после ухода в отставку последнего пропарламентского Правительства в 1930 году Веймарская республика представляла собой уже не парламентскую демократию, а квазипрезидентскую систему. Она и привела к власти лидера одной из оппозиционных группировок, составивших парламентское большинство, который полуконституционным путем устранил режим. По мнению большинства исследователей, здесь мы имеем идеально-типический пример разложения демократического режима.

Но кризис институтов – это только один компонент кризиса политического режима. Другим является утрата доверия и поддержки со стороны общества, то есть *кризис легитимности*. Происходит не только изменение рациональных позиций граждан, но и изменение общественных настроений, или то, что Ш.-Л. Монтескье называл “разложением принципа”. Поскольку главным принципом демократического режима является *гражданственность*, возникает коррозия этого понятия как в элитах, так и в массах. В элитах ут-

рата легитимности может проявляться либо в подмене идеи всеобщего блага межпартийной борьбой, либо в навязчивом стремлении к компромиссам, что в конечном счете делает невозможным любой недвусмысленный выбор и любой решительный курс.

Что касается масс, то в их сознании оказываются поколебленными представления, символы веры, в соответствии с которыми власть предрежащие обладают правом принимать решения, которые граждане обязаны выполнять. Иными словами, возникают сомнения в признании власти правителей и обязанности управляемых ей подчиняться.

Кризис легитимности режима является самой серьезной угрозой его существованию. Любое общество или режим тем успешнее могут противостоять различным кризисам, чем большей легитимностью они располагают. В свою очередь, разрешение кризиса легитимности дает возможность хотя бы на время избежать других кризисов. Так, в ходе Великой депрессии конца 20-х – начала 30-х годов политика многих европейских правительств потерпела крах. “Но страны, высоко ранжировавшиеся по шкале легитимности, остались демократическими, в то время как Германия, Австрия и Испания потеряли свою свободу, и Франция едва не последовала их примеру”, – пишет С. Липсет¹¹.

Разрушающее влияние кризиса легитимности на все компоненты политического режима история демонстрировала неоднократно. По словам П. А. Сорокина, когда политический режим начинает рассыпаться, “вирус дезинтеграции” быстро распространяется всюду, заражая все статуы власти, проникая во все щели. “Падение режима – обычно это результат не столько усилий революционеров, сколько одряхления, бессилия и неспособности к созидательной работе самого режима”¹², – писал П. Сорокин. Отжившие ценности больше не дают представителям власти уверенности в себе, самоуважения и глубокой убежденности в правильности их

¹¹ См.: Makropolitische Konfliktforschung. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978. Heft 4. S. 562.

¹² Сорокин П. Социология революции // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 60.

официальных обязанностей и бюрократического порядка. Распад старого, умирающего режима обычно деморализует их. Сталкиваясь с энтузиастами, приверженцами новых, утверждающихся ценностей, агенты режима начинают сомневаться, теряются и часто не могут выполнять свои официальные обязанности. Таковым было, например, положение царского режима в России в канун Февральской революции 1917 года. По словам Н. А. Бердяева, ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. “Война dokonчила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что февральская революция свергла монархию в России, монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников”¹³.

Кризис легитимности наиболее отчетливо вскрывает конфликт ценностей в дестабилизированном обществе. В противоборство с нормами и ценностями разлагающегося режима вступают все новые и новые слои и группы. Их мобилизация происходит не только на иной, отличной от существующей, ценностной основе, но и на прямо противоположной ей. Так, в числе причин, приведших к кризису Веймарской республики, был конфликт ценностей. Значительная часть немецкой армии, государственных служащих и аристократии не приняла Веймарскую республику не потому, что она была неэффективной, но потому, что ее символы и основополагающие ценности отрицали их собственные.

Отчетливым проявлением кризиса легитимности является также нарушение ролевых обязанностей управляющих и управляемых. Со времен Платона и Аристотеля замечено, что демократия начинает разлагаться, когда граждане утрачивают привычку к повиновению и пренебрегают дисциплиной, а правители пытаются снискать похвалу управляемых. Это можно рассматривать как двойное разложение, поражающее как “верхи”, так и “низы”.

Падению режимов часто предшествует широкий размах коррупции, приобретающей всеобщий характер. Последним оплотом режима является сопротивление коррупции, оказываемое судьями.

¹³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 109.

Если разложение коснулось и их, у обычных граждан уже не остается никакой надежды, и полный кризис легитимности можно считать предрешенным.

Как уже говорилось, на легитимность существующего политического режима и находящихся у власти элит влияют многие внутренние кризисы. В свою очередь, потеря властвующими элитами легитимности приводит к обострению других кризисов. Это обстоятельство и позволяет считать кризис легитимности наиболее значительным, наряду с кризисом институтов, системы правления, правительственным кризисом и т. д. В то же время он является результатом воздействия многих *факторов*. Один из них – *политическая дискриминация*. По мнению Г. Алмонда и С. Вербы, “чувство, что у тебя есть возможность участия в политике, увеличивает легитимность системы и ведет к политической стабильности”¹⁴. Теоретическое объяснение этого феномена состоит в том, что полноценное политическое участие может привести к уменьшению дискриминации и в других сферах.

Наряду с политическим важную роль может сыграть экономический фактор. Поскольку роль государства в экономике постоянно возрастает, легитимность режима во многом определяется его экономической эффективностью. Так, последовательное падение коммунистических режимов в странах Восточной Европы явилось результатом их *экономической неэффективности*. И наоборот, экономические успехи возносят режимы из состояния полного отсутствия легитимности и даже национального краха (послевоенные Германия и Япония) до самых передовых в ряду легитимных плюралистических демократий.

В числе других факторов кризиса легитимности политического режима можно назвать социальные, в частности *отсутствие достаточной вертикальной мобильности* для тех или иных групп населения в сочетании с серьезными показателями *социального неравенства*. Особую роль в процессе делегитимации режима играет такая социальная группа, как *интеллектуалы*: если они ставят под

¹⁴ Makropolitische Konfliktforschung. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978. Heft 4. S. 590.

сомнение существующий режим, его легитимность оказывается более слабой. “Интеллектуальный микроб” широко распространяется в народе, вызывая в итоге кризис доверия к власти. Внимание теоретиков, исследующих проблему легитимности, привлекают и другие социальные категории, например, рабочий класс в трудах теоретиков марксизма, а также социальные институты – церковь или армия, особенно в латиноамериканских странах.

Природа политической легитимности диффузна, большей частью иррациональна. Наряду с жизнеспособностью политической системы легитимность отражает и жизнеспособность имеющегося в обществе консенсуса в отношении институтов и норм поведения. По мнению С. Липсета, масштабы легитимности существующих демократических политических систем в значительной степени зависят от того, как будут решены основополагающие вопросы, исторически раскалывавшие общество¹⁵.

Вместе с тем привычная для стабильных демократических режимов пара категорий “легитимность/консенсус” оказывается малоприспособленной для характеристики слабых и неустойчивых режимов в странах “третьего мира”. Применительно к ним, а также к другим странам с переходными типами политических режимов (переходными, как правило, от авторитарных, диктаторских к демократическим), некоторые авторы, например, С. Хантингтон, акцентируют другие компоненты “порядок/стабильность”¹⁶. Это связано с тем, что в таких переходных обществах, как правило, отсутствует консенсус и понимаемая “в привязке” к нему легитимность. Их главной задачей является поддержание стабильности и порядка, включая территориальную целостность государства. Легитимность новых режимов будет, очевидно, формироваться по мере выполнения ими своих общественных задач.

Наконец, третье поле анализа кризиса режима – это *процессы, происходящие в гражданском обществе* и их влияние на государственные институты, порядок функционирования последних,

¹⁵ См.: Makropolitische Konfliktforschung. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978. Heft 4. S. 562.

¹⁶ См.: Там же. S. 588.

действия элит и т. п. Разрушение связи режима с социальной инфраструктурой или, в более широком смысле, отказ от выполнения общественно полезных функций, включая обеспечение благосостояния граждан, влечет недовольство, протестные действия со стороны последних. В оппозицию режиму переходят все новые слои и группы, включая тех, что составляли его главную опору, социальную базу. Так, оценивая ситуацию в России в канун октября 1917 года как “переломный момент революции” (Февральской. – А. Г.), В. И. Ленин обращал внимание на несоответствие между новым, *республиканским* правительством, пользовавшимся поддержкой мелкобуржуазной демократии, и разрастающимся в стране *крестьянским восстанием*. Еще более наглядным оказалось противоречие между декларировавшимся характером режима (“демократического”) и методами и способами его деятельности: крестьянское восстание подавлялось *военными мерами республиканского правительства*. “Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения, – писал В. И. Ленин. – Но все симптомы указывают, наоборот, именно на то, что общенациональный кризис назрел”¹⁷. В. И. Ленин указывал на то, что наряду с крестьянством резко радикализировались национальные меньшинства и армия; в острый конфликт с правительством вступили железнодорожники и почтовые служащие, чьи позиции имели гигантское экономическое и общеполитическое значение. Отражением изменившегося соотношения сил в обществе стал и новый политический расклад: на выборах в районные думы в Москве обнаружился глубокий поворот в общенациональном настроении в пользу большевиков и левых эсеров.

Формирование конфликтных групп в гражданском обществе может происходить на различных основаниях. Так, к числу непримиримых противников конституционно-плюралистических режимов многие авторы относят традиционалистов, то есть тех, кто тоскует по старому режиму и не разделяет ценностей демократии.

¹⁷ Ленин В. И. Кризис назрел // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 277.

Часто это социальные группы, занимающие высокие статусные позиции, подобно аристократии и военным чинам в Германии в 30-е годы. Конфликт между ними и демократическим режимом носил не столько политический, сколько культурный характер. Другая группа противников режима может сложиться в пролетарской и околопролетарской среде, поскольку чувствует себя обделенной (например, стали жертвами законов, установленных в интересах экономически влиятельных группировок). Борьба этих групп будет носить характер статусных конфликтов, включая требования восстановить утраченную норму. Наконец, противников плюралистического режима достаточно и среди экономически могущественных слоев, опасющихся усиления государственного регулирования, планирования и прочих мер, призванных обеспечить более справедливое распределение общественного богатства. Опыт военно-фашистских режимов в Италии, Испании, нацистского режима в Германии показал, что многочисленные слои не только крупной, но и мелкой и средней буржуазии оказали им поддержку. Вместе с тем опыт Латинской Америки обнаружил другую тенденцию: городская буржуазия, поначалу поддерживавшая установление авторитарных военных режимов, быстро обнаружила, что они относятся к ней более враждебно, чем демократический плюралистический режим. Переход мелкой и средней буржуазии на сторону демократии обеспечил бескровный демонтаж авторитарных режимов и установление в ряде стран Латинской Америки (в Аргентине, Чили и т. д.) демократических институтов.

Помимо названных социальных групп, враждебно настроенных к демократическому режиму, существуют группы, не принимающие его в силу идеологических или религиозных соображений (например, революционеры – экстремисты, фундаменталисты и т. п.). Их влияние (особенно религиозных фундаменталистов) на политические процессы в современном мире заметно возросло, угрожая либеральным демократиям Запада извне. Но терроризм набирает силу изнутри либеральных обществ и в ситуации серьезного политического кризиса может стать катализатором массового

общественного недовольства. Поэтому для обретения режимами устойчивости у них не должно быть опасностей, связанных с управлением современными индустриальными обществами.

Таким образом, кризис социальной базы режима, стимулируемый рядом факторов: экономическим кризисом, ростом безработицы, усилением социально-экономического неравенства, понижением статуса отдельных социальных групп и т. д. — приводит к интенсивному возрастанию требований к власти, распаду легитимности последней, политическим забастовкам и демонстрациям, актам политического насилия. Внутри правящего политического класса происходит раскол на сторонников и противников жестких мер, что, в свою очередь, оказывает влияние и на позицию протестующих: здесь также возникает дифференциация между радикалами и умеренными. Развязка кризиса зависит от соотношения сил в рядах как правящей, так и оппозиционной элиты. Перевес умеренных над радикалами открывает дорогу постепенным, эволюционным преобразованиям; победа радикалов и ортодоксов влечет силовую развязку кризиса, означающую либо удержание режимом своих позиций, либо его крах.

Исторический опыт крушения авторитарных режимов в прошлом позволяет выделить ряд *тенденций*, ведущих к их падению.

Согласно недавнему исследованию Д. Голдстоуна, это, во-первых, усиленное давление на государственную финансовую систему, вызванное *инфляцией*, подрывающей национальный доход, и *демографическим ростом*, требующим увеличения расходов. Попытки государства укрепить финансы, повышая государственные доходы, приводили к недовольству элит, крестьянства и городских потребителей, не позволяя государству предотвратить увеличение долга и вероятное банкротство.

Во-вторых, росло и множилось число *конфликтов в рядах правящей элиты* по мере того, как в условиях демографического роста и инфляции одни группы все с большим трудом сохраняли свой статус, а другие получали возможность занять место в элите, и стремились эту возможность реализовать. Экономическая слабость государства количественно ограничивала доступ в элиту, а иерар-

хическая структура и персональный состав последней претерпевали значительную перестройку, приводившую к расколу на конкурирующие группы с целью спасти или улучшить свое положение.

В-третьих, усиливался *мобилизационный потенциал* широких народных масс, вызванный борьбой за землю, миграцией в города, наполнением рынков рабочей силы, снижением реальных зарплаток и увеличением доли молодого населения (демографическим бумом). Волнения в разных формах: продовольственных бунтов, нападений на землевладельцев и государственных чиновников — имели тенденцию к нарастанию.

И, наконец, в-четвертых, резко возрастала популярность идей совершенствования и *изменения социального порядка*¹⁸. Совокупность всех этих тенденций, как правило, приводила к *революции* как способу разрешения кризиса режима.

Вместе с тем кризис режима не означает его немедленный крах. В отсутствие активных субъектов политического действия разложившийся политический режим может еще сохраняться определенное время. В случае вмешательства армии или при ее поддержке происходит *государственный переворот*. Однако передача власти может осуществляться и на законных (или полузаконных) основаниях, после чего происходит государственный переворот. Так случилось в Германии после призвания А. Гитлера на пост канцлера. Возможен и *военный разгром, иностранное вторжение* или любое вмешательство из-за рубежа.

По мнению большинства исследователей, в рамках демократических, конституционно-плюралистических режимов, основанных на таких механизмах, как конституция и выборы, трудно представить себе возникновение революции. “Выступающих против парламентского режима достаточно, но невероятно, чтобы избиратели в своем большинстве страстно боролись против режима, существующего благодаря их выбору”¹⁹, — писал Р. Арон. Аналогичную

¹⁸ См.: Айзенштадт Ш. Н. Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 199.

¹⁹ Арон Р. Указ. соч. С. 164.

точку зрения высказывает М. Доган: “Демократический режим не разрушается, потому что не существует лучшей альтернативы, кроме как реформировать демократию... демократическим путем. Достоинство демократии в том, что она обеспечивает возможность перемен в соответствии с правилами политической игры”²⁰. Следует заметить, что у М. Догана речь идет главным образом о демократиях современных, политически стабильных. Р. Арон же касается не только зрелых, устоявшихся политических режимов, но и слабых, нуждающихся в упрочении. При этом он подчеркивает, что если под революцией, направленной на свержение конституционно-плюралистического режима, понимать действия активного меньшинства, заручившегося согласием большинства, то для успеха необходима поддержка армии. Но тогда это равнозначно государственному перевороту. Если же опора будет сделана не на армию, а на существующие институты (например, выборы), то это передача власти законным путем. Все иные случаи, включая иностранное вмешательство, в совокупности представляют собой третий вариант.

На наш взгляд, Р. Ароном обозначена важная методологическая проблема, заслуживающая отдельного самостоятельного исследования. Можно согласиться с тем, что революция, как способ разрешения кризиса режима в большей степени характерна для авторитарно-тоталитарных режимов, где нет иных способов разрешения назревших общественных противоречий, кроме массового внеинституционального протеста. Вместе с тем тайна революции, на наш взгляд, кроется не в способах прихода к власти (институциональный вариант еще К. Маркс и Ф. Энгельс называли возможной и желательной “мирной революцией”), и не в возможностях использования части армии (ее разложение входит в число признаков кризиса режима). Революция предполагает изменение структуры власти, отношений собственности, а также смену правящего класса. По мнению признанного специалиста в области социологии революций Ш. Н. Айзенштадта, “революция – это ситуация, в

²⁰ Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 154.

которой все смещения и перемены, осуществляемые, как правило, насильственным путем, ведут к радикальной трансформации самих правил политической игры, символов и основ легитимности и сочетаются с новым видением политического и социального порядка”²¹. Именно такое сочетание является отличительным признаком революции. Иначе говоря, революции пытаются создать принципиально новые космологические представления, выработать четкую культурную и политическую программу. С этой целью нарушается преемственность развития, сопровождающаяся насилием; общество воспринимается как некая целостность, которую следует переформировать посредством политических действий в соответствии с определенными представлениями. За этим следует общественная реконструкция: глубокие изменения институциональной системы, радикальное переструктурирование классовых и статусных отношений, вытеснение старых и возвышение новых классов и т. д. Можно утверждать, что революции являют собой наиболее полное и законченное выражение политического конфликта, один из субъектов которого – революционные силы – создает новую социальную и политическую реальность, опираясь на сочувствие и поддержку широких народных масс, непосредственно включающихся в политику.

Но не из всякого кризиса режима возникает революция. Естественно, что она формируется, в первую очередь, в условиях упадка или “распада” старого режима, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но даже если налицо все признаки кризиса режима, они недостаточны, чтобы возник непосредственно революционный путь его низвержения. И дело не только в наличии либо отсутствии революционного субъекта, но и в специфических исторических условиях, мировоззренческих предпосылках революций.

Определенное сочетание цивилизационных и структурных условий и исторических обстоятельств, порождавших “великие” революции, складывалось в истории человечества сравнительно редко. Специфическими историческими условиями были периоды

²¹ Айзенштадт Ш. Н. Указ соч. С. 193.

ранней модернизации, когда автократические модернизирующиеся режимы оказывались перед лицом противоречий, связанных с их собственной легитимностью и политикой, и сталкивались с усилением влияния новых социальных слоев и “современных” идеологий. В качестве необходимых мировоззренческих предпосылок выступали общие утопические идеи реконструкции общества и политической системы, отмеченные верой в прогресс, широкое политическое участие в основных структурах государственной власти. Иными словами, революции нового времени отличает сущность онтологических или космологических представлений, которыми они руководствуются, и своеобразное соотношение между моделью изменений, типом режима и институциональными структурами обществ, переживавших изменения.

Отсюда следует, что при наличии иного сочетания структурных и институциональных факторов процессы изменений протекают иначе, а смена политических режимов происходит другим способом. Поэтому вряд ли оправданно применять к ним критерии, используемые для анализа “великих” революций. Речь должна идти об иных моделях социальной и политической трансформации, и их анализ должен строиться на других основаниях.

Крушение авторитарных режимов в Центральной и Восточной Европе, в СССР в конце 80-х – начале 90-х годов поставило эту проблему в практическую плоскость. Демократизация и либерализация политических институтов и экономических систем в этих странах, распад их союзнических структур протекали в быстром, *революционном темпе*, особенно осенью 1989 года и на всем протяжении следующего, когда одно событие подгоняло другие. О революционном характере перемен в этом регионе заявили многие европейские интеллектуалы. **Т. Г. Аш**, отмечая возросшую взаимосвязь между реформой и революцией как способами социальных преобразований, попытался найти термин, объединяющий черты как первой, так и второй: “Р Е Ф О Л Ю Ц И Я”²². Другой специалист в этой области **Х. Фишер** ввел в научный оборот но-

²² Ash T. G. Ein Jahrhundert wird abgewählt. München – Wien: Piper, 1990. S. 23.

вое понятие “эволюционная революция, или революционная эволюция”²³. Он обратил внимание на то, что в Латинской Америке и Восточной Европе все начиналось с массовых движений протеста, результатом чего стала серия реформ. Там же, где подобно СССР, все начиналось с реформы “сверху” (“перестройки”), позже понадобилось придать ей революционное содержание благодаря поддержке “снизу”.

Углубляя революционный концепт, **У. К. Пройс** дифференцирует революции на “социальные” (во Франции в конце XVIII века) и “конституционные” (в США). Перемены в Центральной и Восточной Европе он рассматривает как *конституционные революции*: “Это конституционные революции не только в том распространенном смысле, что вначале они направлены на основополагающее изменение или создание заново институтов. За этим стоит надежда найти цивилизованный путь и для экономического переустройства”²⁴.

Оценка К. Происа перекликается с дефиницией **Ю. Хабермаса**, который пишет о “догоняющей революции”: “Государства Центральной и Восточной Европы попытались в 1989 году присоединиться в конституционно-политическом отношении к наследию буржуазных революций прошлого, а в общественно-политическом отношении – к превращенным и жизненным формам развитого капитализма”²⁵. По мнению **Р. Дарендорфа**, в большинстве случаев неважно, какое название закрепляется за историческим событием, но в данном конкретном случае “академический подход обретает немалое практическое значение”²⁶.

Таким образом, вопрос о том, как определить характер событий в центрально- и восточноевропейском регионе, предстает далеко не праздным. Точное определение понятия необходимо не

²³ Fischer H. Sozialdemokratie und Osteuropa. Die revolutionäre Evolution // Europäische Rundschau. 1990. № 2 Frühjahr, 18 Jahrgang. S. 9.

²⁴ Preus U. K. Revolution, Fortschritt und Verfassung. Zu einem Verfassungsverständnis. Berlin: Dietz, 1990. S. 24.

²⁵ Habermas J. Die nachholende Revolution. Frankfurt: Suhrkamp, 1990. S. 180.

²⁶ Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе // Путь. Международный философский журнал. 1994. № 6. С. 39.

Матрица 4 аналитических полей для упорядочения моделей перехода к демократии в Восточной Европе²⁸

	Прагматическое ничегонеделание (жить без плана и цели)	Идеологически управляемая попытка обновления
Управление "сверху"	Дисфункционирование социализма – Болгария, Румыния	Инновация социализма – перестройка в СССР
Давление "снизу"	Эрозия социализма – Польша, Венгрия	Коллапс социализма и перехват власти контрэлитой – ЧССР, ГДР

только для оценки ситуации, но и для ее дальнейшего развития. Отсюда применение системно-аналитических и историко-генетических подходов к теме системных превращений в этих странах, с использованием преимущественно трех понятий: “революция”, “трансформация” и “реформа”. В историко-генетических исследованиях в качестве взаимозаменяемых чаще используются понятия “революция” и “перелом”, в системно-аналитических подходах – “системная трансформация”, “смена модели”, “тотальная перестройка”. Здесь преобладает оценка системного превращения как результата длительного развития, закрепляемого глубокими реформами²⁷.

Немногие авторы склонны обозначать крушение социалистической системы понятием “коллапс социализма”. Большинство считает, что социалистические системы использовали и развивали такие технологии, которые позволяли им замалчивать негативную истину и даже компенсировать ее посредством низких цен, сокрытием внутривластных дискуссий, подавлением оппозиционных взглядов и т. п. Поэтому при всех сложностях и необходимости затягивать пояса система еще могла какое-то время существовать в таком режиме. Объяснить ее неожиданный конец коллапсом явно недостаточно: необходимы дальнейшие исследования и тщательное обоснование выводов, для которых требуется время.

Наиболее системное видение произошедших в Европе и СССР процессов представил известный немецкий политолог К. фон Байме. О “коллапсе социализма” и переходе власти к контрэлите он пишет лишь применительно к бывшим ГДР и Чехословакии. К. фон Байме предлагает свою схему крушения режимов в центрально- и восточноевропейских странах и СССР: “дисфункционирование социализма” в Болгарии и Румынии; “инновации” в бывшем СССР; “эрозия социализма” в Польше и Венгрии; “коллапс социализма” в бывших ГДР и ЧССР (см. табл. 2).

²⁷ См.: Richer G., Gabriel R. Die Politikwissenschaft und der Systemwandel in Osteuropa. München: Minerva, 1993. S. 28.

Дальнейший политический маршрут восточноевропейских стран и России окончательно еще не определен. Большинство авторов солидарно в том, что происходит переход от монополистически осуществлявшейся власти к плюралистической демократии. Примечательна оговорка Е. Вятра: “Первая часть этого утверждения значительно основательнее подтверждена фактами, чем вторая”²⁹. Иначе говоря, победа демократии не гарантирована, демократические институты оказываются перед лицом многих опасностей. По мнению некоторых исследователей, лишь немногие из “пост-реально-социалистических” обществ могут стать демократическими, развитыми в рыночном отношении и преуспевающими³⁰. Подавляющее же большинство стран этого региона являет противоположные тенденции развития. Конечно, процессы трансформации дивергентны, прогресс в одних областях и регресс в других происходят в каждом отдельном обществе по-разному. Однако теоретическое внимание должно быть обращено на результаты этих процессов, на то, что преобладает в большом пространстве бывших социалистических стран и в каждом отдельном обществе, не упуская из виду и опыт, противоположный господствующей тенденции.

²⁸ Quelle: Beyme K.von. Auf dem Weg zur Wettbewerbdemokratie. Der Aufbau politischen Konfliktstrukturen in Osteuropa // Staat und Demokratie in Europa. Opladen, 1992. S. 153.

²⁹ Вятр Е. Восточная Европа: судьбы демократии // Социологические исследования. 1992. № 1. С. 13.

³⁰ См.: Видолевич З. Возвращение социализма? // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 91.

Таким образом, использование концепта политического режима дает возможность выявить не просто особые конфликтогенные поля в рамках политической системы: кризис институтов, распад легитимности, разрушение социальной базы режима, – но и принять во внимание структуру основных конфликтов в каждом из этих полей, а также формы и способы разрешения кризисов.

Динамика политического конфликта и кризиса политического режима порождена воздействием общей совокупности факторов, в числе которых – *причинные факторы-тенденции, политические факторы-условия, эндо- и экзогенные факторы-детерминанты*. На уровне политического режима их воздействие принимает более отчетливый и определяющий характер, нежели в “рядовом” политическом конфликте. Но если из “рядового” конфликта вырастает революция, то это равносильно падению политического режима.

Концепт революции, традиционно использовавшийся в отечественном обществоведении для анализа революционных кризисов, на сегодняшний день имеет более узкую область применения, преимущественно, в анализе революций прошлых эпох в компаративных исследованиях. Структурные особенности и мировоззренческие предпосылки, сопутствовавшие “великим” революциям прошлого, в новых исторических условиях не могут возникнуть в прежнем виде, о чем свидетельствуют сложности в определении моделей распада авторитарных режимов в странах Центральной и Восточной Европы в конце 80-х годов. Применение к ним “революционной парадигмы” возможно, но она не дает ответа на все возникающие вопросы. Революционная риторика, выполняя роль легитимирующего фактора контрэлиты в ходе ее борьбы за власть, в последующем становилась, как в России, “самоосуществляющимся пророчеством”, осложняя понимание истинной сути происходящих перемен. Трудности в “открытии” постсоциалистических обществ, в стабилизации политических и общественных систем на новых основаниях побуждают исследователей искать причины нестабильности не только в путях и способах отхода от авторитаризма, но и в специфике формирования и функционирования новых режимов, их внутренней противоречивости и конфликтности.

Анализ их динамики позволяет увидеть общий вектор изменений в поставторитарном мире Восточной Европы и России, а также лучше понять трудности идентификации этих обществ на новой, демократической основе.

Контрольные вопросы

1. Что такое кризис политического режима? В чем его основные признаки?
2. На каких проблемных полях следует изучать кризис политического режима? Приведите соответствующие примеры.
3. В чем особенности революции как способа разрешения кризиса политического режима?
4. Что такое политическая реформа? В чем ее отличие от революции?
5. Каковы специфические формы разрешения кризисов коммунистических режимов в конце 1980-х – начале 1990-х годов?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ : сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Айзенштадт. – М., 1999. – 416 с.
2. *Айзенштадт Ш. Н.* Парадокс демократических режимов : хрупкость и изменчивость / Ш. Н. Айзенштадт // Политические исследования. – 2002. – № 2. – С. 67–81.
3. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм / Р. Арон. – М., 1993. – 303 с.
4. *Гельман В. Я.* Постсоветские политические трансформации : (наброски к теории) / В. Я. Гельман // Политические исследования. – 2001. – № 1. – С. 15–29.
5. *Дарендорф Р.* Размышления о революции в Европе / Р. Дарендорф // Путь. Междунар. филос. журн. – 1994. – № 6. – С. 39.
6. *Доган М.* Сравнительная политическая социология / М. Доган, Д. Пеласси. – М., 1994. – 272 с.
7. *Здравомыслов А. Г.* Социология российского кризиса / А. Г. Здравомыслов. – М., 1999. – Раздел 1. Общество – власть – реформы. – С. 7–87.
8. *Медушевский А. Н.* Конституционные кризисы в обществах переходного типа / А. Н. Медушевский // Вопросы философии. – 1999. – № 2. – С. 3–21.

9. *Скиперский А. В.* Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов: монография / А. В. Скиперских. – Елец, 2006. – 142 с.

10. *Хейл Г.* Президентский режим, революция и демократия / Г. Хейл // Pro et contra. – 2008. – № 1 (40), янв. – февр. – С. 6–21.

11. *Шестопал Е. Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х / Е. Б. Шестопал. – М., 2000. – Глава 10. Психологические аномии российской политической системы. – С. 278–295.

12. *Эйндрайн Ч. Ф.* Сравнительный анализ политических систем / Ч. Ф. Эйндрайн. – М., 1999. – Глава 6. Социально-политические кризисы и системные преобразования. – С. 139–153.

13. *Merkel W.* Theorien der Transformation: die demokratische Konsolidierung postautoritärer Gesellschaften / W. Merkel // Politische Theorien in der Ara der Transformation. Politische Vierteljahresschrift, Sonderheft 26/1995. – Westdeutscher Verlag, 1995. – S. 30–58.

Лекция 6 ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

В течение многих лет в общественном сознании (причем не только в отечественном) формировалось функционалистское, телеологическое по сути представление о том, что оптимальным (нормальным) для общества состоянием является его равновесие и стабильность, понимаемые как отсутствие в нем острых противоречий, глубоких кризисов, не говоря уже о социальных взрывах. Проявления нестабильности и “вывод” общества из равновесия считали признаком его болезни и несовершенства. Даже те социологи и политологи, которые признавали конфликт не патологией, а нормой общественного развития (Г. Зиммель, Л. Козер, Р. Дарендорф) в основном, пытались показать, каким образом конфликты способствуют стабилизации общественной системы.

Нельзя не признать, что наше время способствует укреплению восприятия стабильности общества как самоценности: сейчас даже времена застоя кажутся более разумными и безопасными, чем нынешнее неопределенное, переходное состояние, при котором общество как бы “выбито из колеи” и возникают все более иррациональные и абсурдные формы жизни во всех сферах и на всех уровнях. Вместе с тем, отрешившись от сиюминутного, “обывательского” взгляда на проблему, следует признать, что стабильность и нестабильность – это лишь две стороны, или два момента в развитии общества. Превращение любого из них в абсолютную тенденцию, самоцель приведет общество к гибели. В этом смысле как крайне консервативные, так и ультрареволюционные установки являются по существу тождественными.

Лозунг “стабилизации” стал одним из наиболее популярных в политической (в том числе официальной) риторике России последних лет. Однако использование понятия “стабильность” в научном анализе политического процесса требует ознакомления с его основными трактовками, бытующими в современной политической науке.

1. Понятие политической стабильности и ее типы

Говоря о политической стабильности, необходимо вернуться к понятию “политическая система”. В самом общем плане стабильность есть способность политической системы управлять изменениями или справляться с ними. Поскольку под политической системой в политологии понимается не только макросистема, но и другие системные объекты, можно говорить о различных *уровнях политической стабильности*. Обычно различают внутривнутриполитическую, региональную и международную стабильность. Специфика этих систем зависит от включенных в них политических субъектов.

С научной точки зрения под политической стабильностью обычно понимается система связей между различными политическими субъектами, для которой характерны определенная целостность и способность эффективно реализовывать возложенные на нее функции¹.

В современной западной политологии существует несколько наиболее популярных подходов к определению стабильности.

Первый подход (Ф. Били, К. Даудинг и Р. Кимбер) исходит из понимания стабильности как отсутствия в обществе реальной угрозы нелегитимного насилия или наличия у государства возможностей, позволяющих в кризисной ситуации справиться с ними. В этом случае политическая стабильность трактуется как способность политического организма к самосохранению в условиях, угрожающих идентичности общественной системы или самому ее существованию. При этом различают “минимальную” стабильность (просто отсутствие на территории государства гражданских войн или иных форм вооруженных конфликтов) и “демократическую” стабильность (способность демократических структур быстро реагировать на изменяющиеся общественные настроения).

Второй подход (Э. Циммерман) связывает политическую стабильность с функционированием одного правительства в течение некоторого продолжительного времени, включая его умение успешно адаптироваться к меняющимся реалиям. Достижение ста-

бильности такого рода связано с несколькими факторами, и в частности, с характером самого правительства (однопартийное или коалиционное); наличием или отсутствием проправительственного большинства в парламенте; политическим весом оппозиционных и антисистемных сил в парламенте и т. д.

Третий подход (С. Хантингтон и др.) акцентирует наличие конституционного порядка как определяющего фактора стабильности. Для стабильности важна формула “порядок плюс преемственность”, что означает длительное сохранение политической системой своих сущностных характеристик. В рамках этого подхода стабильность также связывают с легитимностью власти или поддержкой населением данной политической системы и ее фундаментальных ценностей. При этом важную роль играет способность самой власти эффективно управлять страной, что также может способствовать стабилизации. Иными словами, и политическая власть, и общественные институты находятся в состоянии сложной инверсии и взаимно определяют поведение друг друга.

Четвертый подход (А. Лейпхарт и др.) интерпретирует стабильность как баланс (равновесие) политических сил. Стремление к балансу действительно характерно для многих сфер человеческой деятельности, хотя достигнуть его в политике гораздо сложнее, чем в экономике или социальной сфере: само понятие силы здесь чрезвычайно сложно измерить.

Наконец, в рамках **пятого подхода** (Г. Герц и др.) стабильность интерпретируется как модель поведения и общественный атрибут, когда члены общества ограничивают себя социально приемлемым поведением, понимая, что любые отклонения от этих норм чреватy дестабилизацией. Ограничения могут объясняться как психологической привычкой, обусловленной опасением радикальных перемен, так и преобладанием стандартных оперативных процедур в рамках процесса принятия решений².

Таким образом, говоря о политической стабильности, мы имеем дело не с неким политическим объектом, а с *системными*

² См.: Макарычев А. С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // Политические исследования. 1998. № 1. С. 149–151.

¹ См.: Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 281.

отношениями. Отсюда политическая стабильность может быть приравнена к *регулярному потоку политических обменов*. В той мере, в какой этот поток является регулярным, политическая система отличается стабильностью, и, наоборот, при нерегулярном обмене она может выйти из равновесия.

Поскольку под политической системой в политологии понимается не только макросистема, но и другие системные объекты, можно говорить о *различных уровнях* политической стабильности. Обычно различают *внутриполитическую, региональную и международную стабильность*. Специфика этих систем зависит от включенных в них политических субъектов.

Главными субъектами внутриполитической стабильности выступают государство и политические ячейки общества. Государство и общество не могут не взаимодействовать, благодаря чему формируется их качественное своеобразие. Однако исторический характер этого взаимодействия неоднократно менялся от мирного, конструктивного до конфликтного, конфронтационного.

Стабильность (или равновесие) общественной системы на демократической основе представляет собой исторический результат развития прежде всего европейского социума. Однако так было далеко не всегда. Западноевропейский регион знал в своей истории великое множество бунтов, восстаний, революций, династических войн; здесь зародились две мировые войны. Однако в ходе борьбы против стихийных и разрушительных тенденций, которые с самого начала существования европейских обществ угрожали их экзистенциальным основам, формировались специфические механизмы достижения и сохранения постоянного равновесия. Иначе говоря, стабильность становилась одной из центральных целей и ценностей этих обществ. Стабилизационный процесс на Западе состоял во все большем отвоёвывании обществом у государства разных сфер жизнедеятельности, в установлении общественного контроля за деятельностью госаппарата, политических партий. Такие общества держатся на самостоятельных субъектах как имманентных источниках социальной активности. Исходным принципом существования является гарантия и признание за ними неотчуждаемых

прав (прежде всего, свободы и собственности). Такие общества являются саморегулирующимися, в них социальные изменения осуществляются, преимущественно, снизу, политические, властные отношения выступают как производные, подчиненные праву, а сама власть является функцией собственности. Выполнение своих задач такая система обеспечивает согласием с волей народа, через легитимацию власти. По мере утраты политической системой гарантий функциональности она постепенно утрачивает и основания своей стабильности. Стабильность, достигнутая подобным образом, называется *автономной*, поскольку в ее основе – согласие и воля автономных политических субъектов.

Другой тип политической стабильности – *мобилизационный* – формировался путем попыток прямого подавления и уничтожения “чужеродных” элементов и структур. Провозглашалась единая идеология, и включался механизм формирования социальной однородности общества, работающего, подобно фабрике, по единому плану. Общественные противоречия загонялись вглубь, но не исчезали полностью, а приобретали извращенную форму. В результате в таких системах переставали воспроизводиться предпосылки собственных качественных трансформаций, и начиналась стагнация, застой или загнивание: общество лишалось внутренней динамики. Такая стагнация может продолжаться очень долго, поскольку в системе нет внутренних механизмов самообновления, а главный ее ресурс – мобилизация, вызванная либо всеобщим общественным подъемом (отражение агрессии, экономический бум), либо принуждением, открытым насилием (террор, репрессии), – не может быть вечной. Чаще всего такие системы погибают под воздействием внешних факторов, сталкиваясь с внешними ограничениями или социокультурой другого типа. Иногда они могут выйти из равновесия в результате даже незначительных воздействий извне.

Так стагнировали великие империи прошлого: Рим, восточные деспотии. Подобным же образом происходила стагнация бывшей российской, а затем и советской системы. К концу XX века, как система *экстенсивная, мобилизационная*, она быстро стала при-

ближаться к своим внешним пределам: не могла восполнить потребности в рабочей силе и природных ресурсах; стало очевидным технологическое и военно-стратегическое отставание, возник кризис экспансии (война в Афганистане); и т. д.

Таким образом, состояние политической стабильности нельзя понимать как нечто застывшее, неизменное, раз и навсегда данное. Абсолютно стабильная система представляет собой чистую абстракцию, ибо это предполагает не только полную неподвижность самой системы и составляющих ее элементов, но и изоляцию от любых воздействий извне. Такой стабильностью не обладают даже “мертвые” системы, лишенные внутренней динамики: их дестабилизация под влиянием внешних сил является лишь вопросом времени.

Проблема политической стабильности стоит специфически в каждой отдельно взятой стране. Эта специфика предопределена различием уже таких самых общих “параметров” ее существования, как географическое положение, численность и распределение населения, его возрастная структура и уровень рождаемости, размеры национального дохода, социальная и политическая активность населения и т. д. Скажем, в густонаселенной стране с высоким ежегодным приростом населения обеспечивать стабильность гораздо сложнее, чем в малонаселенных странах. Непоследнюю роль в достижении стабильности играют этноконфессиональный состав населения, особенности социальной структуры. Исследования американских политологов показали, что большое значение для политической стабильности имеет наличие или отсутствие в политической структуре общества сильного “среднего класса”. Существование широкой средней прослойки особенно благоприятствует политической стабильности. Средние слои своей поддержкой центристских, конституционно-демократических партий и нейтрализацией левых и правых экстремистов умеряют социальные противоречия и конфликты в обществе, выступают в роли главного налогоплательщика и главного избирателя.

Взаимосвязь между изменениями и стабильностью обусловлена тем, что в мобильных современных или модернизирующихся

обществах различные сферы и компоненты политической системы меняются и развиваются с различной скоростью. Это порождает многочисленные напряжения и противоречия. Поэтому модернизация может хотя бы временно вызывать нестабильность. Важно уяснить, в какой степени изменения способствуют сохранению стабильности или же ведут к дестабилизации.

По-видимому, о подлинной опасности для политической системы можно говорить лишь тогда, когда возникает действительно серьезная угроза демократии, ее процедурам и нормам, демократическому настрою граждан, или – что еще опаснее – государственности как таковой. Такой угрозой может стать подъем сепаратистских движений, конфликты в армии, гражданские столкновения и беспорядки, и т. д. В то же время такой, например, показатель, как число смен правительства за определенный период, реорганизаций кабинетов и “патовых ситуаций” в парламентах, вряд ли может иметь решающее значение для оценки состояния стабильности. Примером может служить Италия и другие средиземноморские демократии, где смена правительств происходит едва ли не ежегодно. Отсюда их парадоксальное наименование – “стабильная нестабильность”. Впрочем, это не мешает данным странам оставаться демократиями.

2. Факторы политической стабильности

По мнению отечественных и зарубежных политологов, существует ряд внутривнутриполитических факторов (внешиполитические мы сознательно оставляем “за кадром”, поскольку они нуждаются в специальном исследовании), существенных для достижения политической стабильности. Одним из них является тесная **взаимосвязь между экономической и политической стабильностью**. Экономическая эффективность и возможность благодаря этому увеличить национальный доход, обеспечить более высокий уровень жизни населения, снизить налоги и т. д. становится одним из самых весомых политических аргументов, особенно в предвыборный период. Политик, имеющий на руках такие козыри, может смело рассчитывать на успех. С другой стороны, престиж прави-

тельства и стабильность всей политической системы может оказаться под угрозой, если не сбываются растущие ожидания масс в отношении экономического процветания. Это положение справедливо и для диктаторских режимов, чья прочность в конечном счете также зависит от успеха их экономических систем. Они разлагаются, как только начинает “хромать” экономика.

Вместе с тем не все ученые признают прямую пропорциональную зависимость между уровнем экономического развития и политической стабильностью. Так, М. Олсон выдвинул и обосновал свою концепцию, согласно которой в странах, переживающих период модернизации, экономический рост нередко становится дестабилизирующим фактором. Дело в том, что индустриальное развитие нарушает естественные социальные связи людей и тем самым ослабляет их групповую солидарность. Поэтому модернизация может вызвать всплески неудовлетворенности как со стороны вытесняемых на обочину экономических отношений “новых бедных”, так и со стороны “новых богатых”, оказывающихся перед соблазном изменить существующий политический порядок в свою пользу. Экономическое развитие, таким образом, вполне может привести к большей дифференциации и поляризации общества. Вероятно, правильным было бы компромиссное заключение о том, что дестабилизирующие тенденции могут быть обусловлены и экономическим кризисом и экономическим прогрессом.

Другой предпосылкой политической стабильности является **сплоченность правящей элиты**, согласие ее следовать неким общим “правилам игры”. На Западе этому в значительной степени способствовало разделение властей и наличие системы сдержек и противовесов между ними. Разделение властей, наряду с господством права в обществе и вытекающим отсюда подчинением всех государственных органов и должностных лиц закону, — важнейшие и обязательные устои демократии, действительно правового государства. Но само по себе разделение властей не только не снимает многочисленные политические конфликты (между парламентом и президентом, парламентом и правительством и т. д.), но нередко и провоцирует их, как это, к сожалению, имеет место в сегодняшней

России. Представители различных ветвей власти пытаются поднять свою значимость за счет других, что далеко не всегда встречает противодействие общества. Отсюда постоянная опасность монополизации власти, а значит, возникновение нового деспотизма. Поэтому одной из важнейших предпосылок политической стабильности следует считать наличие в обществе хотя бы элементарного **ценностного консенсуса**, предполагающего активное или хотя бы потенциальное согласие значимого большинства граждан по ключевым вопросам общественного порядка. Это не означает активного единодушия и единомыслия, искусственно насаждаемого тоталитарными политическими системами, но предполагает общее понимание того, что есть эта нация и куда она движется. Так, ни одна политическая партия на Западе не может поставить под сомнение конституционные принципы: демократию, федерализм, права человека, — хотя трактовки и иерархия этих ценностей может быть различной. В расколотом обществе, подобно российскому, разные партии могут предлагать избирателям различные, и даже прямо противоположные ценности: федерализм и унитарное государство, демократию и диктатуру, права человека и примат государства перед личностью. Это усугубляет раскол в обществе и делает бесконтрольными действия политической элиты.

Опыт либеральных демократий на Западе показывает, что по мере усложнения общественного развития все большую роль в процессе интеграции играют **политические партии, профессиональные союзы, общественные движения**. Партийно-политические системы долгое время успешно справлялись с согласованием противоречивых общественных интересов с принятием ответственных государственных решений. Правда, в последнее время роль партий несколько упала, а интенсивность традиционных партийных связей и лояльностей уменьшилась. Электорат пришел в движение, его поведение стало менее предсказуемым, более дифференцированным, изменчивым и более не зависимым от факторов, традиционно формировавших партийные симпатии и антипатии избирателей. Однако это не означает “закат партийного государства”, как считают некоторые аналитики. Адаптационные

способности партий остаются еще весьма высокими. Многие из них взяли на вооружение популярные требования новых социальных движений, вписывая их в общие контексты своих программ или – если это правящие партии – реализуя их в своих решениях.

Профсоюзы развитых стран также зарекомендовали себя как вполне надежные институты и факторы стабильности, хотя в прошлом они инициировали немало социальных конфликтов, заканчивавшихся отставками правительств. С тех пор были выработаны довольно эффективные механизмы ослабления противостояния труда и капитала, привлечения профсоюзов к конструктивному сотрудничеству с предпринимателями и государством (уже упоминавшаяся система трипартизма). По мнению американского социолога **М. Лернера**, исследовавшего роль и влияние профсоюзов в развитии американского общества, крупнейшим достижением последних в экономике в целом стало то, что они сделали возможным управление промышленностью с помощью конституционных средств, то есть способствовали укреплению американской демократии и конституционных основ государства³.

В нашей стране многопартийная система возникла совсем недавно, причем не столько снизу, по мере осознания гражданами своих интересов и потребностей в политической организации, сколько сверху, волевыми решениями власти. В результате число партий растет и множится, но подлинной социальной базы у большинства из них нет. Партии формируются вокруг известных политических фигур. Отсюда волонтаризм в политике, безответственность в отношении избирателей, раскол и скандалы в партийных рядах. Сказывается и дефицит демократической политической культуры, предполагающей, помимо прочего, готовность хотя бы к минимальному сотрудничеству. Подобное положение приводит некоторых исследователей к печальному выводу о том, что в наших условиях политические партии являются “тормозом общественного прогресса” и источником нестабильности⁴.

В последние десятилетия отмечена довольно тесная связь между политической стабильностью и деятельностью средств массовой коммуникации. Информация, как известно, есть своего рода валюта политики, в особенности политики демократической. Для демократии необходим беспрепятственный обмен информацией между властью и обществом, что достигается существованием не только официальных, но и независимых источников информации. Вместе с тем массовые коммуникации (особенно электронные средства массовой информации) очень легко использовать в определенных целях и интересах: усиливать те или иные общественные настроения и тенденции в массовом сознании, создавать психологический климат недовольства и раздраженности, вселять неуверенность в граждан и отчуждать их от политики. С другой стороны, общественное недовольство может быть спровоцировано необъективной информацией иного рода: искусственной лакировкой действительности, нежеланием замечать действительно острые проблемы, стоящие перед обществом, обилием развлекательных программ, диссонирующих с нарастающим социальным напряжением. Так, катализатором кризиса власти в СССР стали оппозиционные политическому руководству страны публицистические издания, использовавшие политику гласности М. Горбачева для его откровенной дискредитации. Социологические исследования показывают незавидную роль средств массовой информации в обострении межэтнических противоречий, особенно болезненных для России. Все это говорит о том, что необходима определенная информационная политика государства, отвечающая интересам большинства граждан страны, а не только отдельным преуспевающим группам, к тому же немногочисленным. Важно повысить ответственность журналистов за достоверность предоставляемой информации, защитив при этом их самих от давления со стороны заинтересованных лиц.

Разумеется, перечень факторов и предпосылок, влияющих на политическую стабильность, можно было бы продолжить. Однако уже из сказанного можно сделать вывод о том, насколько велика роль государственного управления, грамотного политического руководства в предотвращении политической дестабилизации.

³ См.: Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М., 1992. Т. 1. С. 410.

⁴ См.: Карапетян Л., Эбзеев Б. Будущее за беспартийностью // Независимая газета. 1994. 11 фев.

3. Концепции политических изменений

Итак, целью существования политических систем является самосохранение и поддержание стабильности. Но как и почему системы все же изменяются?

В политической науке существует множество теорий политических и социальных изменений, большинство из которых, при всей их влиятельности, не отличались высокой предсказательной способностью. Одной из наиболее известных теорий долгое время был **марксизм**. В рамках этой теории политическое изменение (революция) редуцировалось к социальному (классовая борьба), которое детерминировалось изменениями в производительных силах. Когда производительные силы приходят в конфликт со “старыми” производственными отношениями, совершается революция. Основным субъектом такого политического изменения выступает класс, стремящийся к завоеванию политической власти. Согласно К. Марксу, история всех до сих пор существовавших обществ была историей классовой борьбы, детерминированной изменениями в производительных силах. Так, Великая французская буржуазная революция произошла тогда, когда промышленная революция (переворот в производительных силах) потребовала устранения оков старого режима: социальных, юридических, идеологических догм и ограничений. Потребовалось устранить гегемонию на власть аристократии, чье господство базировалось на поместных доходах; сословное деление общества, тормозившее динамизм буржуазного класса; регламентацию экономической активности, привилегии и корпоративные традиции; антибуржуазную мораль, имевшую религиозную окраску; и т. д. По мысли К. Маркса, будущая революция – пролетарская – полностью покончит с эксплуатацией, создаст бесклассовое общество, в котором “социальные эволюции перестанут быть политическими революциями”. Таким образом, политическое изменение закончится.

Слабость этой по-своему стройной теории состоит в том, что политические изменения слишком однозначно детерминируются экономикой. Но на практике экономика играет детерминирующую по отношению к политике роль далеко не всегда, а политические

изменения могут возникнуть и в стране, переживающей экономический подъем. Более того, как показал, например, известный французский мыслитель **А. де Токвиль**, вероятность революции наиболее высока в те моменты, когда длительный период политической и экономической стагнации сменяется фазой резкого увеличения шансов и возможностей каждого индивида. Эти завышенные ожидания и мотивированные ими массовые политические действия и приводят к революционным потрясениям. Следовательно, теория К. Маркса не обладает достаточной предсказательной функцией, поскольку, констатируя наличие классового конфликта, она не может со всей определенностью утверждать, когда именно он разрешится революцией.

Вслед за А. де Токвилем были выдвинуты другие законы политической и социальной мобилизации. Таким можно считать сформулированный **Д. Дэвисом** закон, утверждающий, что вероятность революций высока в том случае, если период постоянного роста резко сменяется периодом стагнации: в ситуациях подобного рода индивиды склонны к опережению событий, выражению иллюзорных мечтаний, обреченных на неудачу. Однако жесткой зависимости и здесь нет: нередко резкое замедление экономического роста может иметь следствием уход индивида в себя и тем самым привести к ослаблению, а не к нарастанию коллективного революционного действия.

Другая теория трактует политическое изменение как **изменение политических статусов**, то есть вертикальную мобильность как политический процесс. Это знаменитая теория итальянского экономиста и социолога **В. Парето** – теория “циркуляции элит”, где субъектом политических изменений выступает не класс, а политическая элита. В отличие от К. Маркса, у В. Парето масса не является активным политическим субъектом. Она не может противостоять элите, поскольку инертна. Элиту же раздрают внутренние конфликты. Если обновление старых элит новыми осуществляется постоянно, то эта внутренняя борьба даже незаметна для масс. Но иногда этот механизм буксует: часто малоспособные личности проникают в элиту и остаются там, способствуя ее деграда-

ции, либо старые элиты обманным путем монополизуют власть, а новые не могут туда попасть (возникает своеобразная “закупорка” элиты). Такие ситуации порождают конфликт, который может закончиться взрывом: происходит революция. В ходе революции новые элиты, не добившиеся власти иным путем, овладевают ею.

Эта теория также содержит определенную истину, но имеет не предсказательный, а циркулярный характер: если даже очевидно торможение в циркуляции элит, все равно неизвестно, приведет ли это торможение к революции или же нарушение равновесия в соотношении политических сил будет решено как-то иначе.

Все вышеназванные теории уделяют пристальное внимание такому типу политического изменения, как **революция**. Под революцией в политической науке понимается смена конституционного общественного порядка, совершенная насильственным путем. Главными признаками революции являются, во-первых, вовлечение в политический процесс огромных масс людей и, во-вторых, резкая и насильственная ломка политической или всей системы общественных отношений. Исходя из того, ограничивается ли революция только изменениями в политической сфере или затрагивает одновременно экономические, социальные, духовно-нравственные и т. д. отношения, можно говорить о **политических (конституционных) и социальных революциях**. Примером последних могут служить Великая французская буржуазная революция и Великая Октябрьская социалистическая революция, оказавшие огромное влияние на развитие не только своих стран, но и всего мира. Глубокие социальные революции предполагают смену в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Они изменяют всю социальную структуру общества и приносят с собой сдвиги в фундаментальных социальных процессах.

Другим типом политических и социальных изменений является **реформа**. В отличие от революции реформа предполагает постепенные или частичные изменения системы при сохранении ее несущих элементов. Любой реформе для достижения позитивного результата должно предшествовать тщательное научное исследование конкретных социальных условий ее проведения, а также

эксперимент в рамках малого социального масштаба. Кроме того, реформы должны проводиться в жизнь правовыми и конституционными средствами. Лишь в этом случае они могут принести успех, существенно улучшить условия жизни людей и повысить адаптивные способности и степень стабильности системы.

Модель постепенного эволюционного развития общества посредством его поэтапного реформирования сегодня привлекает к себе все большее общественное внимание. В последние два десятилетия большой успех имели концепции **модернизации** как определенного типа политического изменения. Наиболее активно эти концепции разрабатывались и популяризировались американскими авторами.

В соответствии с общей теорией модернизации критерием политического равновесия является приобщение к демократии в западном и современном смысле слова. Однако смысл термина “демократия” довольно многозначен, и было бы неверно сводить его к ценностной процедуре, имеющей произвольный характер. Кроме того, слепое копирование западных институтов и процедур приводит не столько к стабильности, сколько к дестабилизации, сопротивлению “почвы” против чуждых ей инокультурных и инцивилизационных заимствований. Таким образом, и теории модернизации оказались свойственны детерминистские недостатки ее предшественниц.

К числу **параметров политического развития**, предложенных американскими политологами, относятся следующие:

- все большая структурная дифференциация общества (разделение функций и компетенции государственных органов);
- рост участия граждан в общественных делах;
- политическая мобилизация граждан и удовлетворение их чаяний;
- культурная секуляризация, или постепенное упразднение религий и идеологий в пользу закрепления рационального и прагматического мышления.

Однако развитие событий показало, что диктаторские режимы в Азии, Африке, Латинской Америке, послужившие объектом ис-

следований, обнаружили неожиданную для политологов стойкость и способность к многофункциональности (неразделению функций и компетенций властей). Вместо предполагавшегося роста политического участия масс и их политической мобилизации исследователи столкнулись с апатией населения, его безразличием к политике. Кроме того, произошло во многом неожиданное усиление традиционных религий и нарастание резко негативного отношения к западным моделям развития и к Западу вообще. Произошел, образно говоря, “реванш специфики над общим”, которое казалось уже предопределенным.

На современном этапе большинство авторов делает акцент на трудностях политического развития, объективной обусловленности кризисов политических изменений, исследует пути и формы их преодоления. Появились концепции “частичной модернизации”, “тупиковой модернизации”, “кризисного синдрома модернизации”. В них обращается внимание на неизбежность столкновения старых, традиционных для данной политической культуры ценностей и норм политической жизни с новыми модернизированными институтами, которые не могут прижиться без соответствующего видоизменения. Исход такого столкновения во многом будет зависеть от действий правящей политической элиты, ее профессионального уровня и личностных качеств.

Вместе с тем появляются исследования, доказывающие, что демократизацию как политический процесс нельзя рассматривать в качестве необходимого условия экономического роста. В связи с нарастанием сепаратистских, националистических, террористических организаций и движений в разных регионах мира ряд авторов выдвигают на первый план проблемы политической стабильности, без которой невозможен социально-экономический прогресс. Тем самым негласно допускается возможность жестких авторитарных режимов для поддержки модернизации, как это было в Чили, Бразилии, Южной Корее в 70–80-е годы. Вместе с тем многие исследователи обратили внимание на противоречия и непоследовательность преобразований, проводимых под жестким политическим контролем, стремление авторитарной элиты при-

способить реформы прежде всего к своему собственному положению и интересам. Возник и вопрос о человеческой цене за темпы экономического роста и будущее процветание.

Несмотря на отмеченные слабости, теория политической модернизации остается определенным (хотя и несовершенным) инструментом научного анализа политических изменений. Российские ученые обращают внимание на нетождественность понятий “политическое развитие” и “политическая модернизация”. **Под политическим развитием имеется в виду прежде всего формирование политических институтов, институционализация, то есть процесс, в котором организации и методы действия приобретают устойчивость, стабильность и способность осуществлять изменения без собственного разрушения.** Главной характеристикой политического развития является категория “рационализации”, означающая:

- дифференциацию функций политических институтов и оценку их деятельности исходя из результативности;
- национальную интеграцию на основе национальной идентичности;
- социальную мобилизацию.

Последняя предполагает быстрые количественные и качественные изменения социального положения больших масс населения в процессе урбанизации, образовательного и профессионального роста, увеличения социальной мобильности, а также связанное с этим вовлечение людей в политический процесс. Вместе с этими социальными изменениями происходит эволюция политических механизмов в самой политической системе, связывающих интересы и требования населения с властью. Отсюда следует, что страна становится политически более развитой, если ее политическая система развивается в направлении более выраженной артикуляции интересов социальных групп (посредством добровольных ассоциаций), лучшей агрегации интересов (с помощью политических партий), результативной политической социализации (через расширение средств массовой коммуникации, позволяющих населению успешно усваивать политические нормы и ценности).

Применение характеристик и критериев политического развития к политическим реформам в СССР (вторая половина 80-х годов) позволило отечественным ученым сделать следующий вывод: реформы имели своим результатом не политическое развитие, а политический упадок. Последний характеризуется распадом политической целостности, преобладанием центробежных тенденций над интеграцией, разрушением законности и распадом режима правления. Все эти процессы приблизили политическую систему бывшего СССР не к “мировой цивилизации” (как декларировали тогдашние руководители страны), а к политическим системам Азии, Африки и Латинской Америки, “которые страдают не столько от дефицита продовольствия, образования, недостатка медобслуживания и производительности, сколько от дефицита политической общности и эффективного авторитетного законного правительства”⁵. К сожалению, подобные оценки справедливы сегодня и для России.

Что касается понятия “политическая модернизация”, то оно связывается прежде всего с *социальной мобилизацией и политическим участием*. Это не означает невнимания к политическим институтам или недооценку их роли в политическом процессе. Скорее, успех политического развития связывается с вовлечением населения в систему представительной демократии и возможностями открытой политической конкуренции равноправно рекрутируемой элиты. Известный американский политолог Р. Даль называет такой режим представительной демократии *полиархией*⁶. Переход к полиархии должен быть постепенным, эволюционным, свободным от резких и насильственных скачков. От правящих элит требуется последовательное овладение консенсусными технологиями властвования. Обеспечение взаимной безопасности конкурирующих элит, установление сильной и эффективной исполнительной власти, а также развитие центров местного самоуправления будут способствовать результативности полиархического режима власти, эффективности управления.

⁵ Основы политической науки. М., 1994. Ч. II. С. 177.

⁶ См.: Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 4.

4. Кризисы политического развития

Политическое развитие представляет собой противоречивый и достаточно конфликтный процесс. Обостряется борьба за господство тех или иных ценностей, растут претензии на определенный статус, власть и ресурсы восходящих социальных групп и политических движений. Возникают многочисленные противоречия между универсальными и традиционными ценностями, ожиданиями и надеждами людей на лучшую жизнь и реальными последствиями политических решений, часто некомпетентных. С возрастающей политической активностью социальных групп, далеко не всегда конструктивной, не справляются политические институты. Это создает угрозу дестабилизации политической системы, ее кризиса. Под **политическим кризисом** принято понимать такое *состояние политической системы общества, которое характеризуется углублением и обострением политических конфликтов, резким усилением политической напряженности*. Динамика кризиса простирается от неспособности правительства решить стоящие перед обществом проблемы политическими методами до распада существующих политических структур, ведущего к безвластию. Предельный случай – *национальная катастрофа*, распад государства как политической целостности.

Исследователи процессов модернизации пришли к выводу, что ей могут сопутствовать **пять кризисов политического развития**. Первые два – *кризис идентичности* и *кризис легитимности* – связаны с состоянием политической культуры.

Кризис идентичности возникает тогда, когда происходит процесс распада общегражданской солидарности и люди соотносят себя прежде всего с социальной группой или стратой, этнической общностью или субнациональным образованием, но не отождествляются с общенациональным объединением, политической системой в целом. Тем самым оказывается проблематичной национальная интеграция.

Кризис легитимности представляет собой процесс распада конституционных структур и разрушение правомочности власти, вытекающий из отсутствия в обществе согласия относительно

природы и методов ее деятельности. Разрушение легитимности (“делегитимизация”) означает возникшую у политической системы неспособность создавать и поддерживать у людей убеждение в том, что существующие политические институты являются наилучшими из всех возможных и им следует подчиняться. Разрушаются система убеждений, на которые опирается власть, и ее право на управление государством. В свою очередь, разрушаются представления общества, или, по крайней мере, его значимого большинства, о законности существующего порядка правления.

Другая группа кризисов – *кризис проникновения* и *кризис распределения* – характеризует состояние государственного управления.

Кризис проникновения проявляется в снижении способности государственного управления проводить свои директивы в массы и получать от них адекватную реакцию. Отсюда потеря дееспособности власти, несоответствие политики провозглашаемым правительством целям.

Кризис распределения означает неспособность правящей элиты обеспечить приемлемый для общества рост материального благосостояния и его распределение. Особенно острые формы этот кризис приобретает тогда, когда неизбежная на первом этапе модернизации имущественная дифференциация по прошествии времени не только не сокращается, но и продолжает увеличиваться. В результате в обществе начинают распространяться настроения недовольства нарушенной социальной справедливостью, а это значительно более серьезный дестабилизирующий фактор, чем низкий уровень жизни. Кроме того, сужение товарных и продовольственных ресурсов может сопровождаться обострением межнациональных отношений, ростом сепаратистских движений и т. д.

Наконец, *кризис политического участия*, занимающий промежуточное место между первыми двумя группами кризисов. Его суть в неспособности политической системы переходного общества совладать с противоречивыми интересами различных групп, интегрировать и удовлетворить их основные требования. Главным препятствием интеграции новых социальных групп в политичес-

кую систему выступает эгоизм правящей элиты, что может вызвать радикализацию требований отстраненных от власти социальных сил и их внеинституциональный протест.

Простой перечень различных кризисов политического развития не отражает всей сложности и драматизма политического процесса в переходные периоды, тем более что они переплетаются и взаимоусиливают друг друга. Вместе с тем трагическая развязка кризисов далеко не predetermined. Многие здесь зависят от благоразумия и рациональности поведения правящих политических и финансовых элит, их способностей делиться своими возрастающими доходами с представителями средних и ущемленных слоев, испытывающих наибольшие лишения. Немаловажную роль играет также сотрудничество между властью и оппозицией в поисках выхода из сложившегося положения, их обоюдная способность идти на уступки и компромиссы ради блага страны. При успешном разрешении политического кризиса начинается новый, более динамичный этап развития общества и его политической системы.

Контрольные вопросы

1. Что такое политическая стабильность? Каковы ее основные типы? Можно ли считать стабильность безусловным благом для общества?
2. Назовите основные факторы политической стабильности. Что вы могли бы добавить к предложенному перечню факторов?
3. Можно ли выделить приоритетные факторы для стабилизации современной ситуации в России?
4. Какие концепции политических изменений вам известны? В чем их суть?
5. Каково содержание понятий “политическое развитие”, “политическая модернизация”?
6. Как и почему возникают кризисы политического развития? Назовите эти кризисы, дайте их краткое определение.
7. Что такое политическая реформа, политическая революция? Назовите их основные черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айзенштадт Ш.* Революция и преобразование общества : сравнительное изучение цивилизаций [пер. с англ.] / Ш. Айзенштадт. – М., 1999. – 416 с.

2. *Беляева Л. А.* Социальная модернизация в России в конце XX века / Л. А. Беляева. – М., 1997. – 173 с.

3. *Будон Р.* Место беспорядка : критика теорий социального изменения / Р. Будон. – М., 1998. – 284 с.

4. *Демидов А. И.* Порядок как политическая ценность / А. И. Демидов // Политические исследования. – 1992. – № 3. – С. 145–148.

5. *Жириков А. А.* Этнические факторы политической стабильности / А. А. Жириков. – М., 1995. – 298 с.

6. *Локосов В. В.* Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития / В. В. Локосов // Социологические исследования. – 1998. – № 4. – С. 44–53.

7. *Макарычев А. С.* Стабильность и нестабильность при демократии : методологические подходы и оценки / А. С. Макарычев // Политические исследования. – 1998. – № 1. – С. 149–157.

8. Модернизация : зарубежный опыт и Россия. – М., 1994. – 115 с.

9. *Пантин В. И.* Волны политической модернизации в истории России : (к обсуждению гипотезы) / В. И. Пантин, В. В. Лапкин // Политические исследования. – 1998. – № 2. – С. 39–51.

10. Повороты истории : постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей : в 2 т. – СПб. ; М. ; Берлин, 2003. – Т. 1. – 510 с.

11. Повороты истории : постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей : в 2 т. – СПб. ; М. ; Берлин, 2003. – Т. 2. – 493 с.

12. *Савин С. Д.* Типология политической стабильности в современном обществе // Политическая социология : теоретические и прикладные проблемы / С. Д. Савин ; под общ. ред. Н. Г. Скворцова, А. О. Боронова, С. М. Елисеева. – СПб., 2007. – С. 113–129.

13. *Семигин Г. Ю.* Политическая стабильность общества / Г. Ю. Семигин. – М., 1997. – 315 с.

14. *Скакунов Э. И.* Методологические проблемы исследования политической стабильности / Э. И. Скакунов // Международные исследования. – 1992. – № 6. – С. 35–36.

15. *Токвиль А. де.* Старый порядок и революция / А. де Токвиль. – М., 1997. – 252 с.

16. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах [пер. с англ.] / С. Хантингтон. – М., 2004. – 340 с.

17. *Хелд Д.* и др. Глобальные трансформации : политика, экономика, культура / Д. Хелд ; пер. с англ. В. В. Сапова и др. ÷ М., 2004. – 576 с.

18. *Хрусталёв М.* Международные аспекты социально-политической стабильности / М. Хрусталёв // Международные процессы. – 2008. – Т. 6. – № 2(17), май – авг. – С. 48–59.

Лекция 7

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Одной из ключевых проблем современной политической науки являются переходы от различных форм авторитаризма к демократической политической системе. Интерес к этой проблематике обусловлен несколькими причинами.

Во-первых – недостатками концепций политической модернизации в анализе социальных и политических процессов в развивающихся странах в 1960-е годы. Их критиковали за “однолинейный” подход, недооценку внутривнутриполитической борьбы за власть и абсолютизацию влияния международных факторов. Политологи стали больше изучать конкретные политические процессы с учетом специфических исторических и национальных условий, уровня развития, культурного своеобразия разных стран и т. д.

Во-вторых, интерес к проблемам перехода усилился с середины 70-х годов, когда в трех странах Южной Европы: Португалии, Греции и Испании – почти одновременно потерпели крах авторитарные режимы, вынужденно уступившие дорогу либеральным и демократическим силам. Сначала в зарубежной, а затем и в отечественной политологии появилось много работ, авторы которых попытались осмыслить новый политический феномен. Падение военных диктатур в ряде латиноамериканских стран в 80-е годы: Бразилии, Аргентине, Уругвае, – приход к власти гражданского правительства в Чили дали новый материал для теоретических обобщений.

Наконец, в-третьих, лавинообразный поток политических потрясений в Восточной Европе и в бывшем СССР в конце 80-х – начале 90-х годов заставил многих исследователей, забросив привычные занятия, обратиться к анализу этих процессов. Объединенными усилиями 23 ученых из 11 стран в рамках Международного проекта “Восток-Юг: трансформация систем” были исследованы проблемы консолидации демократии в странах Южной Европы и Латинской Америки и переходы к демократии в Восточ-

ной Европе, Советском Союзе и на всем постсоветском пространстве, включая нынешнюю Россию. По существу была предпринята попытка выработать общую теорию перехода от авторитаризма к демократии, которая представляла бы не только академический интерес, но могла бы иметь и практическое значение для тех регионов, где еще сохраняются авторитарные режимы или возникают новые “соблазны авторитаризма”. С учетом того, что далеко не во всех странах формальный переход к демократии получил реальное закрепление, то есть укоренение демократических процедур и ценностей на национальной почве, такие переходы стали называть *демократическими транзитами*. Это понятие означает, что маршрут остается прежним – переход к демократии, – но сама она зачастую выступает скорее идеалом и ориентиром, чем уже свершившейся реальностью.

1. Волны демократизации и особенности третьей волны

В современной политологической литературе широкое распространение получило понятие “*глобальной демократической волны*”. При всей своей условности оно довольно точно определяет многообразные процессы общественно-политических трансформаций в разных регионах мира. Согласно признанной почти что классической точке зрения **С. Хантингтона**, распространение принципов и процедур демократии в ее современном понимании началось в США в начале XIX века и длилось до окончания первой мировой войны, в которую американский Президент **В. Вильсон** вступил с обещанием сделать мир “безопасным для демократии”. Затем последовала антидемократическая, тоже “волновая” реакция, выразившаяся в установлении фашизма в Италии (позже в Португалии и Испании), нацизма в Германии, сталинизма в Советском Союзе.

Вторая волна демократизации началась с победы над национал-социализмом (фашизмом) во второй мировой войне, восстановления основ демократии в побежденной Германии (западной), Италии, Японии, демократизации Австрии, распространения демократических институтов на ряд развивающихся стран в ре-

зультате их деколонизации. Вторая волна продержалась до середины 60-х годов, после чего начался ее спад, выразившийся в возникновении в ряде стран авторитарных (как правило, военных) режимов: в Греции, на Филиппинах, в Южной Корее, Нигерии и т. д.

Начало нынешней демократической волны обычно датируют 1974 годом, когда в Португалии, а затем в Греции и Испании пали военные диктатуры. Затем она распространилась на Латинскую Америку, а к середине 80-х годов – на некоторые страны Азии. С конца 80-х годов она захватила и бывший социалистический мир: страны Центральной и Восточной Европы и СССР. В 1991 году потерпела крах перестройка, начатая М. Горбачевым пятью годами раньше, а вместе с нею и вся советская система. Распад СССР привел к возникновению 15 новых независимых государств, поспешивших провозгласить себя “новыми демократиями”. Влияние третьей волны обнаружилось и в ряде африканских стран. По данным американской организации “Дом Свободы”, специально занимающейся отслеживанием достигнутого уровня свободы и демократии по всем странам, если в 1972 году на всем земном шаре насчитывалось 42 государства, соответствующих принятым этой организацией критериям (разумеется, весьма условным), то к 1974 году их было уже 72¹.

Современную, третью, демократическую волну отличают некоторые особенности. Во-первых, она характеризуется более широким, почти глобальным масштабом: вне ее влияния оказались лишь мусульманские, да некоторые коммунистические страны типа Северной Кореи или Китая. Отсюда правомерный вопрос о том, не идет ли речь о вариантах политической модернизации, происходящей почти синхронно, но в совершенно разных и трудно сравнимых контекстах с неодинаковыми исходными данными и событийным рядом. В силу этого сами процессы подчиняются разным закономерностям.

¹ См.: Мельвил А. Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 2. С. 7.

Во-вторых, отличие третьей волны от изменений, происшедших в Европе и мире после второй мировой войны (в рамках второй волны демократизации), состоит в том, что эти изменения возникли не в связи и не в результате военного поражения, а вследствие внутренних процессов в самих этих странах. Говоря иными словами, эти процессы носят *эндогенный* (внутренний характер), обусловлены внутренними противоречиями и конфликтами. Однако внешние (*экзогенные*) факторы также сыграли свою роль: перемены 70–80-х годов происходили в более благоприятном международном климате, чем предшествующие волны демократизации, в условиях, когда демократия стала своего рода “духом времени”. Наконец, весьма существенно разнятся исходные характеристики трансформирующихся общественных систем: от классических военных диктатур в Латинской Америке и Южной Европе до посттоталитарного авторитаризма в СССР и европейских социалистических странах, сталинистских режимов власти в Албании и Румынии.

Но самое главное отличие состоит в том, что демократические транзиты третьей волны в большинстве случаев не завершились созданием консолидированных демократий. Более того, на значительной части постсоветского пространства возрождаются авторитарные порядки, подновленные псевдодемократической риторикой. Это дает основания некоторым исследователям сделать вывод о том, что третья волна демократизации завершилась и начался обратный процесс “угасания демократии”, ее трансформации из *либеральной* в *электоральную*, то есть в формальную избирательную процедуру. Особенно разителен откат “третьей волны” в Латинской Америке. “Хотя обычно считается, что сегодня демократиями являются все государства Латинской Америки, в конце 1995 г. только 8 из 22 важнейших стран региона были отнесены к категории «свободных» (в 1987 году таковых было 13). Все чаще и чаще правящие круги этих стран, отдавая должное идеологической гегемонии самого понятия «демократия», прибегают к его показной форме, то есть к «псевдодемократии»”, – считает известный

американский политолог Л. Даймонд². Все это ставит перед исследователями серьезные вопросы о причинах успеха либо неуспеха консолидации демократии в современном мире, структурных предпосылках и процедурных условиях перехода к ней, движущих силах этого перехода и т. д. Счевидно, что сами эти переходы настолько разнообразны, что их трудно свести к какой-либо одной модели. С другой стороны, успешная демократизация (там, где она состоялась) подчинялась определенной логике и последовательности событий, что позволяет выделить некие идеально-типические варианты перехода, в той или иной степени реализовавшиеся в различных странах.

В изучении проблематики демократических транзитов три основные школы.

Представители **первой школы** сосредоточивают свое внимание на *предпосылках*, необходимых для появления устойчивых демократий.

В центре исследований **второй школы** – *процесс перехода как таковой*: его характер (революция “сверху” или “снизу”), роль элит, важность их сплоченности, динамика и траектория политических изменений и т. д.

Сфера интересов представителей **третьей школы** – *процесс консолидации демократии*, наступающий после краха прежнего режима.

Если первая школа делает акцент на социоэкономические и другие структурные факторы и предпосылки, то вторая и третья школы подчеркивают независимую роль индивидуальных акторов и человеческого фактора в целом, а также способность элит выстроить демократию даже при неблагоприятных объективных условиях.

Каждый из этих подходов внес большой вклад в исследование проблемы демократического транзита, поэтому мы попробуем воспользоваться каждым из них.

² Даймонд Л. Прошла ли “третья волна” демократизации? // Политические исследования. 1999. № 1. С. 20.

2. Предпосылки и факторы перехода: опыт Южной и Восточной Европы

При анализе всего комплекса проблем, связанных с демократическим транзитом, западных политологов интересовал прежде всего следующий комплекс проблем:

- сущность перехода от авторитаризма к демократии;
- условия и предпосылки, благоприятствующие такому переходу.

Некоторые из этих проблем, и в частности, условия и предпосылки перехода к демократии, были основательно исследованы на примере стран Южной Европы, политические процессы в которых открыли собой третью волну демократизации. Речь идет об экономических, социальных, культурных и прочих предпосылках.

Уже в 60-е годы некоторые американские политологи, например, С. Липсет, считали, что существует более или менее тесная **функциональная связь между высоким уровнем социально-экономического развития и перспективами демократии**. По мнению С. Липсета, необходимым условием для формирования и утверждения демократических институтов является определенный “порог благосостояния”. Странам, не достигшим такого “порога”, стабилизировать демократию не удастся. Однако эта точка зрения, подкреплявшаяся достаточно солидным эмпирическим материалом, была подвергнута критике как излишне детерминистская и одномерная. В качестве примера чаще всего называли Индию – страну с весьма скромным уровнем благосостояния, однако с достаточно прочно укорененными демократическими институтами и процедурами. По мнению критика “справа”, известного американского политолога С. Хантингтона, переход к демократии наиболее вероятен для стран, которые по мере своего экономического развития попадают в так называемую “транзитную зону” (зону выбора), где все труднее поддерживать традиционные формы правления и необходимы новые типы политических институтов, которые должны отвечать требованиям более сложного общества. Опыт трех южноевропейских стран подтверждает эту гипотезу. Они сумели установить демократические политические системы несмотря на

относительно отсталое социально-экономическое состояние. Но процесс институционализации демократии действительно происходил в период экономического спада (то есть в “транзитной зоне”, если пользоваться терминологией С. Хантингтона), о чем свидетельствуют данные Всемирного банка относительно стран среднего уровня развития за 1981 год.

Другой предпосылкой благоприятного демократического транзита является **децентрализация экономики**, распыление экономической власти, формирование рыночных отношений. Это создает альтернативы и возможности противостоять государственной власти, поставить ее на службу интересам гражданского общества. Вместе с тем рыночная экономика сама по себе демократии не гарантирует. Опыт иберийских стран, Чили при Пиночете, Южной Кореи при генералах-диктаторах свидетельствует, что свободно-предпринимательские и рыночные принципы в экономике вполне уживаются с самыми крайними проявлениями антидемократизма и подавления прав человека в политической сфере. Иными словами, *развитая экономическая среда с многочисленными субъектами экономической деятельности благоприятствует демократии, но не гарантирует ее.*

Наряду с социально-экономическими факторами политологи Запада обращали внимание на **социальный и культурный плюрализм** как одну из необходимых предпосылок благоприятного развития демократизации. Теоретическое обоснование этого тезиса опиралось на популярную в научных кругах либеральных интеллектуалов теорию групп. Согласно этой теории политический процесс представляет собой борьбу различных групповых интересов за достижение политической власти и реализацию своих интересов. Существование в обществе профессиональных, конфессиональных, этнических групп, социальных классов и слоев ограничивает власть государства, способствует контролю за ним со стороны демократических институтов, где представлены эти разнообразные интересы. С другой стороны, задачей демократического государства является согласование и примирение групповых интересов. В случае недостаточного развития групп усиливаются

авторитарные поползновения государства, пытающегося подчинить себе сферу общественной и частной жизни, либо претензии на исключительность отдельных, наиболее сильных групп в ущерб всем остальным.

Значительно более сложной проблемой является наличие (либо отсутствие) в обществе **разнородных субкультур и группировок** – этнических, религиозных, региональных и т. п. Неоднозначной является оценка прежде всего неоднородного, полиэтнического состава населения. Например, в Испании, где примерно 25 % населения составляют национальные меньшинства: баски, каталонцы, галисийцы, – их борьба за предоставление национальной автономии явилась составной частью антифранкистской борьбы и внесла свой вклад в процесс демократизации. В то же время сохранение сепаратистских требований и разгул терроризма в Стране басков уже после консолидации демократии ослабляет демократическую политическую систему, подрывает ее стабильность. Даже сегодня, когда испанская демократия преодолевает двадцатилетний рубеж своего существования, проблема сепаратизма и терроризма является одной из самых болезненных и опасных для страны.

Переход к демократии создает серьезную угрозу сохранению территориальной целостности государства. Демократизация предполагает, как известно, процесс децентрализации и территориального перераспределения властного авторитета из центра в пользу регионов, то есть дисперсию, рассредоточение власти. Но этот процесс должен происходить таким образом, чтобы не разрушить само государство как политическую и территориальную общность. В Испании, где этнические и лингвистические различия всегда были очень сильны, реструктуризация политического пространства осуществлялась таким образом, что сначала была проведена демократизация только на общенациональном уровне (в масштабах всей страны) и было достигнуто согласие по поводу Конституции, включавшей положение о последующем расширении прав автономий. И лишь потом, спустя почти 10 лет после консолидации демократии на общенациональном уровне, власти занялись формированием региональных структур для соответствующей демократизации.

Фактор плюрализма и связанной с ним возможной дестабилизации политической ситуации в стране, осуществляющей переход к демократии, имеет еще один аспект. Он связан с **вмешательством армии в политическую жизнь страны**. Вероятность такого вмешательства особенно высока в тех странах, где существует устойчивая традиция военных переворотов. Так, в Греции за последние 80 лет произошло 11 военных переворотов; в Испании с 1814 года – 52 военных переворота, из них две последние попытки – уже при демократическом строе в 1978 и 1981 годах. Та же закономерность характерна и для Португалии, хотя здесь роль армии не всегда была негативной. В апреле 1974 года именно демократически настроенная часть армии сыграла главную роль в “революции гвоздик”, то есть выступила против военно-фашистской диктатуры. Поэтому укрепление демократии в этих странах происходило параллельно с уменьшением роли армии в политической жизни, ликвидацией социальной базы для военных переворотов. Эта проблема остается чрезвычайно актуальной и для большинства стран Латинской Америки, где также существует стойкая традиция вмешательства военных в политический процесс.

Опыт южноевропейских, а затем и латиноамериканских стран разрушил бытовавшее в политической науке представление о том, что единственной ценностной системой для демократии является протестантизм с его установками на индивидуализм, трудолюбие и отказ от помощи со стороны государства. Тем самым католическим (а тем более православным) странам как бы отказывалось в праве вступить когда-нибудь в “демократическую семью народов”, главным образом, из-за жесткости католической доктрины. Оказалось, что это далеко не так, да и сам католицизм изменил свое отношение к демократии, уделяя большее, чем прежде, внимание защите прав человека, экономическим и социальным гарантиям и т. д.

Что касается самой сущности перехода к демократии и его временным рамкам, то и здесь в политической науке сложилась единая система представлений. Принято считать, что переход начинается с кризиса старого и заканчивается началом установления нового режима. Начало кризиса старого режима не всегда можно

фиксировать с достаточной точностью (в разных странах кризис может получить собственное, конкретное проявление), однако общим является то, что старый режим больше не может служить основой для действий главных участников (актеров) политического процесса. Что же касается установления нового режима, то его обычно связывают с принятием демократических конституций и признанием всеми политическими акторами необратимости произошедших перемен. Следовательно, переходом можно считать такой процесс перемен, с помощью которого существовавший ранее режим заменяется другим. В этом случае ценности, нормы, правила игры и собственные институты авторитарного режима заменяются другим комплексом ценностей, норм, институтов и правил, которые составляют демократический режим. Как пишет один из самых известных специалистов по проблемам демократических транзитов **А. Пшеворский**, “для всякого перехода центральным является вопрос о прочной демократии, то есть о создании такой системы правления, при которой политические силы ставят свои ценности и интересы в зависимость от не определенного заранее взаимодействия демократических институтов и подчиняются результатам демократического процесса”³. Демократия считается прочной, когда большинство конфликтов разрешается посредством демократических институтов, когда никому не позволено контролировать результаты демократического процесса задним числом и они не предрешиены заранее. Эти результаты значимы в известных пределах и вынуждают политические силы им подчиниться.

Сегодня уже можно сказать, что политические силы иберийских стран справились с высокими требованиями, предъявляемыми к демократии. Прошло уже более 20 лет после начала перемен в этих странах, и уже можно сказать, что их демократический выбор необратим. Это гарантировано их вступлением в новую современную постлиберальную общность, основанную на технологических достижениях, конкуренции в политике и корпоративном обществе, то есть обществе, где постоянно растут большие формальные организации всех уровней: государство, профсоюзы, профессиональ-

³ Пшеворский А. Переходы к демократии // Путь. 1993. № 3. С. 3.

ные ассоциации, финансовые институты, политические партии и т. д. Все стандарты южноевропейских стран: уровень дохода и распределения, грамотность, урбанизация, показатели здоровья и т. д. – либо достигли западноевропейского уровня, либо приблизились к нему. Таким образом, эти страны перестали быть периферией или полупериферией мировой экономики. Следовательно, демократия принесла не только политические, но и социально-экономические “плоды”, став залогом успешного развития и, как результат, “пропуском” в цивилизованный мир Западной Европы.

3. Особенности демократического транзита в странах Восточной Европы

Политические процессы в странах Восточной Европы в конце 80-х – начале 90-х годов рассматривались исследователями уже с учетом южноевропейского и латиноамериканского опыта переходов от авторитаризма к демократии. Интерес к этим процессам диктовался не только теоретической потребностью в осмыслении их особенностей, но и практически политическими соображениями. Европейские ученые пытались предостеречь лидеров восточноевропейских стран от непродуманных шагов, ошибок на новом, не изданном для них пути, минимизировать его издержки.

Очевидно, что “стартовые условия” для демократизации в Восточной Европе были менее благоприятными, чем в южноевропейских странах. Социалистическая система была строго централизованной, экономика практически полностью контролировалась государством (за исключением, возможно, “черного рынка”). Экономическая ситуация к началу перемен была крайне тяжелой. В большинстве восточноевропейских стран отсутствовало гражданское общество как совокупность независимых объединений, ассоциаций, партий, взаимодействующих между собой вне и без вмешательства государства. В отсутствие противовеса в лице институтов гражданского общества политические режимы здесь приобрели особенно жесткий, авторитарный характер, плохо приспособленный к взаимодействию с внесистемной оппозицией.

Демократический транзит осложняли и **социокультурные факторы**, прежде всего идеология и психология изоляционизма, “закрытого общества”, враждебность Западу, свойственная широким слоям населения. Возникла серьезная проблема трансформации идеологического климата. Не менее серьезным препятствием для становления и упрочения демократии стало **этнокультурное разнообразие** большинства стран этого региона, исключавшее осуществление реформ по единому шаблону и затруднявшее формирование ценностного консенсуса в обществе.

Одной из важнейших особенностей перехода к демократии в восточноевропейских странах, а также бывшем Советском Союзе стало крушение центра, то есть потеря коммунистическими партиями своей политической монополии на власть. Одновременно был разрушен основной экономический рычаг политической власти – механизм экономического планирования. В результате посткоммунистические правительства с трудом удерживали контроль над ситуацией, сталкиваясь с серьезной проблемой легитимности власти. Слабость политического центра становилась одной из главных причин возобновления старых региональных, этнических, религиозных трений и конфликтов. Отсюда вывод, идущий вразрез с тем, который был сформулирован ранее для южноевропейского региона: чем однороднее страна в этнокультурном плане, тем выше ее шансы на успех в процессе демократизации. Странам со сложным этническим составом населения предстоит не столько демократизация, сколько борьба за сохранение территориальной целостности и поддержание законности и порядка. Тем более, что в таких посткоммунистических странах, как бывший СССР, демократизацию сразу же перехватили регионы, в отсутствие общенационального согласия по поводу Конституции и других национальных институтов на общегосударственном уровне, что и стало причиной последующего распада государства.

Другой серьезной проблемой стало **отсутствие навыков** демократического правления и понимания самого механизма функционирования демократии как массами, так и элитами. После долгих десятилетий существования безальтернативных выборов

восточноевропейские общества захлестнул поток политических партий: в некоторых странах их число превысило 200 (впрочем, в постфранкистской Испании было зарегистрировано свыше 450 партий). Наметилась тенденция к тотальному представительству, то есть отмене всяких ограничительных барьеров и прохождению в парламент любой партии, даже если ее поддержали всего 1 % избирателей. Разумеется, это сразу же поставило под вопрос дееспособность как парламента, так и правительства, поскольку в условиях широкого представительства в парламенте разных партий последнее могло быть только коалиционным. Это сделало необходимым введение либо мажоритарной избирательной системы, либо ограничения на представительство 5 %-м барьером.

Массовое отторжение скомпрометировавших себя социалистических догм и ценностей привело к тому, что в качестве стратегической цели в ряде стран был объявлен переход от социализма к капитализму. Первым такой маршрут провозгласил тогдашний польский президент Л. Валенса. Предостерегая от столь примитивной трактовки сущности и направленности демократического перехода, известный немецкий политолог Р. Дарендорф писал: «Дорога к свободе ведет в сторону, противоположную административному централизму, это путь к более открытым формам государства и общества. Нет никакого смысла в переходе от социализма к капитализму. Переходить нужно от закрытого общества к открытому. А открытое общество – не система, а только механизм для изучения альтернатив. Экономические структуры и политики в нем не predetermined, здесь разрешается делать пробы и исправлять ошибки»⁴. Вместе с тем есть некоторые обязательные элементы функционирования современной экономики, и ни одной стране без них не обойтись. Это элементы рынка, индивидуальная инициатива, прогрессивное стимулирование, частная собственность. Но каждая страна должна определить для себя стратегические изменения и именно на них сконцентрировать свои усилия. Изменение же всего сразу: денежного обращения, отношений собственности,

⁴ Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 71.

внешнеторговых отношений и т. п. – будет иметь только разрушительный эффект. Поэтому нужна не смена системы, и не косметическая перестройка, а **стратегическая реформа**.

В восточноевропейских демократических транзитах заметную роль сыграла **интеллигенция**, особенно творческая: писатели, журналисты, музыканты и т. д. Оставаясь долгие годы духовными пророками и властителями дум, наиболее непримиримыми критиками авторитарных режимов, они закономерно возглавили оппозиционные антикоммунистические движения и заняли ответственные посты в органах власти после падения диктатур. Однако подлинный интеллигент должен оставаться свободным и непредвзятым критиком, не повязанным структурами власти. Для упрочения демократии необходимо, чтобы из министерского кабинета он вернулся к своему письменному столу. Так была поставлена сложнейшая проблема качественного состава правящей элиты, представительства в ней гуманитарной интеллигенции и возможных результатов ее «присутствия» в правительственных структурах.

Очень сложным представляется вопрос о способах «расставания с прошлым». Пришедшие к власти на антикоммунистической волне политические силы нередко обуреваемы желанием мести тем, кто ответственен за деяния предшествующего режима (имеется в виду юридическая, а не политическая ответственность). Как пишет А. Пшеворский, «никого не должна вводить в заблуждение демократическая риторика тех сил, которые «вовремя» присоединились к оппозиции»⁵. Не все антиавторитарные движения состоят целиком из сторонников демократии: для некоторых лозунг демократии является лишь поводом к тому, чтобы возвыситься над своими соперниками.

Одной из главных отличительных черт слабой демократии является **подчинение судебной власти победившим политическим силам**, превращение ее из независимого института права в добычу определенной политической группировки. Несколько правительств в Латинской Америке совершили эту ошибку, что стало

⁵ Пшеворский А. Переходы к демократии // Путь. 1993. № 3. С. 39.

причиной величайшей слабости большинства демократий на латиноамериканском континенте. Потеря независимости судебной властью означает наступление в стране произвола, вседозволенность исполнительной власти, преследование инакомыслящих под маркой угрозы демократии и т. п. В некоторых восточноевропейских странах в отношении бывших коммунистов были приняты законы о люстрациях (о запретах на профессию), нарушающие гражданские права. Таким образом, процесс примирения, расширения зон согласия в переходном обществе идет очень мучительно, что не может не отражаться на прочности новых демократических институтов.

Существенное значение для шансов демократии имеет наследие прошлого, то есть **тип политической культуры**, укоренившейся в обществе. Демократия нуждается в климате взаимотерпимости, толерантности, уверенности в том, что побежденный противник будет уважать демократические правила игры. Прошлое стран Восточной Европы не имеет устойчивых демократических традиций. В ряде стран и до установления власти коммунистических партий были авторитарные режимы. Сегодня в общественном мнении происходит их своеобразное прославление (например, Ю. Пилсудского в Польше, П. Столыпина в России). И здесь возникает серьезная опасность, способная самым серьезным образом дестабилизировать ситуацию в этом регионе. Эта опасность — **национализм** и порождаемые им конфликты и межэтнические войны. Националистические, популистские авторитарные режимы (или военные диктатуры) являются весьма реальной политической перспективой для некоторых стран этого региона. Этому способствует тяжелый экономический кризис, авторитарные поползновения политических сил, находящихся у власти, и т. д. Противостоять им может лишь прочное и эффективное объединение подлинно демократических сил. Однако создание таких объединений, демократических коалиций — дело нелегкое, поскольку против них действуют и обиды прошлого, и значительные различия в политических программах всех тех, кто называет себя демократами. Вместе с тем в ряде стран Восточной Европы уже сформировались общественные

силы, которые демонстрируют волю и решимость к тому, чтобы на смену одному авторитаризму не пришел другой. Кроме того, сохранению и упрочению демократии в этом регионе благоприятствуют и внешние факторы. Стремление восточноевропейских государств участвовать в объединенной Европе, построенной на фундаменте демократических принципов, возможно лишь при сохранении демократических институтов и норм. Любое государство, установившее у себя власть “сильной руки”, не имеет никаких шансов на прием в европейскую “семью народов”.

Разумеется, националистический режим не единственная перспектива для этих стран. Неустойчивость демократических систем, постоянная экономическая и общественно-политическая напряженность, давление автократических политических движений могут привести к уличным столкновениям, чрезвычайному положению, государственным переворотам и т. д. Опыт Латинской Америки, а также отдельных государств Азии и Африки свидетельствует, что подобное состояние политического хаоса и непрочности может длиться десятилетиями, а политическая жизнь приобретает все черты хронической гражданской войны.

Но возможен и более оптимистический вариант политического развития. Он состоит в формировании биполярной (или двухполюсной) партийно-политической системы, где у власти попеременно находятся то правоцентристская, то левоцентристская коалиции. Возможны и иные конфигурации партийно-политических сил. Вероятная нестабильность правительств не должна приводить к упадку демократии, если ведущие политические силы согласятся принять основные правила игры.

Таким образом, в числе **предпосылок, необходимых для появления устойчивых демократических систем**, можно назвать такие, как индустриализация, урбанизация, определенный уровень образования и благосостояния; соответствующий характер социально-классовой структуры; развитое гражданское общество и демократическая политическая культура; наличие определенных институциональных форм: мажоритарное либо пропорциональное представительство, электоральные системы, устойчивая партийно-

политическая инфраструктура и тип режима; единое государство с постоянными границами и отсутствием этнических и региональных конфликтов; благоприятные внешние условия, включая мирную международную обстановку и рост взаимозависимости стран и народов мира.

4. Модели и этапы демократического транзита

Не менее важную роль, чем предпосылки, играют модели (или варианты) перехода к демократии, движущие силы и этапы этого перехода. Если вернуться к трем историческим волнам демократизации, то можно выделить несколько типичных образцов, макромоделей этого процесса.

Классической моделью обычно считают британский вариант демократизации, который называют *линейной моделью*, поскольку она означает постепенное, последовательное и целенаправленное осуществление демократизации, продолжавшееся несколько веков. Два основополагающих политических процесса: институционализация и расширение политического участия – развивались параллельно: сначала упрочивались институты, затем расширялся круг легальных участников политики. Здесь постепенно ограничивались и устранялись избирательные цензы, а подданные получали сначала гражданские, затем политические, социальные и культурные права. Столь же постепенно ограничивалась королевская власть и расширялись права парламента. Государственное устройство Великобритании эволюционировало от конституционной к парламентской монархии, когда парламент становится высшей законодательной властью и контролирует правительство.

Другой общей моделью демократизации является *циклическая модель*. В ее рамках происходит чередование демократических и авторитарных форм правления при формальном приятии демократии политической элитой. Здесь нередки военные перевороты, в ходе которых от власти отстраняются законно избранные правительства. С другой стороны, возможна узурпация власти самими правительствами, потерявшими популярность и встречающими сильный вызов со стороны политической оппозиции.

Для циклической модели характерно сочетание демократических (например, парламента) и авторитарных (например, особая роль армии в политике) институтов в политической системе. Особенно красноречиво это подтверждает политический опыт Латинской Америки (например, таких стран, как Боливия, Аргентина и др.). Трудности перехода к демократии в таких странах обусловлены слабостью гражданского общества, слабой укорененностью демократических ценностей в господствующей политической культуре.

Наконец, третьей моделью демократизации, более перспективной по сравнению с предыдущей, является *диалектическая модель*. Для нее также характерна политическая нестабильность, включая институты и “правила игры”, однако внутренние предпосылки для демократии оказываются более зрелыми, включая урбанизацию, образовательный уровень населения, рационализацию массового сознания и т. д. Здесь также не удастся избежать нескольких смен демократических режимов авторитарными (и наоборот), но тенденция к стабильной демократии приобретает здесь все большую устойчивость, и последняя, наконец, закрепляется как на уровне институтов, так и на уровне норм и демократических ценностей. Такой путь характерен, в основном, для стран Южной Европы, таких как Италия, Греция, Испания. Есть высокая вероятность того, что и в России, и в ряде государств СНГ процессы будут происходить подобным же образом.

Но помимо моделей перехода, лишь в общих чертах описывающих траекторию демократического транзита, существуют и конкретные варианты перехода, зависящие не столько от широкого историко-культурного контекста, сколько от конкретных стратегий основных участников такого перехода. Поэтому в зарубежной и отечественной политологии пристальное внимание сегодня уделяется *движущим силам*, способным возглавить процесс перехода к демократии. По мнению известного специалиста в этой области, С. Хантингтона, демократические режимы исключительно редко возникают на основе народных движений, а как правило, являются *результатом деятельности элит*, заинтересованных в продле-

нии своего господства, обеспечении международной законности, уменьшении вероятности внутренних волнений и т. п. В зависимости от путей демократизации – *эволюционного* или *революционного* – на политическую авансцену выдвигаются различные группы элит: либо правящие, либо оппозиционные. Однако дальнейшие варианты развития событий зависят как от взаимодействия внутри каждой из этих элит, так и между ними. Отсюда можно выделить **четыре основных варианта перехода к демократии:**

1. **Вариант “навязанного перехода”**, когда одна из ведущих группировок правящего режима, начинающего либерализацию, заставляет всех прочих участников политического процесса принять свои правила политической игры. Иногда ей удается контролировать все последующее развитие событий, включая стадию консолидации демократии. Однако в большинстве случаев силы, инициировавшие демократический переход, теряют над ним контроль, поэтому конечный результат будет существенно отличаться от того, который первоначально планировался реформаторами. Пример М. Горбачева, ставшего инициатором “перестройки” как реформы “сверху” советской политической системы, наглядно демонстрирует противоречие между реальным развитием событий и первоначальными ожиданиями инициаторов перемен.

2. **Вариант “пактированного” (“договорного”) перехода**, когда между правящими группами прежнего режима и оппозиционными группами заключаются пакты, соглашения, предусматривающие уступки каждой из сторон ради достижения согласия по некоторым принципиальным для страны политическим вопросам. Пакты нередко предполагают и взаимовыгодное распределение ключевых постов в правительстве, парламенте, других структурах власти посредством политических компромиссов. Примером “пактированного” перехода к демократии может служить Испания, Венесуэла и некоторые другие страны.

3. **“Реформистский” вариант** связан с ростом массовых движений, поддержкой реформаторов “снизу”, когда реформы осуществляются благодаря мощному давлению низов на правящие группы. Примером такого давления могут служить массовые про-

тестные движения в Чехословакии (конец 80-х годов), Южной Корее, Индонезии и на Филиппинах в конце 90-х годов.

4. Демократизация путем *революции* (Румыния в конце 90-х годов).

По общему мнению транзитологов, из всех четырех типов демократического перехода наиболее просты и очевидны взаимосвязи между переходом и консолидацией демократии при втором, договорном варианте, то есть при *пактировании*. Самый же неблагоприятный вариант – революционный, когда какая-то одна политическая группировка узурпирует власть, после чего следует длительный период авторитарного правления с неопределенными перспективами реального перехода к демократизации.

Как же протекает демократический процесс в его идеально-типическом (“пактированном”) варианте? Каковы его основные этапы или стадии?

Большинство исследователей демократического транзита сходятся на том, что этому процессу присущи две или три основные стадии, характеризующие последовательной институционализацией перемен. По мнению Г. О’Доннелла и Ф. Шмиттера, эти три стадии – либерализация, демократизация и ресоциализация. А. Пшеворский выделяет два этапа – либерализацию и демократизацию – и делает особый акцент на характере соотношения сил, участвующих в переходе.

Если синтезировать различные модели и подходы в некоей идеально-типической конструкции, то динамику демократического транзита можно представить следующим образом:

1. **Либерализация политической жизни.** Ее основной показатель – расширение и институционализация ряда гражданских прав и свобод, мобилизация масс в политическую жизнь, что подрывает стабильность и легитимность прежнего режима. Ключевыми фигурами на этой стадии перехода обычно являются лидеры-реформаторы внутри правящей элиты, которые формируют оппозицию режиму в целях более решительного продолжения переходного процесса.

2. **Демонтаж наименее жизнеспособных институтов прежней политической системы.** Этот демонтаж может произойти либо путем мирного разрешения конфликта интересов между консерваторами и реформаторами внутри режима, либо путем обвального распада системы в случае нежелания конфликтующих сторон прийти к компромиссу. Естественно, что установление демократии возможно лишь при условии реализации первого варианта, то есть при добровольном принятии всеми сторонами демократических норм и ценностей, а главное – согласии институционализировать свои основные интересы в рамках новой политической системы. В результате компромисса умеренных сил, достигнутого на основе определенного общественного согласия относительно ценности демократических процедур, прежняя политическая система распадается.

3. **Демократизация (или демократическая легитимация) как конституирование демократического способа правления.** Его основным критерием являются такие демократические выборы, при проведении которых ни одна из сторон не может полностью их контролировать и гарантировать исход в свою пользу. *Две последовательные смены партийного правительства по итогам выборов являются доказательством того, что демократия состоялась.* Конституирование демократических институтов осуществляется путем принятия нормативных актов на основе переговоров между основными представленными сторонами.

4. **Ресоциализация граждан в новую политическую систему,** то есть усвоение ими новых норм и ценностей, постепенное вращение в новую систему отношений в ходе демократического политического процесса⁶.

Таким образом, путь к консолидированной демократии оказывается нелегким и тернистым, сопряженным с множеством угроз. Проблемы, возникающие на этом пути, нуждаются в разрешении, а не в консервации, иначе возможна обратная авторитарная волна. Ее могут спровоцировать экономический кризис и резкая со-

⁶ См.: Харитонова О. Г. Генезис демократии (попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Политические исследования. 1996. № 5. С. 75–77.

циальная и политическая поляризация, попытки консервативных сил исключить из политической борьбы популистские и леворадикальные движения, слабость демократических ценностей у ведущих политических групп и общественности и т. д. В результате неокрепший демократический режим может трансформироваться в один из вариантов авторитаризма: в популистскую диктатуру; в авторитарный национализм или религиозный фундаментализм; в олигархический авторитаризм и т. п.

Понятие “консолидированная демократия” означает устойчивую, надежную, прочную демократическую систему. Суть консолидации заключается в достижении широкой и глубокой легитимации, когда все важнейшие политические акторы – как на элитном, так и массовом уровне – уверены, что для их страны демократический режим лучше любой другой реальной альтернативы, которую они могут себе вообразить. Правила становятся общепризнанными при гармонизации интересов участников политического процесса. Синхронно происходит укоренение ценностей демократии в политической культуре, становящихся преобладающими. Процесс консолидации, согласно теории Г. О. Доннелла и Ф. Шмиттера, включает четыре основных направления:

- устранение идеологических и институционных несоответствий;
- установление автономии от старых властей и армии;
- мобилизация гражданского общества;
- развитие стабильной партийной системы, способной обеспечить формирование правительства⁷. Другой известный ученый, В. Меркель предлагает свою многомерную модель демократической консолидации, включающую 4 основных уровня:
- конституционная консолидация, то есть консолидация политических институтов: глава государства, правительство, парламент, судебная власть и избирательная система (макроуровень: структуры);

⁷ См.: O. Donnell G., Shmitter P. Transition from Authoritarian Rule: Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore L., 1986. P. 73, 89.

– репрезентативная консолидация, охватывающая территориальное и функциональное представительство интересов, в первую очередь партий и объединений (мезоуровень: акторы);

– поведенческая консолидация, то есть деятельность неформальных, в том числе потенциальных акторов: военных, крупных собственников, финансового капитала, предпринимателей, радикальных движений и групп (мезоуровень: неформальные политические акторы);

– демократическая консолидация политической культуры (микроуровень: граждане)⁸.

Тремя основными факторами, обеспечившими успех консолидации в странах Центральной и Восточной Европы, стали высокий культурный и социальный уровень обществ, модернизированных еще при социализме, эффективное государство и благоприятное воздействие внешних акторов. По мнению автора, проблема государственности и эффективной бюрократии в исследованиях трансформационных процессов до недавнего времени явно недооценивалась, хотя значение этого фактора исключительно велико⁹.

5. Проблемы и противоречия демократии в России

Является ли Россия демократической страной, как это продекларировано в ее Конституции? У большинства отечественных и зарубежных исследователей все чаще возникают сомнения на этот счет¹⁰. Конечно, в нынешней России есть несомненные *элементы демократии*: свобода слова, в меньшей степени – свобода печати; политический плюрализм, но пока почти без настоящих партий; относительно свободные выборы, но под контролем местного начальства и с использованием чрезвычайно грязных избирательных технологий. Правила и процедуры, по которым осуществлялись выборы, были неясными, неопределенными и неустойчивыми.

⁸ См.: Merkel W. Gegen alle Theorie? Die Konsolidierung der Demokratie in Ostmitteleuropa // Politische Vierteljahresschrift. 2007. Heft 3. S. 416–417.

⁹ См.: Ebenda. S. 429.

¹⁰ См., напр.: Холодковский К. Г. Демократия – скорее перспектива, чем реальность // Россия и современный мир. 1994. № 3. С. 21–23.

Между тем именно четкое установление процедуры выборов в качестве основополагающей, задающей правила дальнейшего политического продвижения вперед и встречающей всеобщее приятие и поддержку, является одним из основных условий консолидации демократии. Определение основополагающих выборов связано с тем, как эта проблема трактуется политическими партиями и насколько они сами включаются в процесс дальнейшей консолидации.

Особенностью России является *слабость организованного политического действия*. Борьба интересов различных групп, которая проецируется в политику, в основном, чисто корпоративная: эти интересы не выведены на уровень политики, не осознаются как один из реальных вариантов общего политического курса. Всем, в том числе и тем, кто эти интересы защищает, остается неясным, как они согласуются с интересами других социальных групп и слоев. При этом интересы элит, “верхов” осознаны и представлены в гораздо большей степени, чем интересы основной массы населения.

Особенно заметна слабость политических партий, их малая вовлеченность в процесс консолидации и взаимное сотрудничество в рамках конституционных “правил игры”. Уникальной чертой России можно считать то, что число партий от выборов к выборам не уменьшается, а напротив, возрастает. Вместе с тем для позитивного завершения демократического транзита необходимо формирование устойчивых партийных систем, что наиболее успешно проходит при “пактированном” переходе.

Поэтому проблемой для России сегодня является не столько стабильность демократии, сколько само ее становление. А оно зависит не просто от формального существования парламентских институтов и процедур, а от развитости гражданского общества, то есть от сети союзов, ассоциаций, объединений граждан, защищающих свои интересы. Только зрелое гражданское общество может быть прочной основой и демократии и правового государства. Мобилизация структур гражданского общества является важнейшим фактором перехода от стадии либерализации к демократизации. Силы, инициировавшие переход, нуждаются в поддержке снизу, в вовлечении в этот процесс иных организованных общественных

сил: партий, профсоюзов и т. д. Отличием постсоциалистической России является относительная слабость мобилизации структур гражданского общества. Несмотря на то, что высокий уровень образования и неплохие организаторские навыки многочисленных общественных организаций, активизировавшихся в России в конце 80-х годов, позволяли надеяться на высокую гражданскую активность россиян и на последующих этапах перехода, в реальности этого не произошло. Мобилизационный потенциал демократического движения очень быстро оказался исчерпанным.

Но консолидированная демократия не сводится только и исключительно к установившимся политическим институтам, таким, как партии, выборы, а также разделению властей и их взаимодействию. Для молодых демократий крайне важно установить *гражданский контроль над армией*, поскольку именно отсюда – и латиноамериканский опыт это неоднократно подтверждал – может произтекать угроза демократическому правлению.

Далее, для демократии очень важно не только партийное (сугубо политическое) представительство интересов, но и другие *системы презентации организованных интересов*: профессиональных объединений, ассоциаций бизнеса, товаропроизводителей и т. п. Эти структуры могут компенсировать слабость партийной системы, внушить гражданам уверенность в их защищенности и способствовать общей политической стабилизации.

И, наконец, демократия имеет и пространственное измерение, то есть параллельно с переходом от авторитаризма к демократии осуществляется *процесс децентрализации и территориального перераспределения власти в пользу регионов*. Однако здесь огромное значение имеет последовательность мер. В бывшем СССР демократизация (как ее тогда понимали правящие элиты) затронула вначале национальные республики, что привело к разрушению единого политического и правового пространства и развалу государства. В Испании, где региональные и этнические различия также всегда были достаточно сильны, демократизация вначале была проведена на общенациональном уровне и завершилась достижением общенационального консенсуса на конституционной основе, включавшей, кстати, положение о последующем расширении прав

автономий. Позже, спустя почти 10 лет от начала демократизации, эти права им действительно были предоставлены.

Происходящие в России процессы во многом уникальны, поскольку она осуществляет фактически *тройной переход*: занимаясь приватизацией и структурной перестройкой экономики, радикально перестраивает всю политическую систему и пытается формировать еще и новую федеративную систему с целью создания устойчивой и жизнеспособной демократической федерации. Не все преобразования носят последовательный характер; зачастую централизаторские тенденции снова берут верх над тенденциями к автономизации и расширению самостоятельности регионов, прежде всего, в финансовой сфере. Однако пока остаются неизменными конституционные принципы и нормы, будет сохраняться и федеративный характер российского государства.

Так или иначе, но проблема недостаточной эффективности демократии, на наш взгляд, действительно зависит в большей степени от субъективного фактора. Чаще всего она возникает по вине коррумпированных элит, окопавшихся во властных структурах и ослабляющих политические институты, деформирующих системы политического представительства и подотчетности власти. Но массовые ожидания и надежды, связанные с демократией как с экономическим процветанием и безопасностью, сегодня трансформируются в ожесточение, направленное против политических партий, законодательных органов, правительств и даже демократии как таковой. Вместе с тем более внимательное изучение содержательных аспектов демократии показывает, что, отвергая сам термин, россияне не готовы расстаться с такими элементами демократии, как свобода слова, партийно-политический плюрализм, гарантии основных прав и свобод граждан и т. д. Справедливо требуя от власти наведения порядка во всех сферах жизнедеятельности общества, они вовсе не хотят восстановления системы Гулага, запрета деятельности партий и профсоюзов, преследования политических оппонентов власти и т. п. Так, по данным опроса 2001 года 52 % наших соотечественников считали, что в демократическом государстве граждане имеют больше возможностей контролировать деятельность тех, кто стоит у власти, нежели в государстве с иной

системой правления. 60 % опрошенных были уверены в том, что демократия как форма правления подходит России. 87 % отмечали, что лидеры, которые возглавят страну, должны быть избраны на основе всеобщих выборов. 85 % россиян подчеркивали важность свободы убеждений и самовыражения. Несмотря на минимальное доверие российских граждан политическим партиям, 32 % респондентов полагают, что они необходимы для нормального функционирования политической системы, а 39 % не сомневаются в том, что «конкуренция между различными политическими партиями делает политическую систему более сильной»¹¹.

Не столь безнадежной представляется и нынешняя политическая элита России. По данным экспертного опроса (май – июнь 2006 года), проведенного группой воронежских политологов среди представителей политической элиты Воронежской области (совокупная выборка – 20 человек: представители администрации, политические обозреватели, депутаты областной и городской думы, политологи), перспективы эволюции политического режима России в демократическом направлении не выглядят безнадежными. Более половины экспертов (12 из 20) полагают, что на период до 2015–2020 годов в России, вероятнее всего, сохранится режим так называемой «управляемой демократии», с низким уровнем публичной политической конкуренции и т. д. Другой прогноз – острая конкуренция двух или более политических сил с примерно равным объемом политических ресурсов – нашел поддержку восьми экспертов. Только пятеро экспертов не исключают установления жесткого авторитарного режима с элементами культа личности вождя и возвращением к «закрытому обществу». Как видим, в сознании экспертов перспектива демократической траектории развития полностью не закрыта, хотя пока и не представляется достаточно реалистической в ближайшем будущем. Большинство убеждено в том, что на ближайшее десятилетие России обеспечен, скорее, авторитарный (в мягком или жестком варианте), нежели демократический вариант развития. Между тем большинству экспертов в

¹¹ См.: Лебедева Т. П. Либеральная демократия как ориентир для посттоталитарных преобразований // Политические исследования. 2004. № 2. С. 8.

качестве наиболее желательной представляется развитая демократия с прочными институтами гражданского общества, зрелой общественной самоорганизацией (в том числе местное самоуправление), открытыми контактами с соседними странами, включая трансграничную экономическую, культурную и политическую интеграцию. Еще два эксперта считают желательной острую конкуренцию двух и более политических сил, и только двое – так называемую «управляемую демократию». Позиции экспертов в этом вопросе детерминированы не столько политическими или идеологическими идентификациями, сколько степенью ангажированности структурами региональной власти (чем более ангажирован эксперт, тем более авторитарной является его позиция). Отсюда следует, что воронежские эксперты все-таки не склонны расставаться с демократическим проектом и не считают его будущее в России бесперспективным.

Таким образом, почти двадцатилетний опыт реформ в России пока не дает полной уверенности в том, что демократия уже прижилась на неласковой для нее российской почве. Более того, в общественном и массовом сознании нарастает скепсис по поводу демократических ценностей и процедур, усиливается тяга к порядку, «сильной руке» и т. п. Неудачи и просчеты последних лет в сознании многих россиян ассоциируются с демократией, что вызывает отторжение самого этого термина. Однако завышенные ожидания, свойственные российскому обществу на исходе 80-х годов, должны смениться более рациональным восприятием демократии, пониманием того, что она не роскошь, а единственно приемлемый способ урегулирования конфликтов, обходящийся без кровопролития. Демократия нужна потому, что люди часто не могут договориться между собой, но, принимая в качестве определяющей для общества волю большинства, они позволяют меньшинству иметь собственную точку зрения и шанс оказаться в большинстве на следующих выборах. Демократия – это строгие правила общежития, обязательные для всех без исключения, и отсутствие привилегий. Мы еще не жили при настоящей демократии, но только она сделает возможным бескровное преодоление тех тяжелых социальных диспропорций, которые породили в России реформы последних лет.

Контрольные вопросы

1. Почему проблемы перехода от авторитаризма к демократии оказались в центре внимания политической науки 90-х годов XX века?
2. О каких “волнах демократизации” идет речь? Каковы хронологические рамки и особенности каждой из таких “волн”?
3. Каковы основные предпосылки перехода к демократии? Опыт каких стран является объектом анализа транзитологии?
4. В чем особенности демократического транзита стран Восточной Европы? Каковы опасности, подстерегающие на этом пути?
5. Какова сущность и временные рамки перехода к демократии?
6. О каких моделях и вариантах перехода может идти речь? Кто является движущими силами такого перехода?
7. Каковы основные этапы перехода к демократии?
8. Каковы, на ваш взгляд, перспективы демократии в России? Какая модель демократии была бы наиболее релевантна историческому опыту и современному состоянию российского общества?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баталов Э. Я.* Человек, мир, политика / Э. Я. Баталов. – М., 2008. – 330 с. (раздел “Глобальный кризис демократии?”).
2. *Вайнштейн Г. И.* Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций / Г. И. Вайнштейн // Там же. – С. 136–171.
3. *Дарендорф Р.* Дорога к свободе : демократизация и ее проблемы в Восточной Европе / Р. Дарендорф // Вопросы философии. – 1990. – № 9. – С. 69–75.
4. Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов (Круглый стол) // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 30–51.
5. Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы / Ин-т междунар. экономических и полит. исследований РАН. – М. : Наука, 2005. – 184 с.
6. *Диллигенский Г. Г.* Демократия на рубеже тысячелетий / Г. Г. Диллигенский // Политические институты на рубеже тысячелетий. – Дубна, 2001. – С. 27–44.

7. *Клямкин И. М.* Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России / И. М. Клямкин // Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 6–24.

8. *Красин Ю. А.* Демократия перед вызовами: модификация или смена парадигмы? / Ю. А. Красин // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – М., 2007. – Вып. 6. – С. 254–264.

9. *Мачкув Е.* Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация / Е. Мачкув // Политические исследования. – 2000. – № 4. – С. 38–59.

10. *Мельвиль А. Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам / А. Ю. Мельвиль // Политические исследования. – 1998. – № 2. – С. 6–38.

11. *Патрушев С. В.* Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России / С. В. Патрушев, А. Д. Хлопин // Там же. – С. 301–318.

12. *Петухов В. В.* Демократия и возможности социальной мобильности / В. В. Петухов // Там же. – С. 281–300.

13. Повороты истории : постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей : в 2 т. – СПб.; М.; Берлин, 2003. – Т. 1. – 510 с.

14. Повороты истории : постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей : в 2 т. – СПб.; М.; Берлин, 2003. – Т. 2. – 493 с.

15. *Пшеворский А.* Переходы к демократии / А. Пшеворский // Путь. Международный философский журнал. – 1993. – № 3. – С. 3–56.

16. *Соловьев А. И.* Сausae и каверзы политической демократии / А. И. Соловьев // Общественные науки и современность. – 1998. – № 6. – С. 71–84.

17. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века [пер. с англ.] / С. Хантингтон. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003. – 368 с.

18. *Хейл Г.* Президентский режим, революция и демократия / Г. Хейл // Pro et contra. – 2008. – № 1 (40), янв. – февр. – С. 6–21.

19. *Шмиттер Ф.* Процесс демократического транзита и консолидации демократии / Ф. Шмиттер // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 30–33.

Лекция 8

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Концепция конфликта появилась в международных исследованиях в 20-х годах прошлого века, то есть в первые годы деятельности Лиги Наций. Окончательно она утвердилась в международных исследованиях 50-х годов XX века, с появлением Организации Объединенных Наций. Между тем едва ли не вся человеческая история (свыше 5000 лет) переполнена конфликтами наивысшей интенсивности и насильственности, то есть войнами. По подсчетам исследователей, количество вооруженных столкновений за всю историю человечества достигло почти пяти тысяч, что дало повод характеризовать мир как “перерыв между войнами”. Неслучайно, говоря о международных конфликтах, имелась в виду именно война: межгосударственная, национально-освободительная, религиозная, династическая и т. д. И только в последней трети XX века понятие “конфликт” стало постепенно подменять собою понятие “война”. По мере усложнения мировых политических процессов война стала определяться как частный случай более широкого феномена – конфликта. Это дало возможность разграничивать различные стадии и виды конфликтов и, соответственно, позволило находить новые формы их предотвращения и разрешения.

По данным Гейдельбергского института по изучению международных конфликтов, в период с 1945 по 2000 год к типу “классических” войн относилось всего лишь около 15 % (в 2001 году – 6,5 %). Социологическими исследованиями зафиксирована тенденция уменьшения удельного веса международных насильственных конфликтов в общем количестве войн. Так, если за период с 1400 года по настоящее время примерно половина случившихся в мире вооруженных конфликтов произошла между государствами, то за четыре послевоенных десятилетия из 127 “значительных” войн лишь 37 принадлежали к категории международных, а остальные имели преимущественно внутригосударственную природу и структуру. Этот обнадеживающий факт связан с расширением воздействия норм международного права (прежде всего, международного гу-

манитарного права) на международные отношения. Эти нормы оказывают благотворное влияние не только на межгосударственные, но и на отношения международных организаций и даже на отношения, которые еще недавно оценивались как внутренние, а теперь приобрели международный характер.

В прошлом к войнам приводили претензии государства на монополию применения военной силы, а соблюдение всеобщего запрета на ее использование оказывало стабилизирующее воздействие на международные отношения. Анализ современных конфликтов показывает, что войны в понимании Карла фон Клаузевица уходят в прошлое, то есть не могут больше рассматриваться как продолжение политики другими средствами. Кроме того, растет число субъектов конфликта. Вооруженный конфликт сегодня связывается с социальным (или асоциальным) окружением, которое подразумевает как государственных, так и негосударственных акторов. В связи с тем, что в результате глобализационных процессов происходит ослабление или даже подрыв мощи государства, обозначилась тенденция применения насилия частными – чаще всего криминальными – силами. Возникновению вакуума государственной власти способствуют также этнический сепаратизм и схватки за контроль над природными ресурсами или бизнесом. Все эти процессы сопряжены с резким возрастанием конфликтности в международных отношениях, появлением новых угроз безопасности и стабильности как в отдельных регионах, так и в мире в целом.

1. Понятие и типы международных конфликтов

Проблема международных конфликтов является центральной проблемой теории международных отношений. И это вполне оправданно, поскольку любое вооруженное столкновение представляет собой серьезную угрозу миру и международной безопасности. Урегулировать такой конфликт – значит восстановить равновесие в системе международных отношений, возможно, на качественно иной основе. Вместе с тем вооруженные конфликты есть лишь крайняя форма политического конфликта, его высшая

стадия, истоки которой следует искать во внутренней политике государства, в специфике его взаимоотношений с внешней (международной) средой. Отсюда исследование причин международных конфликтов, их форм, типов, динамики, но в особенности, способов их урегулирования, имеет не только большое теоретическое, но и практически-политическое значение.

Международный конфликт – это непосредственное или косвенное столкновение интересов двух либо нескольких сторон (государств, групп государств, народов, политических движений) на основе существующих между ними противоречий объективного и субъективного характера. По своему происхождению эти противоречия и порожденные ими проблемы в отношениях между государствами могут быть *территориальными, национальными, религиозными, экономическими, военно-стратегическими, научно-техническими* и т. д. Но в целом конфликт всегда принимает политическую форму, поскольку эти противоречия осознаются и разрешаются государствами через механизм формирования и осуществления внешней политики¹.

Природа международных конфликтов всегда трактовалась по-разному. Представители так называемого реалистического направления политической мысли (Фукидид, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Г. Гегель, Г. Моргантау) считали конфликты имманентно присущим и принципиально неустранимым атрибутом международных отношений, главными субъектами в которых выступают национальные государства. Традиции классического реализма в современных условиях продолжает неореализм как одно из направлений теории международных отношений.

Другой – либеральный подход допускает возможность мирного урегулирования международных конфликтов на основе моральных и правовых норм. Яркими примерами подобного подхода был проект Договора о вечном мире, предложенный в свое время великим философом И. Кантом, а также план перестройки международных отношений на основе создания объединяющей все государства

¹ См.: Мировая политика и международные отношения: Учебное пособие / Под ред. С. А. Ланцова и В. А. Ачкасова. СПб.: Питер, 2007. С. 143.

мира универсальной международной организации Д. Бентама. В настоящее время либеральную традицию в той или иной степени продолжает неолиберализм – одна из главных научных школ в современной теории международных отношений. По мнению неолибералов, сложность и многообразие проблем и конфликтов современного мира, урегулирование которых на уровне отдельных национальных государств невозможно, требуют передачи части государственных функций и полномочий иным акторам международных отношений – наднациональным институтам либо транснациональным компаниям и неправительственным организациям как зародышам мирового гражданского общества.

Свой взгляд на перспективы мировой политики и характер конфликтов в XXI веке высказывают и сторонники неомарксизма. Так, И. Валлерстайн считает, что причиной всех противоречий и конфликтов остается глобальная капиталистическая “мир – система”, поскольку присущие ей противоречия порождали и будут порождать конфликты и в центре самой мир – системы, и на ее периферии, и в “третьем мире”. При этом конфликтогенными будут не только международные отношения, но и внутренние социально-экономические и социально-политические процессы, причем не только в богатых, но и в бедных странах². Другой известный политолог С. Хантингтон полагает, что главными конфликтами в новом XXI веке будут столкновения между цивилизациями как политико-культурными общностями, имеющими существенные различия в своих ценностных основаниях. В первую очередь это относится к западной и исламской цивилизациям.

При всем их разнообразии международные конфликты можно определенным образом типологизировать. Одним из возможных критериев такой типологии может служить определение субъектов международных конфликтов. Главными субъектами долгое время были, да и сейчас еще остаются, национальные государства. Однако возможны ситуации, когда одним из субъектов конфликта является государство, а другим – национально-освободительное движение

² См.: Политическая конфликтология: Учебное пособие / Под ред. С. Ланцова. СПб.: Питер, 2008. С. 149–151.

или иная сепаратистская группировка. Государство может также выступать в качестве третьей стороны во внутреннем конфликте на территории другого государства. Так или иначе, но осуществить первичную классификацию международных конфликтов далеко не просто. Тем не менее, укажем основные их типы.

Межгосударственный конфликт. Он органичен, естественен и традиционен для системы международных отношений, поскольку эта система по самой своей природе является в первую очередь межгосударственной. Издавна повелось, что только государства и их представители обладают правом обращения к войне, осуществляют признание и защиту в войне. Такой подход подтверждается и Уставом ООН (пункт 4 статьи 2). Поэтому с межгосударственным конфликтом связывается, прежде всего, такое понятие, как “агрессия”, что означает “применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства” (определение, принятое Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 году).

Определение агрессии (статья 3) относит к актам агрессии такие, в частности, межгосударственные действия, как:

- любая военная оккупация, вторжение, любая аннексия (захват) с применением силы территории другого государства;
- бомбардировка вооруженными силами одного государства территории другого государства или применение любого оружия государством против другого государства;
- блокада портов или берегов одного государства вооруженными силами другого государства;
- нападение вооруженными силами одного государства на сухопутные, морские или воздушные силы либо морские и воздушные флоты другого государства и т. д.

Если действия одного государства в международном конфликте классифицируются как агрессия, то ответные действия другого или других государств оцениваются в качестве самообороны или международных санкций. Так, в международном праве действует принцип взаимности.

Национально-освободительные войны. Это особая категория международных конфликтов, которые имели широкое распространение после Второй мировой войны, когда наблюдался массовый подъем освободительной борьбы против колониализма. Раньше эти конфликты рассматривались как внутренние столкновения, однако согласно Дополнительному протоколу № 1 к Женевским конвенциям 1949 года борьба народов против колониального и расистского господства и оккупации, за осуществление права на самоопределение, является международными вооруженными конфликтами.

Внутренние интернационализованные конфликты (“смешанные войны”) – особый вид международного конфликта, появившийся в послевоенный период (после Второй мировой войны). Они, как правило, начинались гражданскими войнами, а потом перерастали в смешанные конфликты или интернационализировались путем прямого или косвенного вмешательства третьих сторон, чаще всего сверхдержав.

Этот третий тип международного конфликта особенно сложен, так как международное право запрещает так называемое “подрывное вмешательство” во внутренние дела суверенного государства. Иными словами, никакая помощь повстанцам в той или иной форме не разрешается, кроме гуманитарной. Что же касается помощи правительству, против которого поднят мятеж, то международным правом разрешается помощь **законному правительству** деньгами и оружием, но запрещается посылка войск для помощи властям, за исключением случаев противодействия подрывной деятельности.

Наряду с вышеизложенными подходами к типологии международных конфликтов, возможны и иные их классификации. В частности, можно говорить о **симметричных** и **асимметричных** конфликтах. Первые, то есть симметричные конфликты характеризуются примерным равенством сил вовлеченных в них сторон. Вторые, то есть асимметричные конфликты, – это конфликты с резким различием потенциала конфликтующих сторон. Такая классификация имеет не только теоретическую, но и практически-политическую ценность. Если конфликт перейдет в стадию вооруженной борьбы, то от соотношения потенциалов сторон, принима-

ющих участие в конфликте, будет зависеть его продолжительность и конечный результат³.

Международные конфликты можно классифицировать также с помощью известного подхода А. Рапопорта (*“игра – война – дебаты”*), а также теории игр, выделяющей *конфликты с нулевой и с ненулевой суммой* (см. лекцию 3). Кроме того, необходимо учитывать пространственно-географический фактор, то есть уровень охвата конфликтом системы международных отношений. Отсюда – *глобальные международные конфликты*, не имеющие пространственных границ (например, Первая и Вторая мировые войны) и *регионально-локальные конфликты*, затрагивающие международные отношения в пределах одного политико-географического региона либо на субрегиональном или местном уровне.

Разумеется, эти типы международных конфликтов являются их зрелыми формами, которым могут предшествовать и более *мирные формы международных конфликтов*, такие, например, как *международный спор*, в котором столкновения сторон осуществляется средствами дипломатии (например, *дипломатический демарш, отзывы послов для консультаций, разрыв дипломатических отношений*).

За международным спором, в котором одно государство предъявляет претензии другому государству, а последнее отвергает эти претензии или принимает их частично, может последовать *угроза*, то есть промежуточная (предвоенная стадия) международного конфликта. Угроза может быть определена как действие, которое создает условное ожидание ущерба, условное по отношению к выполнению (или, возможно, невыполнению) другого действия (К. Боулдинг). Поэтому *угроза силой* – это не только объявление о намерении применить силу, но и сами действия, свидетельствующие о реальности такого намерения (например, мобилизация войск, создание вооружений и т. д.).

И, наконец, *военная стадия* конфликта (война) выражается в обращении хотя бы одного государства к силе, то есть в выбо-

ре этим государством в качестве способа поведения в конфликте тех или иных форм насильственного воздействия на другое государство.

Таким образом, наилучшие возможности для урегулирования или разрешения конфликта представляются сторонам либо на мирной стадии с помощью средств правового или политического характера, либо на военной стадии, когда борьба завершается победой одной из сторон, либо по окончании послевоенного этапа, в результате которого закрепляется преобладание одной из сторон. Если же послевоенный этап не увенчался решением, может наступить новый цикл функционирования конфликта – его возвращение в любую стадию развития.

2. Особенности международных конфликтов на рубеже XX–XXI веков

В начале нового, XXI века мир столкнулся с множеством новых реальных угроз, начиная от термоядерной и экологической опасности и заканчивая агрессивным национализмом и международным терроризмом. Круг проблем, обращенных напрямую к политической власти, многократно расширился по сравнению с прошлыми веками. Резко возросло и число субъектов политики как внутри отдельных стран, так и на международной арене. Перспективы мирового развития, как и внутренней трансформации отдельных государств сегодня представляются гораздо более туманными, чем полтора десятилетия назад.

Стоит напомнить, что начало 90-х годов XX века ознаменовалось появлением теории, претендовавшей на статус научной парадигмы. Суть ее состояла в том, что конец “холодной войны” означал завершение широкомасштабного конфликта в глобальной политике и возникновение единого, относительно гармоничного мира. Наиболее ярко эта картина мира выразилась в тезисе о “конце истории” Ф. Фукуямы, трактовавшего конец истории как конечную точку идеологической эволюции человечества и универсализацию западной либеральной демократии как конечной формы человеческого правления. “Будущее посвящено не великим битвам

³ См.: Политическая конфликтология: Учебное пособие / Под ред. С. Ланцова. С. 167.

за идеи, но скорее решению приземленных экономических и технических проблем. И все это будет достаточно скучно”, – писал Ф. Фукуяма⁴.

Такое предвкушение эйфории было широко распространено; подобные взгляды развивали политики и многие выдающиеся представители интеллигенции. Берлинская стена была разрушена, коммунистические режимы в ЦВЕ и СССР потерпели крах, ООН было суждено приобрести новую, более важную роль. Более того, бывшие соперники времен “холодной войны”, в первую очередь, США и Россия стали вовлекаться в “партнерство” и “великую сделку”. Миролюбие и миротворчество стали чрезвычайно популярными понятиями.

Таким образом, момент эйфории по окончании “холодной войны” породил иллюзию гармонии, но вскоре выяснилось, что это была именно иллюзия. Мир действительно стал другим по сравнению с началом 90-х годов, но он не стал более мирным. Оказалось, что изменения были неизбежными, а прогресс – нет. Вместе с тем следует вспомнить, что подобные иллюзии гармонии ненадолго расцветали в конце каждого крупного конфликта в XX веке, однако первая мировая война породила сталинизм, фашизм и повернула вспять движение к демократии, длившееся целое столетие, а вторая мировая война породила “холодную войну”, ставшую по-настоящему глобальной.

Так же быстро развеялась и иллюзия гармонии, возникшая после окончания “холодной войны”. Этому способствовали многочисленные этнические конфликты и “этнические чистки”, нарушения закона и порядка, возникновение новых принципов альянса и конфликта между государствами, возрождение неонацистских движений, интенсификация революционного фундаментализма, неспособность ООН и США подавить кровавые локальные конфликты и т. д. “За пять лет после падения берлинской стены слово “геноцид” слышалось гораздо чаще, чем за любые пять лет “холодной войны”, – утверждает известный американский ученый

⁴ Цит. по: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003. С. 30.

С. Хантингтон⁵. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (СИПРИ), одного из ведущих международных центров, занимающихся анализом конфликтов, количество локальных и региональных конфликтов с применением насилия в мире возросло. Причем большинство из них оказалось либо в развивающихся странах, либо на территории бывших СССР и Югославии. Только на постсоветском пространстве имели место 164 территориально-этнических притязания, связанных с границами, из них 30 привели к той или иной форме вооруженных конфликтов⁶.

Эти события поставили очень серьезные вопросы перед конфликтологической теорией, в чем-то существенно поколебали оптимизм теоретиков. После кровавых этнических чисток в бывшей Югославии или кровопролитных этнических конфликтов на территории бывшего СССР было трудно поверить в то, что конфликт есть нормальное явление, да к тому же обладающее позитивными функциями. Вопрос о том, как примирить конфликтологическую теорию с мрачными постсоциалистическими реалиями, до сих пор остается без ответа.

Говоря о конфликтах конца XX – начала XXI века, остановимся на двух важнейших вопросах, имеющих не только теоретическое, но и практически-политическое значение:

1. Каковы основные причины современных конфликтов? Изменился ли их характер (и если да, то в чем это проявляется)?
2. Как можно предотвращать и регулировать вооруженные формы конфликтов в современных условиях?

Как известно, в конфликтологии существуют два основных парадигмальных подхода, предлагающих ответ на вопрос о причинах современных конфликтов. Структуралисты обращают внимание на структурные факторы, то есть социально-стратификационную структуру общества, уровень экономического развития, полиэтничность и т. д. Так, сегодня остро дает о себе знать неравномер-

⁵ См.: Хантингтон С. Указ. соч. С. 32.

⁶ См.: Там же. С. 38.

ность мирового экономического развития – наличие “зоны мира”, включающей в себя Запад и Японию (так называемый “золотой миллиард”) и “зоны беспорядка” – весь остальной мир (то есть менее обеспеченные в экономическом отношении страны). Мировому сообществу необходимо осознать, что страны 3-его мира все глубже погружаются в пучину нищеты, болезней, войн и тирании. В экономике с появлением крупных транснациональных предприятий и сопровождающих их финансовых рынков возникла новая производительная сила, многим приносящая благосостояние, но нуждающаяся в правилах игры, которые соответствовали бы радиусу действия новых экономических рынков. Пока таких правил нет, и в перспективе реальной становится война торговых гигантов как наихудшая из всех возможных реакций на распад старого порядка.

В военном плане исчезновение биполярности как определенной модели баланса сил привело к дестабилизации блоков НАТО и ОВД. Это означает, что затупился инструмент контроля над распространением ядерного оружия и технологий. В период “холодной войны” глобальное противостояние Востока и Запада до некоторой степени “сняло” конфликты более низкого уровня. Эти конфликты нередко использовались сверхдержавами в их военно-политическом противостоянии, хотя они старались держать их под контролем, опасаясь перерастания региональных конфликтов в глобальную войну. После распада биполярной структуры региональные и локальные конфликты в значительной степени “зажили своей жизнью”. Поэтому следует опасаться, что *сегодня вероятность ограниченных ядерных войн выше, чем когда-либо прежде.*

Из того же разряда явлений международный терроризм. Ни для кого не является секретом, что многие террористические группировки, причинившие немалый вред (например, Аль-Каида) создавались США в их борьбе против СССР, который, в свою очередь, тоже поддерживал определенные леворадикальные силы в их борьбе с проамериканскими правительствами (например, в Латинской Америке). После крушения СССР и распада биполярной структу-

ры мира международный терроризм вышел из-под контроля сверхдержав и “отправился в свободное плавание”, в том числе и к тем берегам, которые его породили.

Наконец, новую остроту приобрели проблемы окружающей среды и мир, возможно, стоит на грани того, чтобы сделать обитаемой планету, на которой мы живем. Помочь здесь могут лишь действия во всемирном масштабе, хотя достичь этого непросто: достаточно вспомнить судьбу Киотского протокола, который так до сих пор и не подписан, поскольку транснациональные и национальные монополии не хотят ограничивать объем вредных выбросов в атмосферу и оплачивать издержки по созданию разного рода очистных сооружений.

Другая группа причин – процедурные (то есть зависимые переменные) фиксирует политику, проводимую как участниками конфликта, так и третьей стороной; стратегии поведения конфликтантов, личностные особенности политических лидеров и т. д. Здесь очень важна субъективная составляющая конфликта, и в частности, *самоидентификация его участников.* Если в XIX и XX веках идентификация возникала преимущественно на государственной основе (человек видел себя прежде всего гражданином той или иной страны), то сейчас это, главным образом, *этническая* или *религиозная идентификация.* По мнению американского исследователя Дж. Л. Расмуссена, 2/3 конфликтов 1993 года можно определить именно как “конфликты идентичности”. Если учесть, что и в этнических и в религиозных конфликтах предметом спора являются не столько интересы, сколько *ценности*, разделяемые сторонами, то достижение компромиссов и соглашений оказывается очень трудным делом.

В целом же можно сказать, что главной причиной обвально-го роста конфликтности является *слаб международно-го порядка*, сделавшего страны всего мира беззащитными перед ветрами прямого применения силы. В результате мир возвращается от Канта к Гоббсу: *сила, а не право определяет происходящее между государствами.* “Каждый пытается реализовать свои интересы собственными силами, пусть даже и за счет другого”, – считает

Р. Дарендорф⁷. Таким образом, отныне мы живем в неустроенном мире, где доминирующую роль играет сила, то есть политический фактор. “Потребность во всемирных нормах редко бывала более очевидной, чем сегодня”⁸.

Международные процессы оказывают все более возрастающее воздействие на внутривнутриполитические трансформации. Ослабление национального государства, изменение его функций, невозможность в ряде случаев гарантировать безопасность, а с нею и идентификацию личности влекут за собой усиление неопределенности, развитие затяжных конфликтов, которые то затухают, то вспыхивают вновь. Во внутригосударственные конфликты вовлекаются сразу несколько участников со своими лидерами, структурной организацией и т. п., причем каждый из участников нередко выступает с собственными требованиями. Это крайне затрудняет регулирование конфликтов, поскольку предполагает достижение согласия сразу целого ряда их субъектов.

Кроме внутренних участников, на конфликтную ситуацию воздействует множество внешних факторов: государственных и негосударственных, например, организации, занятые оказанием гуманитарной помощи, розыском пропавших без вести в процессе конфликта, а также бизнес, СМИ и т. д. Влияние этих участников на конфликт нередко вносит элемент непредсказуемости в его развитие. Из-за своей многоплановости он приобретает характер “многоголовой гидры” и, как следствие, ведет к еще большему ослаблению государственного контроля. Конец XX – начало XXI века напоминает период средневековой раздробленности, “новое средневековье”, “грядущий хаос”.

Снижение управляемости конфликтами обусловлено и другими внутривнутригосударственными процессами. Так, регулярные войска, подготовленные к боевым действиям в межгосударственных конфликтах, с военной и психологической точек зрения плохо приспособлены к решению внутренних конфликтов (то есть военных

⁷ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. М., 2002. С. 161.

⁸ Там же. С. 163.

операций на своей территории) силовыми методами. В таких условиях армия нередко является деморализованной. В свою очередь общее ослабление государства ведет к ухудшению финансирования регулярных войск, что влечет опасность потери контроля уже за собственной армией.

Следует заметить, что в условиях внутреннего, особенно затяжного конфликта нередко ослабляется не только контроль над ситуацией со стороны центра, но и внутри самой периферии. Лидеры различных движений часто оказываются не в состоянии поддерживать дисциплину среди своих соратников; полевые командиры нередко выходят из-под контроля, совершая самостоятельные рейды и операции. Вооруженные силы распадаются на несколько отдельных групп, нередко конфликтующих друг с другом. Силы, вовлеченные во внутренние конфликты, часто оказываются настроенными экстремистски, что сопровождается стремлением идти до конца любой ценой ради достижения цели за счет ненужных жертв и лишений. Крайнее проявление фанатизма и экстремизма ведет к использованию террористических средств, захвату заложников, все чаще определяющих характер современных конфликтов.

В новых условиях конфликты приобретают качественно новый характер. Прежде всего, с мировой арены практически исчезли “классические” межгосударственные конфликты, типичные для государственно-центристской модели мира. Так, из 94 конфликтов, которые произошли в мире за период 1989–1994 годов только 4 можно считать межгосударственными. В 1999 году их было только 2 из 27. Таким образом, количество межгосударственных конфликтов на протяжении довольно длительного времени идет на убыль. Но здесь речь идет именно о “классических” межгосударственных конфликтах, когда обе стороны признают друг за другом статус государства. На смену межгосударственным конфликтам пришли внутренние конфликты, протекающие в рамках одного государства, но все больше приобретающие международную окраску. Это происходит вследствие процессов глобализации, усилившейся миграции и появления большого числа беженцев в других странах, а также вовлеченности в их урегулирование многих государств и международных организаций.

Среди современных конфликтов можно выделить четыре группы:

- конфликты между центральными властями и этнической (религиозной) группой (группами);
- конфликты между различными этническими или религиозными группами;
- конфликты между государством (государствами) и неправительственной (террористической) структурой;
- экстрасистемные конфликты, когда то или иное правительство действует за пределами собственной территории против другого правительства или неправительственной группы, которые также могут действовать на значительном удалении от их территории или основных баз.

Последнюю разновидность можно рассматривать как *новое издание колониальных войн*.

Таким образом, современные конфликты сложны, многообразны и характеризуются следующими *особенностями*:

- преимущественно внутрисистемный или экстрасистемный характер;
- потеря идентичности;
- множественность сторон, вовлеченных в конфликт и его урегулирование;
- значительная иррациональность поведения сторон;
- плохая управляемость;
- высокая степень информационной неопределенности;
- вовлечение в обсуждение ценностей (религиозных, этнических)⁹.

Так можно ли предотвращать и регулировать вооруженные формы конфликтов в современных условиях? Для ответа на этот вопрос необходимо вернуться к причинам, их порождающим, а если точнее, то к иерархии этих причин. В современной литературе о конфликтах наряду с хорошо известными и понятными причинами, такими как бедность, отсутствие у тех или иных больших общественных групп иных путей и способов решения их эконо-

⁹ См.: Лебедева М. М. Мировая политика. М., 2003. С. 194.

мических, политических, этнических или конфессиональных проблем и т. п., все чаще подчеркивается такая общая причина, как слабость и недееспособность государства. Как пишет американский ученый Т. Сейболт, экстрасистемные конфликты возникают из-за “плохих лидеров”, “слабых правительств”, негодных методов управления (фаворитизм, грабеж, насильственные захваты власти), а также из-за ничем не ограниченной – вплоть до гражданской войны – борьбы за власть в странах, где элиты заняты, прежде всего, самими собой¹⁰. Британский дипломат Р. Купер указывает на конфликтогенную угрозу, исходящую от недееспособного государства, чем бы ни определялась эта недееспособность: бедностью, внутренней борьбой, силой и влиянием организованной преступности, последствиями глобализации, совокупностью перечисленного или иными причинами. Но основные риски связаны не с излишком мощи (как опасались в XX веке), а с опасной слабостью многих государств, их неспособностью противостоять разрушающим силам и тенденциям.

Это же относится и к борьбе с международным терроризмом. Мало уничтожить его лидеров – могут появиться новые, еще более фанатичные. Мало запретить или разрушить организационные структуры – появятся новые. Но следует отчетливо понимать, что терроризм является следствием таких причин, как *несправедливость глобализации, неравномерность развития, цивилизационные противоречия и психологические травмы*.

Следовательно, преодоление и предотвращение насильственных конфликтов требует воздействия на весь комплекс их причин и следствий: и на макросоциальные, и на институциональные, и на личностные (персональные) причины. Наиболее долговременной по срокам является борьба с бедностью, гарантии экономического роста в мире. Нужны также стабильность и безопасность в отдельно взятых странах и регионах, мире в целом: совокупность этих условий сможет поддерживать необходимые перемены там, где процесс изменений уже запущен или назрел.

¹⁰ См.: Косолапов Н. Рецензия на книгу: Conflicts in the 21 Century / Lucia Annunziata, Marta Dassu // Pro et Contra. 2002. № 3. Т. 7. С. 213.

Но если порядок необходим на уровне отдельного государства, то еще больше потребность в нем на международном уровне. Как известно, большое значение процедурам и методам урегулирования конфликтов придает ООН. Ее активность в области урегулирования и профилактики открытых форм конфликтов в начале 1990-х годов усилилась, а численность миссий по поддержанию мира существенно возросла. За деятельность в этой области ООН и ее Генеральному секретарю Кофи Аннну была вручена Нобелевская премия мира 2001 года. Поскольку конфликты создают серьезную угрозу региональной безопасности, их урегулирование находится также в центре внимания региональных межправительственных организаций, в том числе ОБСЕ, ОАЕ и т. д.

В последнее время, правда, исследователи отмечают тревожную тенденцию снижения роли ООН, международного права в урегулировании многих опасных конфликтов. Появилась даже теория “нового типа колониализма”, служащего заслоном на пути хаоса и варварства, причем ответ на этот вызов призваны дать, прежде всего, США и ЕС, а вовсе не Организация Объединенных Наций. Однако, как показывают последние события в Ираке, даже объединенные силы антитеррористической коалиции из 33 государств во главе с США не в состоянии решить проблему достижения политического урегулирования в этой стране. Еще сложнее обеспечить стабильность в регионе Ближнего и Среднего Востока, поскольку ключ к ней находится в руках Израиля и Палестины. Отсюда ставка на утверждение господства единственной сверхдержавы как гаранта мира совершенно бесперспективна, она уже сегодня вызывает новые волны экстремизма и терроризма. Выход – в *объединении* всех легитимных государств, согласных действовать сообща против новых вызовов и общих угроз и устранять не следствия, а причины. Это позволило бы ограничить военно-политическое манипулирование конфликтами и расширило бы политический потенциал и перспективы институционализированных конфликтов, вписанных в существующие механизмы и процедуры мировой политики (превентивная дипломатия, сохранение или восстановление мира).

Вместе с тем сказанное не означает, что структуры ООН должны оставаться неизменными. Очевидно, что нынешний состав Совета Безопасности нуждается в расширении, поскольку целый ряд государств имеют все основания войти в него (например, Индия, Бразилия, Германия и Япония, давно пытающиеся поставить этот вопрос в практическую плоскость). Заслуживает внимания идея *С. Хантингтона* о ведущих (стержневых) государствах, которые могли бы контролировать действия на мировой арене цивилизационно близких партнеров или идея *А. Этциони* о региональных блоках, которые могли бы играть более весомую роль не только на региональном, но и на глобальном уровне мировой политики.

Задача сохранения международного мира является одной из самых главных задач мирового сообщества. До сего дня международные конфликты разрешались преимущественно с помощью войн. Так, за последние 55 веков человечество жило в мире всего 300 лет. На протяжении этих веков произошло 14,5 тысяч войн, включая две мировые войны (1914–1918 и 1939–1945 годы), в которых погибли 3,6 млрд человек. За последние 40 послевоенных лет мировое сообщество ввергалось в войны 250 раз, всего в этих войнах участвовало 90 государств, а их совокупные потери составили более 35 млн. человек. Гейдельбергский институт исследования конфликтов в 2007 году насчитал в мире 328 конфликтов, 31 из которых носили насильственный характер. В его бюллетене “Барометр конфликтов – 2007” отмечается, что “бесперывный приток иностранного оружия содействует насилию и затрудняет поиск мирных решений”¹¹. Так, в Африке зафиксировано 95 % всего задействованного оружия и боеприпасов неафриканского производства. Торговля оружием в мире вновь достигла объема времен “холодной войны”. Отсюда печально известный афоризм “история человечества – это история войн”, который заставляет задуматься над природой и содержанием международной политики, поскольку она существенно влияет на внутреннюю политику государств.

¹¹ Григорьев Г. Много проблем помимо Кавказа // Независимая газета. 2008. 17 сент. С. 9.

3. Способы урегулирования международных конфликтов

По мере роста системности и активности международного сообщества в ходе глобализации мировых социальных отношений все большее развитие получает практика международного вмешательства в конфликты между государствами (а также конфликты между различными силами внутри государств) с целью их предотвращения, смягчения, разрешения, ликвидации их последствий.

Такое вмешательство может носить разноплановый характер. И методологически, и с точки зрения практической политики весьма непросто провести грань между вмешательством в конфликты внешних сил (государств, коалиций, международных объединений) ради реализации собственных интересов *в качестве новых сторон конфликта*, с одной стороны, и относительно беспристрастным вмешательством ради восстановления международной стабильности и мира – с другой. Становление системы ООН и региональных межгосударственных объединений в период после Второй мировой войны привело к относительной легитимизации определенных типов действий международного сообщества в конфликтах – действий, получивших собирательное название миротворческой деятельности¹².

Существующие определения *миротворческой деятельности* могут быть систематизированы в четыре основные группы:

- правовые (прежде всего – международно-правовые);
- функциональные (политические, дипломатические, конфликтологические и др.);
- военные (военно-оперативные, военно-технические);
- идеологические (те или иные трактовки миротворчества, вписывающие их в контекст интересов какой-либо конкретной политической силы, отдельной державы, политической кампании).

Классические международно-правовые подходы относят понятие миротворческой деятельности международных организаций исключительно к действиям ООН. Непосредственно в кругах ООН

¹² См.: Никитин А. И. Международные конфликты и их урегулирование // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. Ежегодник 2005. М.: Рос. полит. энцикл. 2006. С. 99–100.

(в документах Департамента миротворческих операций) деятельность по поддержанию мира (“peacekeeping”) определяется как “деятельность с привлечением гражданского и военного персонала, но без полномочий осуществления принудительных действий, предпринимаемых ООН в целях оказания помощи в поддержании или восстановлении международного мира и безопасности в регионе конфликта”¹³. В последние десятилетия отмечается тенденция относить миротворческие операции не только к “классическим” межгосударственным конфликтам, но и конфликтам внутренним, немежгосударственным. В то же время здесь грань миротворчества, отделяющего его от иных типов действий ООН, определяется “согласием конфликтующих сторон”. При таком традиционном “чистом” международно-правовом подходе всякие действия, производимые без или вне явно закрепленного в договоренностях согласия конфликтующих сторон оказываются вовсе за пределами миротворчества. Любые силовые акции в соответствии с VII главой Устава ООН (например, действия против режимов в Афганистане и Ираке) при этом трактуются не как миротворческие, а как коллективные *военные действия* (война) международного сообщества (олицетворяемого ООН или коалицией стран) против нарушившего нормы международного права (совершившего агрессию) государства. Однако такой подход оказался не вполне адекватным по мере нарастания тенденции вмешательства ООН не только в межгосударственные, но и во внутренние конфликты, угрожающие международному миру и безопасности.

На протяжении 1990-х годов и первого десятилетия XXI века дебаты об определении и типологизации миротворчества вышли из “коридоров” ООН в более широкий контекст, поскольку многие международные организации стали вовлекаться в практику международного вмешательства в конфликты. В определении миротворчества, принятом с 1994 года в НАТО, уже отсутствует вовсе упоминание о таком условии, как согласие всех конфликтующих сторон на операцию. **Миротворческие операции** определяются

¹³ “Голубые каски”: Обзор операций ООН по поддержанию мира / Департамент общественной информации ООН. Нью-Йорк, 1990. С. 4.

как “сдерживание, ограничение, и/или прекращение враждебных действий между государствами или внутри государства посредством вмешательства нейтральной международной “третьей силы”, с использованием военного и гражданского персонала для оказания содействия политическому процессу разрешения конфликта, восстановления и сохранения мира”¹⁴.

В политико-академических кругах не прекращаются дебаты, является ли согласие сторон конфликта на международное вмешательство внешней гранью, отделяющей миротворчество как легитимное вмешательство от иных (чаще всего нелегитимных) форм вмешательства, или такое согласие лишь внутренняя грань между разными типами миротворческих операций, и тогда насильственное установление мира должно рассматриваться как часть миротворческой практики. Все 1990-е годы, особенно развитие серии операций в бывшей Югославии, а также действия против талибов в Афганистане и режима С. Хусейна в Ираке в первые годы XXI века прошли под знаком того, что международное сообщество может и должно вмешиваться и восстанавливать мир, “навязывать мир”, в том числе и силовыми средствами, если разгоревшийся конфликт настолько серьезен, что угрожает международному миру и безопасности.

Существует множество подходов к типологии мирных операций ООН по урегулированию международных конфликтов. Одной из наиболее признанных является типология профессора Университета Вирджинии **М. Нордквиста**. Он, в отличие от многих других американских авторов, является сторонником строгого ограничения операций рамками мандата ООН и выделяет **четыре типа традиционных форм миротворчества**.

1. Наблюдательные миссии. Их задача – наблюдать, устанавливать факты, контролировать выполнение соглашений, проверять, докладывать. Как правило, участники таких операций вообще не вооружены, но в отдельных случаях располагают базовыми средствами самообороны. Типичные задачи таких операций: наблюдение за соблюдением прекращения огня и демаркационных линий,

¹⁴ Цит. по: *Никитин А. И.* Указ. соч. С. 103.

границ; подтверждение вывода или разоружения вооруженных формирований; мониторинг назревающих военных конфликтов; наблюдение за соблюдением прав человека и их нарушениями; наблюдательные миссии в ходе организации выборов; а также контроль соблюдения любых политических договоренностей и соглашений между сторонами конфликта.

2. Межпозиционные (разделительные) операции. Их задача – развести конфликтующие стороны. Чаще всего подобные операции применяются непосредственно после этапа вооруженной борьбы, поэтому миротворцы должны быть вооружены и по-военному организованы. Для таких операций обычно используются регулярные части и соединения, которые вводятся в “буферную зону” или “зону безопасности” между враждующими группировками. Поскольку задача разъединения должна быть решена быстро, нередко используются десантные войска. Разъединение позволяет резко снизить вероятность инцидентов вооруженной борьбы и создает благоприятные условия для переговоров сторон. Если переговоры удаются, разъединительная операция переходит в наблюдательную операцию.

3. Операции поддержки порядка в условиях переходных периодов. Это группа операций, предназначенных для стабилизации ситуации в период социальных катаклизмов, гражданских войн и постконфликтных периодов возвращения к нормальной мирной жизни. Нередко такие операции проводят полицейские, а не армейские силы. Их типовые задачи: контроль над действиями (и, возможно, разоружение) народных ополчений, добровольческих вооруженных формирований; сбор и конфискация оружия у населения; ликвидация незаконных арсеналов и складов оружия; организация институтов временного или постоянного гражданского управления; гуманитарная и экономическая помощь пострадавшим регионам; работа с беженцами; общее патрулирование и поддержание закона и порядка на ранее охваченных конфликтом территориях.

4. Предупредительное развертывание. Развертывание международных сил в районе потенциального конфликта применяется по

просьбе правительства страны в целях предотвращения перехода конфликта в стадию вооруженных столкновений. В связи с тем, что международные войска вводятся не вопреки, а в соответствии с политической волей государства, это – легитимное вмешательство. Разновидностью превентивного развертывания является *демонстрация силы*, которая призвана подтолкнуть стороны к переговорам, поскольку станет ясна бесперспективность военной победы любой из сторон. Если речь идет о назревающем конфликте двух государств, то может производиться развертывание международных сил по обе стороны от границы¹⁵.

Тенденцией миротворческих операций последнего десятилетия, как в мире в целом, так и в СНГ, в частности, является вовлечение в операцию регулярных воинских частей и соединений со штатской структурой и тяжелой боевой техникой, приданым усилением, средствами разведки, электронной борьбы, военно-воздушными и военно-морскими компонентами. Все это было абсолютно не характерным для классических операций ООН прежних десятилетий. Но это не означает, что произошел общий сдвиг в сторону принудительных операций по установлению мира. Этот означает нарастание силовых, насильственных элементов, но далеко не все операции, в которые вовлечены войска с тяжелым вооружением, проводятся в формате принуждения вопреки политической воле сторон. Однако за годы холодной войны мир (особенно развивающиеся страны) наполнился легким стрелковым и тяжелым современным оружием, терроризм и несанкционированные военные формирования приобрели расширенные масштабы, и региональные конфликты стали все более интенсивными и кровопролитными. Негосударственные субъекты конфликтов (этнические группы, сепаратистски настроенные регионы и пр.) приобрели возможности и навыки вооруженной борьбы, ранее доступные лишь государствам. В результате противостояние международного сообщества таким конфликтам неизбежно приобретает характер все более серьезных военных задач, требующих насильственных действий, вооруженной борьбы и военного профессионализма.

¹⁵ См.: Никитин А. И. Указ. соч. С. 111–112.

Можно утверждать, что распространение и развитие миротворческих операций есть одно из проявлений, форм глобализации международных отношений. В глобализирующемся мире растет доверие к действиям мирового сообщества, коллективные действия государств признаются более оправданными и значимыми, чем индивидуальная позиция отдельных стран. **Миротворческие операции есть форма доминирования коллективной воли мирового сообщества над политической волей отдельных государственных и внутригосударственных субъектов политического процесса.** В этом плане рост числа региональных и коалиционных операций в 1990-х годах и первом десятилетии XXI века (после высокой “востребованности” операций ООН в первой половине 90-х годов) может рассматриваться как симптом некоторого замедления, “пробуксовывания” тенденций глобализации, реакция на встречную тенденцию суверенизации государств¹⁶.

Немаловажен вопрос о том, кто же именно (реально) принимает решения от имени мирового сообщества. В период холодной войны, когда Совет Безопасности ООН (да и весь состав государств-членов) был “расколот” на два лагеря, решение вопросов о миротворческих операциях осуществлялось то в Генеральной Ассамблее (если группа западных стран хотела обойти вето СССР и Китая), то в Совете Безопасности (если его постоянные члены достигали предварительного согласия и обходились без апелляции к группам “своих” сторонников среди рядовых членов ООН). По Уставу ООН, вопросы разрешения конфликтов между ее членами относятся к прерогативам Совета Безопасности. Такой механизм эффективен, но далек от демократизма. Фактически, абсолютное большинство стран-членов мирового сообщества уже по уставным правилам отеснены от механизма обсуждения региональных конфликтов, не говоря уже о принятии решений в отношении этих конфликтов. В истории голосований в Совете Безопасности ООН известны случаи, когда проведенные решения “великих держав” не соответствовали позиции значительного числа развивающихся стран, и тем не менее выполнялись как “воля мирового сообщества”.

¹⁶ См.: Никитин А. И. Указ. соч. С. 118.

Проблема, кто же адекватно представляет интересы мирового сообщества, усложняется также в результате механизма делегирования полномочий по проведению миротворческих операций коалициям держав, отдельным странам-лидерам или межгосударственным союзам. Неоднократно в силу недостатка собранных “под флаги ООН” сил и средств практическое проведение миротворческих операций делегировалось коалициям под руководством США (“Буря в пустыне”, Сомали, Ливан, Афганистан), Австралии (Восточный Тимор) или НАТО (Босния, Македония, Албания, Федеративная Республика Югославия). В таких случаях за ООН остается лишь самое общее политическое определение целей операции, в то время как все текущее практическое руководство и военное командование переходит на уровень государственных или союзных структур. В результате по мандату и от имени “мирового сообщества” начинает практически выступать и действовать Пентагон или штаб НАТО в Монсе (Бельгия).

Вопрос о субъекте миротворческой деятельности связан с такими параметрами конфликта, как *определение его характера, масштабов и необходимой степени вмешательства в конфликт*. Субъект миротворческой деятельности берет на себя непростое (и не всегда очевидное) решение, в какой момент вмешательство в конфликт становится абсолютно необходимым. Определяя мандат и план операции, субъект операции также должен сформировать понимание, кто входит и кто не входит в *стороны конфликта* (особенно, если конфликт многосторонний). От этого зависят конкретные силовые действия в отношении людей, организаций и социально-политических сил. Наконец, субъект миротворческих действий должен определить, какова *политическая цель* операции. Иногда достаточно возвращения к status quo, но часто это невозможно (или приведет к возобновлению, повторению конфликта), поэтому понимание и формулировка целей вмешательства в конфликт уже должны имплицитно содержать хотя бы в общих чертах контуры, план будущего политического урегулирования.

Задача многих миротворческих операций формулируется скромнее, чем обеспечение мира: это прекращение стадии воору-

женного насилия, обеспечение временного перемирия, слежение за прекращением огня, создание начальных условий для переговоров сторон.

Как известно, не всякая международная организация берется одновременно за военный и политико-дипломатический (примиренческий) компонент операций. НАТО и Европейский Союз (ЕС), например, неоднократно подчеркивали, что их задачи ограничиваются военной стадией операции, а налаживание диалога, постконфликтное урегулирование – это задачи для представителей ООН и ОБСЕ.

Подобное “разделение труда” наметилось и в операциях с участием СНГ: многосторонние институты СНГ (Советы глав государств, министров иностранных дел и обороны, Исполком) не стали реальными посредниками в переговорах по конфликтам на территории СНГ. Частично эти функции были выполнены российской дипломатией, частично – специально созданными многосторонними структурами типа Объединенной контрольной комиссии, институционально не связанными с СНГ.

Выполнение военных задач по пресечению, “замораживанию” конфликта и политико-дипломатических задач по согласованию глубинных долгосрочных интересов сторон, как правило, недостижимо в рамках одной и той же операции. Более того, политически вредным, контрпродуктивным может оказаться перекладывание политических задач создания устойчивого мира в конфликтном регионе и согласования интересов сторон на плечи военных. *Недопустимы разрыв, несогласованность между военной и политической сторонами урегулирования*. Военная операция без понимания перспектив и хотя бы общей конфигурации политического урегулирования опасна. А дипломатическая активность (“бумажные соглашения”), не подкрепленная практическими шагами на “полевом” уровне, дискредитирует мирный процесс и доверие к посреднику-миротворцу.

Между тем и опыт операций в бывшей Югославии, и опыт СНГ показывает, что наиболее типичной является ситуация хронического отставания политического урегулирования от военной

фазы операции. Миротворческие контингенты, как правило, относительно быстро выполняют функцию “замораживания” ситуации, разъединяют враждующие стороны. Однако политическое договоренности о новом “мироустройстве”, об условиях более длительного восстановления мира затягиваются на многие месяцы и годы, и военные вынуждены, в отсутствие согласованного рецепта “позитивного” мира, подолгу поддерживать “негативный” мир (в форме временного, не устраивающего, в конечном счете, ни ту, ни другую сторону перемирия). При этом возрастает значение того, на каком этапе и на каких условиях международное сообщество “заморозило” конфликт. Примирие может быть политически более или менее выгодным той или иной стороне.

Таким образом, миротворческое вмешательство в конфликт третьих сил может нести не только примирение, но и приближать или отдалять реализацию политических целей той или иной стороны конфликта. Разумеется, тем самым произвольно или произвольно несколько нарушается принцип невмешательства, равноудаленности миротворцев от сторон конфликта. Но такое нарушение объективно неизбежно. В политической практике невозможно точно подгадать момент, когда вмешательство в конфликт и его “замораживание” не обеспечит преимуществ ни одной из сторон, будет им равно невыгодно или равно выгодно. Когда стоит задача прекращения кровопролития, миротворцы не могут ждать, пока одна из сторон “для баланса” возьмет еще один населенный пункт или отступит на невыгодные позиции.

Концепция урегулирования конфликтов путем миротворческих действий международных организаций тесно связана с *концепцией “кризисного реагирования”*. Миротворческие операции можно считать “пожарным” реагированием, которое бывает быстрым, но не всегда согласованным и стратегически выстроенным. Недаром потенциальные силы ООН для миротворческих операций голландские дипломаты предлагают назвать “силами быстрого развертывания”. Предполагается, что вслед за быстрым “десантом” миротворцев, как и в обычных военных операциях за “силами быстрого развертывания”, выдвинутся “основные силы”: в данном

случае это дипломаты, международные организации, неправительственные организации, общественность, СМИ. Задачи кризисного реагирования заключаются в быстрой и адекватной оценке ситуации (причем скорее в операциональной оценке текущей стадии конфликта, чем в поиске и анализе его глубинных корней), скором оперативном принятии решения на основе этой оценки (методом выбора и адаптирования варианта из заранее заготовленных “полуфабрикатов” решений). Затем наступает этап оперативных действий, единственная задача которых – вернуть ситуацию в некризисное состояние, “заморозить” взрывоопасные тенденции, дать политикам время и возможности для принятия последующих решений уже в некризисном режиме. На этом задача кризисного реагирования заканчивается. Последующие действия (урегулирование, долгосрочные соглашения, ликвидация последствий кризиса) лежат уже в иной плоскости, осуществляются иными силами и средствами.

Аналогичным образом, распространенный подход к миротворческим технологиям трактует их как действия международного сообщества по срочному кризисному реагированию на локальные и региональные, международные и немеждународные конфликты. При этом *кризисность* (перерыв постепенности, выход за рамки обычных условий, критериев и принципов) оправдывает чрезвычайный характер мер (например, заведомое нарушение ряда параметров суверенитета государства, на чьей территории разгорелся конфликт). Жесткое давление *временного фактора* (быстрое развитие и смена ситуации) заставляет заменить долгосрочные и многосложные демократические процедуры более эффективными “сокращенными” (например, вместо общей дискуссии и голосования на Генеральной Ассамблее ООН с участием всех членов международного сообщества принимать решение о действиях от имени этого сообщества на закрытом заседании Совета Безопасности ООН).

В то же время концепция миротворческих действий международных организаций идет дальше идеи “кризисного реагирования” и включает, во-первых, заметный компонент предотвращения назревающих конфликтов, а во-вторых, развивает арсенал миро-

творческих действий за пределы “точки замораживания” кризиса. Речь идет о компонентах операций и целых операциях по постконфликтному восстановлению мирной инфраструктуры (например, организации и проведению первых постконфликтных демократических выборов). Положительными примерами в этом отношении являются специальные операции по обеспечению демократических постконфликтных выборов в Кампучии, на Гаити, в Боснии, Афганистане.

Таким образом, можно выявить два подхода к трактовке и анализу урегулирования международных конфликтов. Первый, глобалистский подход признает первенство международного права, “операций по правилам”, рассматривает нарушение ценностей и принципов демократии, прав человека, повышенный уровень этнической и социальной конфликтности (этнические распри и гражданские войны) как достаточное основание для вмешательства мирового сообщества, как “старшего брата” по отношению к государствам, правительствам, политическим силам – нарушителям.

Другой, реалистский подход к международным конфликтам ставит интересы держав выше принципов и всегда находит “лазейки” в праве, позволяющие обосновать интервенционизм. Все, что происходит “за забором” государственного суверенитета (в том числе внутренние этнические и социальные столкновения, выбор демократических или авторитарных режимов и пр.), здесь рассматривается как сугубо внутреннее дело государств. Абстрактными разговорами о ценностях, считают “реалисты”, еще нельзя обосновать введение войск, тем более что трактовка этих ценностей весьма субъективна. А вот если разрушается вертикаль государственной власти, наступает внутренний “беспредел”, гражданская война “всех против всех”, а тем более если конфликт “выплескивается” на соседние государства (беженцы, терроризм, разрыв коммуникаций и т. д.), тогда другим государствам пора вмешиваться. Возможно и вмешательство при “живом” правительстве, в частности, в тех случаях, когда конфликт двух государств или внутри государств становится угрозой не только их населению, но и всему региону или международному миру и безопасности.

Идеологическая функция концепций “международного миротворчества” состоит в легитимизации разноплановых операций, придании всем этим разнородным военно-политическим и дипломатическим действиям статуса оправданных действий мирового или регионального сообщества. На деле ряд действий в отношении конфликтов отражает, скорее, сепаратные интересы отдельных вовлеченных государств, групп государств и политических элит, нежели мирового или даже регионального сообщества наций.

Мировое сообщество вмешивается далеко не во все конфликты, объективно требующие помощи в разрешении. Вмешательство избирательно, и критерии выбора прагматичны. Геополитические, экономические и иные интересы крупных держав и межгосударственных объединений проецируются в сферу миротворческой деятельности, переплетаются с “гуманитарными” мотивами, существенно влияют на характер, масштаб и направленность операций. Как и войны, миротворческие операции – это продолжение политики государств иными средствами.

В последнее десятилетие обозначилась тенденция к усилению роли региональных организаций в миротворчестве, в том числе в проведении миротворческих операций, как самостоятельных, так и в сотрудничестве с ООН. Ряд организаций, такие как ОБСЕ, НАТО, ЕС / ЗЕС, ОАЕ, АСЕАН, ОАГ, СНГ, ОДКБ, сформулировали собственные концепции миротворчества в конфликтных регионах и доктрины миротворческих операций, а большинство из упомянутых организаций и осуществили их на практике.

Контрольные вопросы

1. В чем специфика международных конфликтов? Каковы их причины?
2. Перечислите основные подходы к типологии международных конфликтов.
3. В чем особенности международных конфликтов на рубеже XX – XXI веков?
4. Каковы основные способы урегулирования международных конфликтов?

ЛИТЕРАТУРА

1. Европеизация и разрешение конфликтов : конкретные исследования европейской периферии [пер. с англ.] / Бруно Коппитерс, Майкл Эмерсон, Мишель Хейссен, Тамара Ковзиридзе, Гергана Нутчева, Натали Точи, Мариус Валь, с комментариями Нику Попеску, Гиа Нодия. – М., 2005. – 312 с.

2. *Зобнин А.* Политические консультации в международно-политическом дискурсе / А. Зобнин // Международные процессы. – 2007. – Т. 5. – № 2(14) май – авг. – С. 64–73.

3. *Лебедева М. М.* Политическое урегулирование конфликтов : подходы, решения, технологии / М. М. Лебедева. – М., 1997. – 272 с.

4. Международные отношения : теории, конфликты, организации / под ред. П. А. Цыганкова. – М., 2004. – 320 с.

5. Мировая политика и международные отношения : учебное пособие / под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. – СПб., 2007. – 448 с. (Глава VIII. Теоретические основы изучения и урегулирования международных конфликтов. – С. 143–152).

6. *Никитин А. И.* Международные конфликты и их урегулирование / А. И. Никитин // Мировая политика : проблемы теоретической идентификации и современного развития. Ежегодник 2005. – М., 2006. – С. 99–129.

7. *Панова В.* Современные западные исследования международного конфликта / В. Панова // Международные процессы. – 2005. – Т. 3. – № 2, май-авг. – С. 51–59.

8. Политическая конфликтология : учебное пособие / под ред. С. Ланцова. – СПб., 2008. – 319 с. (Часть II “Политическая конфликтология и проблемы международных отношений”).

9. Стабильность и конфликт в российском приграничье : этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе / отв. ред. В. И. Дятлов, С. В. Рязанцев. – М., 2005. – 344 с.

10. *Фельдман Д. М.* Конфликты в мировой политике / Д. М. Фельдман. – М., 1997. – 190 с.

11. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М., 2003. – 603 с.

12. *Dahrendorf R.* Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit für das 21. Jahrhundert. Band 3 / R. Dahrendorf. – München, 2003. – 157 s.

13. *Imbusch P., Zoll R.* (Hrsg.) Friedens- und Konfliktforschung: Eine Einführung. 4 überarbeitete Auflage. Lehrbuch / P. Imbusch, R. Zoll (Hrsg.). – Wiesbaden, 2006. – 581 s.

14. *Mitchell C. R.* The Structure of International Conflict / C. R. Mitchell. – London, 1981. – 355 p.

15. *Munkler H.* Der Wandel des Krieges. Von der Symmetrie zur Asymmetrie / H. Munkler. – Verbrück Wissenschaft Weilerwist, 2006. – 397 s.

16. *Munkler H.* Über den Krieg. Stationen der Kriegsgeschichte im Spiegel ihrer theoretischen Reflexion / H. Munkler. – Verbrück Wissenschaft, 2002. – 294 S.

МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Комплексный анализ политики предполагает ее изучение не только на национальном, но и на международном уровне. Выражению позиции государства на международной арене служит его внешняя политика. Она формируется под воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Да и в целом существует тесная взаимосвязь и взаимовлияние отношений, возникающих внутри отдельных обществ, и международных отношений.

1. Система международных отношений, ее структура и типы

Под международными отношениями обычно понимают системную совокупность политических, хозяйственно-экономических, научно-технических, валютно-финансовых, социальных, дипломатических, правовых, военных, гуманитарных и коммуникационных связей и отношений между всеми основными субъектами мирового сообщества.

Основными субъектами мирового сообщества и международного права выступают, прежде всего, государства; нации, борющиеся за независимость; государствовподобные формирования; международные организации.

Наиболее могущественными и организованными субъектами, сосредоточившими в своих руках основные средства воздействия на международную жизнь, являются государства. Именно через государство народы и нации организовано представляют свои интересы на мировой арене. Государства опосредуют и контролируют деятельность иных участников международных связей: административных единиц (области, края, регионы), общественных организаций, фирм, отдельных индивидов.

К ведущим субъектам международных отношений, непосредственно создаваемых государствами, относятся их международные политические (или военно-политические) организации. Среди них ООН, АСЕАН, Европейский Союз (ЕС), Лига арабских стран

(ЛАС), Организация американских государств (ОАГ), Организация Североатлантического договора (НАТО), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Содружество независимых государств (СНГ) и др.

К числу важных субъектов международных отношений относятся авторитетные международные общественные и профессиональные организации: Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Всемирная федерация профсоюзов (ВФП), Международная организация труда (МОТ), “Международная амнистия”, “Врачи без границ” и т. д.

В современных условиях проявляются объективные тенденции к расширению числа участников международных отношений. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, усиливается взаимозависимость между отдельными государствами и народами, в силу чего существенную роль на международной арене начинают играть не только государства, но и конкретные личности.

Во-вторых, возрастает значение норм международного права для мирового сообщества. Так, в пункте 4 статьи 15 Конституции РФ указывается, что “общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы”.

Международные отношения прошли длительный исторический путь и только в новейшее время стали подлинно всемирными. Процесс глобализации международных отношений развивался под воздействием таких факторов, как:

- поступательное развитие производительных сил и их интернационализация;
- мощные интеграционные процессы в социально-экономической, научно-технической, информационной и других сферах;
- выход на мировую арену новых государств, нуждающихся в координации усилий при решении глобальных и национальных проблем;
- невиданное расширение связей и контактов между людьми во всем мире и т. д.

В настоящее время международные отношения включают в себя одновременно как процессы расширения сотрудничества на основе взаимных интересов, так и соперничество и противоборство различных государств.

Миропорядку, установившемуся после окончания холодной войны, политики и эксперты предрекают скорый конец. Все увереннее говорят о грядущем переходе к многополярному миру, но при этом расходятся в сроках. Так, молодые лидеры, приглашенные в качестве экспертов Всемирного экономического форума, полагают, что многополярность станет реальностью к 2030 году, а бывший президент Польши Лех Валенса пророчит, что уже в ближайшие годы США утратят мировое лидерство, а их место займет Китай.

По большей части, тоска по многополярности вызвана раздражением от политики Соединенных Штатов, которые хозяйничают в мире, не считаясь с мнением других стран. Однако перспективы грядущего мироустройства все еще остаются туманными. Как должен быть устроен многополярный мир, сколько и каких нужно в нем полюсов – по всем этим вопросам нет единого мнения. Нет твердой уверенности в том, что предстоящая реформа межгосударственных отношений – например, появление новых постоянных членов Совета Безопасности ООН – поможет государствам договариваться друг с другом.

Совет Безопасности как механизм, позволяющий наложить запрет на те или иные решения, скорее обнажает противоречия, чем способствует их смягчению. Если правом вето будет наделено большее число стран, это, возможно, воспрепятствует излишне радикальным инициативам того или иного государства, но вряд ли приблизит человечество к разрешению локальных конфликтов и глобальных проблем. Возможно, в будущем соображения геополитического толка и отойдут на второй план, но сегодня они, как и прежде, определяют ход мировой политики. Государства не готовы строить отношения на какой-то иной – гуманитарной или моральной – основе и жертвовать национальными интересами во имя глобального блага. И никакие надвигающиеся угрозы – ни

климатическая, ни ядерная, ни террористическая – пока не способны подтолкнуть их к солидарным действиям в ущерб собственной непосредственной выгоде.

Опыт двух мировых войн и обладание ядерными арсеналами практически свели на нет вероятность войны между крупными державами. Но подобное “смягчение нравов” не означает смягчения противоречий. Напротив, развитие последнего времени, когда экономический успех позволил ряду стран возвыситься до уровня мощных держав, только усугубило разногласия. Внушительный и неуклонный рост Китая, значительные экономические достижения России вызывают обоснованные сомнения в том, что либеральное демократическое устройство является необходимым условием экономического роста. И если окажется, что Китай способен предложить более эффективный путь к успеху, чем Запад, и тем самым спор о выборе пути вновь приобретет право на существование, то и формирование гармоничного многополярного мира отодвинется на более далекую перспективу. Разумеется, речь идет о мироустройстве, в котором различные центры власти конструктивно решают общие проблемы на компромиссной основе.

Отсюда – истинная многополярность требует чего-то более содержательного, чем просто ограничение США. Последним, сохраняя лидерство, необходимо наладить конструктивное взаимодействие с другими государствами, в особенности с крупными державами.

Баланс сил между государствами меняется, и США перестают быть единоличным “хозяином” мира, но формирующаяся “многополярность” вовсе не означает, что в обозримой перспективе международные отношения станут более гармоничными, а мир – более безопасным. Возможно, для этого необходимо, чтобы в мире возросло влияние международных негосударственных организаций: правовых, гуманитарных, экологических и т. д. Сегодня этих организаций немало, но авторитет их невысок. Во всяком случае, когда их принципы противоречат интересам той или иной державы, последняя нередко игнорирует их мнение. Достаточно вспомнить категорический отказ США признать юрисдикцию Международ-

ного уголовного суда над своими военнослужащими, воюющими на чужой территории, или конфликт России с ОБСЕ по поводу международных наблюдателей на российских выборах.

По мнению американского политолога Роберта Кейгана, ощущение, будто мир изменился и международному соперничеству, геополитике и даже истории пришел конец, оказалось неверным. Политические амбиции и страсти, а также соперничество наций, как и раньше, определяет ход истории. «Да, мир пока остается «однополярным», а Соединенные Штаты – единственной сверхдержавой. Но международная конкуренция великих держав вновь обостряется: США, Россия, Китай, Европа, Япония, Индия, Иран, другие страны соперничают друг с другом за региональное господство. Гонка за престижем, статусом и влиянием в мире вновь начинает диктовать происходящее на международной арене. В идеологическом плане для нынешнего периода характерна отнюдь не конвергенция, а дивергенция. Конкуренция между либерализмом и абсолютизмом разгорается с новой силой, а идеологические расхождения между странами вовсе не изжили себя. Наконец, налицо раскол между современностью и традицией, и исламские фундаменталисты ожесточенно борются против развитых держав с их светской культурой, которая, как они считают, вторгается в исламский мир, нарушая его чистоту»¹. По мнению автора, баланс сил становится все сложнее, а ставки еще выше оттого, что вместе с возвращением амбициозных наций на международную арену возобновляется глобальное соперничество идеологий. Точнее сказать, борьба между политическим либерализмом и автократией, насчитывающая двести лет, возрождается в качестве определяющей черты современности. «В наши дни конкуренция между автократиями наряду с борьбой, которую ведет радикальный исламизм, пытающийся обеспечить благоприятные условия в мире для продвижения своей версии исламской теократии, становится определяющей чертой международных отношений»².

¹ Кейган Р. Конец иллюзий: история возвращается // Pro et contra. 2007. № 6 (39), нояб.– дек. С. 20.

² Там же. С. 33.

Международные отношения как совокупность интеграционных связей между государствами, межгосударственными организациями, партиями, частными лицами разных государств и есть та среда, где реализуются основные принципы внешней и международной политики и протекает мировой политический процесс.

2. Понятие и основные тенденции мирового политического процесса на современном этапе

Мировой политический процесс – это совокупная деятельность институциональных и многообразных неинституциональных субъектов международных отношений, взятых в развитии в пространстве и во времени, по осуществлению своих функций; это совокупность разнообразных политических процессов в современном мире. Это целенаправленная политическая деятельность субъектов международного права (государств, межправительственных и неправительственных организаций, союзов и т. д.), связанная с согласованием их интересов, с решением вопросов войны и мира, выживания всего человечества, обеспечения всеобщей безопасности и разоружения, предотвращения и урегулирования глобальных, региональных и национальных конфликтов, охраны окружающей среды, преодоления отсталости и нищеты, голода и болезней, решения других глобальных проблем человечества, создания справедливого порядка в мире.

Структуру мирового политического процесса составляют:

- внешнеполитическая деятельность национальных государств;
- глобальная деятельность Организации Объединенных Наций;
- деятельность международных союзов, организаций и учреждений, уполномоченных на то государствами и народами;
- политические акции региональных институтов, объединений, союзов.

Субъектами мирового политического процесса выступают народы, этносы, государства, цивилизации, международные организации, негосударственные объединения, общественные дви-

жения, ТНК, религиозные организации, политические и общественные лидеры. В структуре политического процесса важным элементом является политически значимая деятельность ООН и других международных организаций.

Международная политика, как и политика внутри отдельной страны, представляет собой соперничество за власть и властные ресурсы, принимающая зачастую весьма острые формы открытой борьбы. По мнению одного из виднейших теоретиков международных отношений Г. Моргентау, цели внешней политики любого государства должны определяться в терминах национального интереса и поддерживаться соответствующей силой. Г. Моргентау разработал концепцию национального интереса. Он определил понятие интереса при помощи категории власти. В его концепции понятие национального интереса состоит из трех элементов:

- природы интереса, который должен быть защищен;
- политического окружения, в котором действует интерес;
- рациональной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств для всех субъектов международной политики.

Внешняя политика независимого государства, по мнению Г. Моргентау, должна опираться на физическую, политическую и культурную реальность, помогающую осознать природу и сущность национального интереса. Такой реальностью выступает нация. Все нации мира на международной арене стремятся к удовлетворению своей первоочередной потребности, а именно потребности физического выживания. В мире, разделенном на блоки и союзы, где не прекращается борьба за власть и ресурсы, все нации стремятся к защите своей физической, политической и культурной идентичности перед лицом вторжения извне.

Национальный интерес представляет собой осознание и отражение в деятельности политических лидеров государства его коренных потребностей. Важным фактором обеспечения стабильности в мировой политике является достижение баланса сил и интересов.

К слагаемым силы субъектов мирового политического процесса (в первую очередь государств) относятся:

- их военная подготовка и организация;
- географическое положение;
- природные ресурсы;
- промышленный потенциал;
- численность населения;
- качество дипломатии и разведки;
- национальный характер и т. д.

Кроме государств, субъектами мирового политического процесса выступают народы, этносы, цивилизации, государства, международные организации, негосударственные образования, общественные движения, транснациональные корпорации, религиозные организации, политические и общественные лидеры, роль которых в последнее время заметно возрастает.

Исторически развитие политических процессов в мире прошло ряд этапов. Вначале они протекали как региональные и характеризовались наличием мощной сверхдержавы, которая доминировала в обширном регионе над сопредельными государствами (Древний Египет, Персия, Древний Китай, Древний Рим и т. д.). С середины XV века появляются первые элементы мирового политического взаимодействия (Договор между Испанией и Португалией о разделе сфер влияния от 1434 года). Позже возникает новая конфигурация политических сил в Европе, опирающаяся на формирующиеся национальные государства – так называемая Вестфальская система, возникшая после завершения 30-летней войны в Европе и просуществовавшая до Венского конгресса. Венский конгресс (1815 год) подвел черту под завоевательными походами Наполеона Бонапарта в Европе и ознаменовал создание новой системы международных отношений – системы “европейского концерта”. Пять монархий (Россия, Австрия, Пруссия, Франция и Англия) попытались создать регулируемую модель европейской политики, исключающую возможность резкого перераспределения могущества в пользу любого из этих государств. Усиление одной державы вызывало сближение остальных, требование “компенсирующих уступок”, силовые маневры и т. д. Роль главного “балансира” играла Великобритания, добившаяся наибольших успехов в мировых делах,

вследствие чего XIX век часто именуют на Западе “британским веком”. Отсутствие в Европе в течение целого столетия (1815–1914) крупных войн предопределяет интерес современных политологов к исследованию механизма “европейского концерта”. Однако его положительные оценки не означают, что эта модель может использоваться в наше время. Система Меттерниха – Бисмарка являлась столь эффективной ввиду особых причин. Она была, во-первых, идеологически однородной, и, во-вторых, число ее членов было строго ограниченным. В-третьих, международная политическая жизнь не была достоянием широких народных масс: главную роль в ней играли политические элиты. Сегодня все эти факторы отсутствуют. Более того, все сложнее становится достижение международного согласия по любой проблеме на любом форуме, поскольку разрыв в подходах между либеральными и авторитарными правительствами продолжает расширяться. Там, где идеологические разломы накладываются на противоречия, вызванные столкновением национальных амбиций, разногласия будут становиться все острее. В такой ситуации призывы к новому “концерту” наций, в рамках которого Россия, Китай, США, Европа и другие великие державы действовали бы в режиме своего рода международного кондоминиума, вряд ли будут услышаны. В первой половине XIX столетия “европейский концерт” руководствовался общей для всех входящих в него стран моралью и общими принципами государственного управления. Его целью было не только сохранение мира в Европе, но и – что еще важнее – поддержание монархического и аристократического порядка и его защиту от либеральных и радикальных вызовов, брошенных французской и американской революциями и их влиянием повсюду в Европе. Под натиском народного национализма, отчасти порожденного подъемом либерализма, этот “концерт” постепенно распался.

После Октября 1917 года и возникновения СССР, а затем и социалистической системы государств, мировой политический процесс детерминировался соперничеством между двумя общественными системами: капиталистической (во главе с США) и социалистической (во главе с СССР). Одновременно это было соперничество

двух великих держав, двух военных центров силы, основанных на различных принципах и ценностях. Биполярная структура мира (то есть наличие в нем двух вышеназванных полюсов) нередко создавала угрозы для безопасности и стабильности (например, в ходе Карибского кризиса), однако в целом удерживала мир от новой войны. Распад СССР в 1991 году создал ситуацию, когда в мире остался только один реальный центр силы – США. Самонадеянность силы привела к осуществлению многих рискованных военных операций – от Югославии до Афганистана и Ирака.

Современный мировой политический процесс характеризуется переходом от биполярного к многополюсному миру при сохранении доминирующих позиций США. В нем сегодня участвуют около 200 государств-членов ООН. Каковы характерные черты современного мирового политического процесса?

Во-первых, это наличие центра, в качестве которого выступает ООН; взаимодействие стран “восьмерки”; деятельность ведущих международных институтов и организаций; НАТО, МВФ и т. д.

Во-вторых, это выдвижение на передний план глобальных проблем современной цивилизации.

В-третьих, нарастание тенденций к сотрудничеству, взаимодействию и растущему разнообразию политического развития.

В-четвертых, расширение и обновление числа субъектов мирового политического процесса, повышение роли личности, ее прав, свобод и жизненных интересов в мировой политике.

В-пятых, наличие сложной совокупности базовых (центральных) и периферийных, транснациональных, региональных, национальных и локальных, цивилизационных и этнополитических процессов; противоречивое действие тенденций к “многополюсному” и “однополюсному” (с доминированием США) миру; коллизионное взаимодействие между основными международными центрами силы (США, Европа, Россия, Китай, Япония, Индия); противоречия между цивилизациями (Западной, Исламской, Индуистской, Конфуцианской, Православно-Славянской и т. д.).

В-шестых, многообразие социально-политических сил, средств, форм и методов реализации политики.

В-седьмых, наличие противоречивых тенденций: преемственности и новизны; унификации и разнообразия; стабильности и изменчивости; эволюционных и революционных начал; сознательности и стихийности и т. д.

В-восьмых, относительная самостоятельность мировой политики (при детерминации ее финансово-экономическими и культурными факторами).

Стремление осмыслить происходящие политические перемены в их целостности приводит исследователей ко все более широкому использованию таких понятий, как “глобальность” и “глобализация”. Однако подходы представителей различных теоретических направлений к оценке этих понятий, а также отражаемого ими феномена роста взаимозависимости значительно расходятся. Их интерпретации варьируются в зависимости от теоретических представлений.

Так, неореалисты (К. Уолц, Р. Гилпин) считают, что решающее влияние на эволюцию международных отношений остается за государством. При этом главным следствием усиления взаимозависимости, по их мнению, будет формирование глобальной международной системы как “равнодействующей поведения составляющих их элементов, каждый из которых руководствуется при этом собственной выгодой” (Вальц, 1979). Реалистический дискурс и сегодня остается на вооружении политических деятелей. Главная причина этого в том, что политический реализм лучше всего способствует мобилизации “национального” общественного мнения в пользу “своего” правительства, постулируя, что именно оно защищает “национальный” интерес. Это не только укрепляет существующую власть, но и способствует усилению национального единства перед лицом внутренних противоречий. В этом смысле “глобальная система” предстает как более или менее структурированная совокупность государств и созданных ими межправительственных организаций, призванная управлять противоречиями.

Однако сегодня: с массовым выходом на политическую сцену влиятельных транснациональных (или, иначе говоря, негосударственных) акторов, растущим политическим значением информа-

ционных технологий, новейших средств связи и коммуникации, возникновением нового поколения конфликтов – строгие системные объяснения, основанные на государствах и их силовом потенциале, сталкиваются с непреодолимыми трудностями.

Отсюда другой подход к международным отношениям – подход сторонников концепции транснационализма. По их мнению, в основе глобальных процессов лежит взаимозависимость, которая подрывает монополию государств (прежде всего, великих держав как вершителей судеб мировой политики), в размывании таких прежде незыблемых устоев, как государственный суверенитет, нерушимость границ, национальная безопасность и т. д. Эта позиция была развита в работах известного теоретика международных отношений Дж. Розенау. С его точки зрения, любая совокупность взаимодействий, способствующая (пусть даже чисто теоретически) распространению интересов той или иной социальной группы за пределы границ данного государства, является источником глобализации. Таким образом, глобализация политики – это такое сочетание взаимодействий внутри- и внешнеполитического характера, которое имеет тенденцию неограниченного распространения, преодоления границ национальных государств, нарушения их территориального суверенитета³.

Обобщая имеющиеся точки зрения и наиболее распространенные позиции, можно выделить следующие глобализационные тенденции.

Во-первых, тенденция к размыванию границ между внутренней и внешней политикой. Некоторые авторы (Кохан) говорят даже о прогрессирующей проницаемости границ между внутренней и внешней политикой. Иными словами, для выработки внешнеполитической линии и оценки международной ситуации принципиально важной является внутренняя политика, внутреннее положение дел в стране. Речь идет, таким образом, об интернационализации политики. Наиболее явно это проявляется, с одной стороны, в международно-политической активности регионов и других субъектов федеративных государств, устанавливающих связи с пригра-

³ См.: Международные отношения: социологические подходы. М., 1998. С. 21.

ничными регионами соседних стран, а иногда и с иностранными государствами в целом. С другой стороны, это проявляется в непосредственном влиянии международной жизни на внутривнутриполитические процессы в том или ином государстве.

Во-вторых, демократизация как международных, так и внутривнутриполитических отношений. Она наблюдается практически во всех странах независимо от господствующего в них типа политического режима. С окончанием холодной войны даже в условиях самых авторитарных политических режимов значительно сузились возможности скрывать, а тем более легитимировать нарушения государством личной свободы граждан, их естественных и политических прав. Всемирное распространение получает такое явление как прогрессирующая политизация масс, то есть их возрастающие требования доступа к информации; участия в принятии касающихся их решений; в улучшении своего материального благосостояния и качества жизни и т. д.

Признаками повседневной жизни людей во всем мире стали достижения постиндустриальной революции: спутниковая связь и кабельное телевидение, телефаксы и электронная почта, глобальная сеть ИНТЕРНЕТ, объединяющая более 50 млн человек во всех странах и обеспечивающая мгновенное распространение и получение необходимой информации по всем вопросам. В результате разработка и реализация внешнеполитических установок перестают быть уделом узкой группы специального государственного ведомства (МИДа), и становятся достоянием совокупности различных институтов — как правительственных, так и “независимых”, как политического, так и непolitического характера. Это оказывает глубокое воздействие на политические отношения с точки зрения круга их непосредственных участников.

Отсюда — третья глобальная политическая тенденция — расширение состава и рост многообразия политических акторов. Только за последние полвека количество государств-членов мирового сообщества возросло с 60 до 200. Одновременно с количественным ростом увеличивается и иерархия между государствами: если в идеологическом плане структура мировой межгосударственной

системы становится более однородной (по сравнению с эпохой “холодной войны”), то в плане социально-экономическом и военно-политическом наблюдается совершенно иная картина. Усиливается разрыв в уровнях экономического развития, материального благополучия и качества жизни между богатыми и бедными странами, между Севером и Югом. К бедному Югу теперь относятся и многие бывшие социалистические страны. Кроме этого, сегодня в мировой политике наряду с государствами активно участвуют и другие действующие лица: региональные администрации, сепаратистские и ирредентистские силы, религиозные движения, независимые профсоюзы, экологические партии, ТНК, политические объединения — то есть все, кто способен оказывать непосредственное влияние на ход событий, не оглядываясь на национальные правительства. Они оказывают давление на мировую политику и способствуют усложнению ее структуры. Как подчеркивает Дж. Розенау, возникают контуры новой, “постмеждународной политики”, которую можно охарактеризовать тремя параметрами:

— макропараметр (или структурный уровень), где наряду с государственными взаимодействиями возникает второй, полицентричный мир — мир “акторов вне суверенитета”, в котором действуют принципиально иные, неизвестные или же мало распространенные прежде связи и отношения;

— микропараметр, то есть система взаимодействий индивида с миром политики: лояльность индивида его идентификационной (референтной) группе; мера подчинения власти; возросшая способность к анализу международных отношений и эмоциональный вклад в мировую политику;

— реляционный параметр (параметр властных отношений), характеризующийся, главным образом, снижением эффективных компетенций правительств, эрозией традиционных международных авторитетов (Розенау).

Четвертая политическая тенденция, имеющая глобальный характер, касается изменений в содержании угроз международному миру и расширения понятия безопасности. Как подчеркивает Дж. Розенау, мир “постмеждународной политики характеризуется ха-

отичностью и непредсказуемостью, искажением идентичности, переориентацией традиционных связей авторитета и лояльностей, смешением локального и глобального. Это легло в основу созданных Д. Розенау концепций “глокализации” и “фрагментеграции”, от которых по его мнению, исходят сегодня наиболее опасные вызовы и угрозы. “Нам следует более внимательно относиться к потенциальным конфликтам, возникающим при соприкосновении локального и глобального”⁴, – считает ученый. Возросшее число участников вносит в систему международных отношений большую неуверенность, связанную с чрезвычайно широкой палитрой интересов, стремлений и целей, с вытекающей из этого труднопредсказуемостью мотиваций и последствий различных вариантов их поведения.

При этом новые проблемы наложились на старые. К угрозам стратегического характера, вытекающим из частичной несовместимости целей участников политического процесса, добавились угрозы параметрического свойства как следствие воздействия величин факторов (например, таких, как деградация окружающей среды или техногенное давление на социум). Обеспечение военной безопасности государств продолжает оставаться актуальной задачей, но к ней добавляются вызовы, связанные с возросшими ставками в сфере экономического соревнования, проблемами экологии, информации, культуры.

Одновременно меняется содержание понятия “сила”. Как отмечают американские теоретики Дж. Най и Р. О. Кохейн, это содержание всегда было размытым для государственных деятелей и аналитиков международной политики, а в настоящее время оно стало еще более трудноуловимым. Традиционный взгляд, согласно которому военная сила определяет все другие ее формы, и государство с наибольшей военной силой контролирует международные отношения – во многом продукт “холодной войны”. Но уже тогда ресурсы, обеспечивающие силовые возможности, становились более сложными. Сегодня речь идет о так называемой “мяг-

⁴ Розенау Дж. Квантификация подразумевает прежде всего поиск закономерностей // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 3, сент. – дек.

кой силе”, то есть возможностях государства по достижению своих целей невоенным путем.

Теоретики взаимозависимости обратили внимание на перераспределение силы во взаимодействии международных акторов, на перемещение основного соперничества между ними из военной сферы в сферу экономики, финансов и т. д. В этой связи увеличиваются возможности малых государств и частных субъектов международного права. Государство, сильное в какой-либо одной или даже нескольких из этих сфер (например, военной, демографической, геополитической) может оказаться слабым в других областях (экономика, энергетика, торговля). Поэтому оценка действительной силы государства предполагает учет не только его преимуществ, но и сфер его уязвимости.

3. Место и роль России в мировом геополитическом пространстве

Новый этап мирового развития, о котором было сказано выше, означает вступление передовой части мирового сообщества в стадию постиндустриализма. Это предполагает новый тип производства, экономику “человеческого капитала” как совокупности знаний, таланта, творческих начал личности и т. д. Все народы стоят перед проблемой пересмотра собственного видения современного мира, формирования индивидуально-национального взгляда на новый миропорядок, определение своего места в разворачивающихся мировых процессах. Положение России с этой точки зрения представляется достаточно сложным.

Во-первых, в 1990-е годы сократилась ресурсная база обеспечения внешней политики российского государства, включая идеологический и психологический аспект. По данным Госкомстата, с 1990 по 1999 год падение валового национального продукта (ВНП) составило 42 %. Объем валового внутреннего продукта (ВВП) за последние годы сократился почти в 2 раза. По совокупному объему ВВП Россия уступает США в 10 раз, Китаю – в 5 раз и находится в четвертой десятке стран мира (по ВВП на душу населения – во второй сотне стран мира). По уровню жизни Россия находится на

71 месте в мире, по продолжительности жизни – во второй сотне. Впятеро сократился уровень инвестиционной активности и примерно в 20 раз – расходы на научно-технические разработки. С учетом таких показателей приходится заново осмысливать геополитический статус России в современном мире, а также основные ориентиры ее внешней политики. ореол былого величия, военного могущества СССР, чьей правопреемницей выступила Россия, пришли в острое противоречие с ее экономической и военной слабостью. Стратегические просчеты во внешнеполитических вопросах еще более усугубили ее непростое положение в мире.

Во-вторых, большинство специалистов отмечают незавершившееся становление России как суверенного государства современного типа. Для соответствия статусу великой державы континентального масштаба необходимо наличие ряда условий, в числе которых: природные ресурсы и население; высокая степень внутренней стабильности и сплоченности; сильные лидеры и т. д. Главные слабости российской государственности – плохо укрепленные границы и проблемы с российским гражданством – органически связаны между собой.

В-третьих, далека от завершения и внутренняя борьба политических сил вокруг вопроса о национально-государственных интересах России; не сформировалось сколько-нибудь преобладающее общероссийское видение собственных интересов в современном мире. Даже сейчас, когда стали вполне очевидными некоторые результаты внешнеполитической деятельности российского руководства в 1990-е годы, их оценки диаметрально противоположны. Бывший министр иностранных дел А. Козырев в своих последних выступлениях утверждает, что роль и вес России в мировом сообществе по сравнению с СССР существенно выросли. Другие же авторы склоняются – в лучшем случае – к тому, что Россия проиграла 1990-е годы и сегодня является “великой державой второго ранга” или “великой региональной державой”.

Нельзя сказать, что за последние годы не было вообще никаких достижений во внешнеполитической сфере. Россию приняли в “восьмерку” – элитный клуб самых сильных и влиятельных де-

ржав мира. Она остается постоянным членом Совета Безопасности ООН с правом вето и принимает участие в решении наиболее важных глобальных проблем. Россию признали страной с рыночной экономикой и ведутся длительные переговоры по поводу ее вступления в ВТО.

Вместе с тем темпы экономического роста все эти годы оставались неустойчивыми, большинство отраслей экономики (кроме сырьевых) все еще неконкурентоспособны, а самому российскому обществу не хватает внутренней консолидации.

На рубеже XX–XXI веков Россия слабо использует свой тройной геополитический потенциал:

- интеграционного ядра Евразии;
- транзитного государства;
- развитого экономического центра.

Таким образом, пока можно говорить лишь о потенциале, перспективах и возможностях, но не о решениях, действиях и достижениях в области внешней политики. Исходя из этого, по мнению ряда экспертов, для России наиболее приемлемым способом надежного обеспечения национальной безопасности является постепенная, осторожная, но совершенно определенная интеграция в систему безопасности, общую с Западом (К. Сорокин). В конце 1990-х – начале 2000 годов для этого существовали определенные предпосылки: США и НАТО больше не рассматривали Россию в качестве противника; шла кардинальная перестройка всей системы военных приготовлений Запада с крупномасштабного конфликта на конфликты регионального типа; страны Запада были заинтересованы в том, чтобы включить Россию в общую систему безопасности.

Если бы сотрудничество с НАТО состоялось в полном объеме, это позволило бы:

- осуществить взаимную корректировку военной доктрины;
- установить постоянные отношения между соответствующими институтами, регламентирующими военную деятельность;
- осуществить обмен военнослужащими (в том числе слушателями академий).

С учетом реального веса России на международной арене эксперты в области международных отношений полагали наиболее адекватной для нее концепцию “балансирующей равноудаленности” от старых и новых центров силы. Они исходили из того, что чрезмерное сближение с любым из них окажется положением ведомого, что способно не только ущемить национальные интересы, но и подхлестнуть экстремистские настроения внутри страны. Кроме того, односторонность связей России могла бы помочь чрезмерному усилению ее визави за счет привлечения российских ресурсов. Наконец, формирование многополярности – это весьма длительный процесс, в котором есть как активные, так и пассивные участники, причем обычно они меняются ролями. Нет ничего зазорного в том, что Россия временно отнесет себя ко вторым.

Но для осуществления политики равноудаленности важнейшими условиями являются:

- сохранение полного национального контроля над технико-экономическим потенциалом и промышленными ресурсами страны;

- государственная поддержка и защита, по крайней мере, критически важных отраслей промышленности, банковского дела как внутри страны, так и за рубежом;

- создание благоприятного налогового климата для возвращения на родину российских частных вкладов в иностранных банках. Важно направленное их вложение в страны СНГ, где они давали бы скорейшую отдачу, в том числе в геополитическом плане;

- ограничение предельных объемов и сфер иностранных инвестиций в российскую экономику, которое могло бы смягчаться по мере роста российских капиталовложений вне страны;

- обеспечение высокой эффективности военного потенциала России, недопущение новых “глубоких сокращений” вооружений и вооруженных сил.

Ощутимый сдвиг во внешнеполитической деятельности России произошел между 1995 и 1996 годом, когда Министерство иностранных дел возглавил опытный политик и дипломат Е. М. Примаков. Ключевой геополитической задачей России стало регулирова-

ние отношений с бывшими советскими республиками. Контакты с государствами СНГ приобрели большую осмысленность, а усилия были сконцентрированы на самых важных геополитических проблемах. Россия деятельно вклинивалась в региональные системы баланса сил и формировала собственные альянсы (“двойки”, “тройки”, “пятерки”). Политика на западном направлении стала скорее проевропейской, чем проамериканской; была сделана ставка на союз Россия – Германия – Франция. Одновременно формировалась азиатская политика, устранившая прозападный уклон. Была выработана общая позиция с Китаем о многополярном мире, проявлено внимание к Индии и Японии, исламскому миру. Наконец, Россия попыталась расширить пространство своей внешнеполитической активности, чтобы в далекой перспективе вернуть себе статус мировой державы.

4. Внешнеполитические итоги президентства Владимира Путина и международная повестка дня нового президента России

По словам известного российского исследователя Д. Тренина, в 1999 году, когда Владимир Путин вступил на политическую арену, одной из широко обсуждавшихся тем была тема “мир без России”, поскольку дефолт 1998 года, как казалось многим, надолго поставил крест на международных амбициях Москвы⁵. Уже в своей первой статье, опубликованной накануне отставки Бориса Ельцина, В. Путин признал, что крах Советского Союза был, главным образом, следствием его экономической неэффективности. Став Президентом, В. Путин поставил цель – восстановить позиции России как великой державы, вновь превратить ее в глобального игрока, но на иной, чем у СССР, основе: не военно-идеологической, а экономической. Условия для этого складывались крайне благоприятно: В. Путину выпало быть главой государства в эпоху быстрого роста экономики России, обеспеченного в значительной степени ростом цен на энергоресурсы. В. Путин вступил на международную арену как прагматик, готовый пробовать для дости-

⁵ <http://www.c-society.ru/wind.php?ID=463547&soch=1>

жения поставленной цели разные средства и способы. Для начала он приступил к решению наиболее острых международных проблем. Отношения с Североатлантическим альянсом (НАТО), испорченные в ходе бомбежек Югославии вопреки протестам Москвы, были налажены заново; установлены тесные личные контакты с британским премьером Э. Блэром, который на некоторое время стал главным партнером и “проводником” В. Путина и в Европе, и по ту сторону Атлантики. Первый российский лидер со времен Ленина, свободно говоривший на иностранном языке, В. Путин также сблизился с германским канцлером Г. Шредером. Опираясь на этих двух партнеров, Путин игнорировал волну критики со стороны Евросоюза в связи с войной в Чечне. Политика России в отношении стран СНГ была скорректирована в сторону большего прагматизма; продолжилось сближение со странами Азии, прежде всего с Китаем, а также Индией и Японией.

С США, где в 2000 году предстояли президентские выборы, российские власти предпочитали не обострять отношения. В. Путин ждал избрания нового главы Белого дома, тщательно подготовился к первой встрече с Джорджем Бушем, установил с ним человеческий контакт, а 11 сентября 2001 года интуитивно принял верное решение – лично поддержать американского президента в момент, когда США оказались мишенью для террористов. Две недели спустя Путин, вопреки позиции своего окружения, решил поддержать операцию США в Афганистане и развертывание американских вооруженных сил и военных баз в Средней Азии.

“Это было, безусловно, стратегическое по своим масштабам решение: российскому Президенту предоставлялся шанс стать ведущим союзником Америки в совместной борьбе с мировым терроризмом. В. Путину казалось, что в этих условиях Москва могла рассчитывать на благожелательное отношение Вашингтона к своим основным интересам”, – считает Д. Тренин⁶.

Однако Соединенные Штаты по-прежнему продолжали относиться к России как к младшему партнеру, занимая ее позиции на постсоветском пространстве и отказываясь считать последнее сфе-

рой жизненных интересов России. Следующим этапом в ухудшении российско-американских отношений стало американское вторжение в Ирак и особенно – “цветные революции” в Грузии и на Украине, расширение ЕС и НАТО на Восток. С момента вторжения США в Ирак стратегическое партнерство Москвы и Вашингтона резко пошло на убыль. Белый дом и особенно Пентагон уже не особенно нуждались в помощи России, а в Москве в акциях США увидели опасный симптом стремления к силовой гегемонии. Отсюда стремление российского руководства взять реванш за унижительные уступки 1990-х годов и вернуть России положение в клубе великих держав, установив с ними диалог на равных, а российскому обществу – веру в могущество и независимость страны. Последние два определения являются ключевыми для характеристики внешнеполитического проекта В. Путина, реализуемого российской дипломатией.

В результате охлаждения российско-американских отношений сформировался новый союз – блокирование Парижа, Берлина и Москвы с целью “дружественного сдерживания” США. В. Путин еще в начале своего первого президентства провозгласил “европейский выбор” России и в условиях растущих цен на энергоносители рассчитывал на политическое, но, прежде всего, экономическое сближение РФ и стран Евросоюза. Опираясь на тесные личные связи с руководителями Германии, Франции, Италии, Испании, он стремился выстроить отношения позитивной взаимозависимости, основанные на взаимопроникновении капиталов.

Однако с началом “дела ЮКОСа” отношения с Западом надломались, а 2004 год – год расширения ЕС и НАТО, террористического акта в Беслане и “оранжевой революции” на Украине – стал и вовсе поворотным в отношениях России и ее новых партнеров. После бесланской трагедии В. Путин фактически обвинил США в проведении политики, направленной на ослабление России и ее расчленение. События на Украине, где российский Президент потерпел тяжелое личное поражение (он дважды поздравил с победой В. Януковича, а Президентом стал В. Ющенко) стали трактоваться не только как спецоперация США по отрыву Украины от России, но как создание плацдарма для осуществления “оранжевого сценария” в Москве.

⁶ <http://www.c.society.ru/wind.php?ID=463547&soch=1>

В этой обстановке прежние попытки интеграции в структуры Запада оказались несвоевременными. Вчерашние партнеры, прежде всего американцы, вновь предстали в виде традиционных соперников. Признав союз с Западом, к которому стремились М. Горбачев и Б. Ельцин, бесплодным и бесперспективным, российское руководство решило проводить самостоятельную линию, время от времени вступая в ситуативные связи с самыми различными партнерами – по своему выбору.

В начале правления В. Путина многие одобряли деидеологизированный прагматизм российской внешней политики. После “оранжевого шока” идеологическая нагрузка появилась. Тезис о “суверенной демократии” – при всей его сомнительной и совершенно необязательной “научности” – крайне важен для понимания исходной точки и пункта назначения политики Кремля. “Суверенность” России означает ее формальную и фактическую независимость от Запада – США и Евросоюза. Это главная часть формулы, – считает Д. Тренин. – “Демократия” содержит претензию на качественное равенство с Западом, переставшим восприниматься в качестве “учителя жизни”. Российская демократия опирается не столько на институты, а, как подчеркивает президент Путин, на доверие народа своим руководителям. Таким образом, формула “суверенной демократии” посылает сигнал Западу: мы не ниже вас и не хуже вас. Что же до ролевой модели, то в мире, с точки зрения Кремля, существует – помимо России – только одна настоящая суверенная демократия. Это США. Остальные либо недостаточно суверенны, либо недостаточно демократичны”⁷.

Рассчитавшись с долгами, Россия обрела не только “свободу слова”, но и свободу рук на международной арене. В. Путин, в отличие от самого себя восемь лет назад, отвергал связывающие союзы (например, гипотетическую возможность вступления России в НАТО), допуская участие в интеграции либо на глобальном уровне (G-8, ВТО, ОЭСР), либо при ведущей роли РФ (на постсоветском пространстве). Единственный из лидеров “восьмерки”, он

общался с руководителем Венесуэлы У. Чавесом, лидерами радикального палестинского движения ХАМАС, имеющими скандальную репутацию в мировой политической элите. С Ираном Россия продолжила сотрудничество в области ядерной энергетики, поставляя ему системы ПВО и другие вооружения. Не отказываясь от европейского происхождения России, президент РФ подчеркивал ее евразийскую “прописку”, претендуя на глобальный статус страны, ее право на полноценное участие в формировании универсальных ценностей и мировой повестки дня.

Отсюда западные ценности, принимавшиеся в 1990-е годы за общечеловеческие, оказались сведенными до частного случая. Ценностной основой общества все громче провозглашается православие. Российское руководство при этом не намерено ограничиваться границами РФ: В. Путин лично способствовал воссоединению Московского патриархата с Зарубежной церковью. Выступление Патриарха всея Руси Алексия II в Страсбурге ознаменовало предъявление особого “русско-православного взгляда” европейской аудитории. Тем самым Россия пытается выступать в роли защитницы традиционных, то есть христианских ценностей Европы – одновременно представляясь защитницей ислама в ранге наблюдателя в Организации исламская конференция. Отвергая претензии ОБСЕ и Совета Европы на универсальную компетентность в вопросе прав и свобод человека, представители РФ заявили о создании общественного Института свободы и демократии с отделениями в Нью-Йорке (руководитель – А. Мигранян) и Париже (руководитель – Н. Нарочницкая).

Информационное продвижение России в мире отмечено проведением под председательством В.Путина международных форумов беспрецедентного уровня и масштаба: празднования 300-летия С.-Петербурга (2003), 60-летия Победы (2005), саммита “Восьмерки” (2006). Впереди – Зимняя Олимпиада в Сочи (2014) и саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во Владивостоке (2012). Заработал – на английском и арабском языках – круглосуточный телеканал Russia Today. В газетах Washington

⁷ <http://www.c.society.ru/wind.php?ID=463547&soch=1>

Post и Daily Telegraph стали регулярно появляться вкладыши с политической и экономической информацией о России. Сам Владимир Путин, стартовавший в политику из почти полной неизвестности, стал человеком года-2007 по версии журнала Time.

Тем не менее, имидж России за последние четыре года существенно ухудшился, несмотря на повышение кредитных рейтингов. “Дело Литвиненко” спровоцировало невиданное обострение критики в отношении не только конкретных действий, но всей внутренней и внешней политики российских властей и лично В. Путина. С точки зрения Кремля, такая реакция Запада означала одно: возвращение России на мировую арену стало восприниматься как реальная угроза однополярному миропорядку, сложившемуся в результате окончания холодной войны и распада СССР.

Принято считать, что мюнхенская речь Владимира Путина в феврале 2007 года открыла новый этап российской внешней политики. “В действительности она лишь завершила поворот, обозначившийся тремя-четырьмя годами раньше. Смысл поворота – в возвращении России в положение самостоятельного, не связанного никакими подчиненными отношениями с Западом, игрока на международной арене”⁸.

Материальная основа российской внешнеполитической самостоятельности очевидна. Это – практически выплаченный внешний долг РФ, резко возросшие валютные резервы, многократно увеличившиеся размеры экономики (ВВП – 1,25 трлн долл. против 200 млрд в 2000 году, 8-е место в мире). Эти показатели основываются на устойчивом экономическом росте последних девяти лет. То, что этот рост достигнут во многом – по некоторым оценкам, на 50 % – благодаря высоким ценам на энергосырье, – факт, не отменяющий самой реальности роста. В 1970-е годы, как известно, советское руководство не сумело грамотно распорядиться нефтяными доходами, столкнувшись спустя 10 лет с жесточайшим валютным кризисом.

Международная политическая конъюнктура так же благоприятствует России, как и конъюнктура цен на энергоносители.

Начиная с 2005 года мировая сверхдержава США испытывает возрастающие трудности в Ираке, а также в Афганистане, куда переместился центр тяжести практической деятельности НАТО. Разговоры об общем кризисе американской внешней политики стали общим местом. В последнее время к ним добавились размышления об ослаблении американской финансовой мощи. Расширившийся Европейский Союз по-прежнему поглощен проблемой внутренней интеграции. Китай продолжает неуклонное возвышение, но его отношения с Россией остаются устойчиво дружественными. Возрастает международный вес других развивающихся стран – Индии, Бразилии, ЮАР. “Многополярный мир” принимает реальные очертания.

Таким образом, Мюнхен-2007 – это, прежде всего, смена *тактики* российской внешней политики. От глухого выражения недовольства действиями США – к публичному оппонированию им. От жалоб на неучет российских интересов – к односторонним действиям по обеспечению этих интересов. От возмущения западной критикой действий российских властей – к язвительным выпадам в адрес обидчиков, к “зачистке” инструментов их влияния (в первую очередь, неправительственных организаций) на территории России и переносу дискуссий на поле оппонента. Мюнхен и все, что вслед за ним последовало, – это попытка *принуждения к партнерству* на условиях Кремля. В сжатом виде эти условия сводятся к следующей формуле: принимайте нас такими, как есть, и не вмешивайтесь в наши внутренние дела; ведите дела с нами, как с равными себе; там, где наши интересы пересекаются, решение может быть только компромиссным. Мы уступим, только если уступите вы.

Что дала такая политика? Россия резко обозначила пункты расхождений с Западом. Проблемы контроля над вооружениями на всех уровнях – стратегическом оборонительном и наступательном (проблема ПРО в Европе и договор СНВ-1), средних ракет (договор по РСМД), обычных вооружений в Европе (ДОВСЕ) – вновь оказались в центре российско-американских и отчасти российско-европейских отношений. Москва сделала Вашингтону серьезное предложение по ПРО, направленное на превращение американско-

⁸ <http://www.c.society.ru/wind.php?ID=463547&soch=1>

го проекта в американско-российский. Россия искренне добивается продолжения процесса по СНВ, “глобализации” РСМД и ратификации адаптированного ДОВСЕ. Чтобы продемонстрировать свою решительность, Москва приостановила действие первоначального договора ДОВСЕ как “безнадежно устаревшего”.

Не останавливаясь на этом, Россия пошла на ограниченную демонстрацию военной силы в воздухе и на море. Стратегические бомбардировщики вновь, как 20 лет назад, проверяют надежность систем ПВО США и их союзников по НАТО, а атомный крейсер “Адмирал Кузнецов” с небольшим отрядом кораблей возвращает Андреевский флаг в Средиземное море. Другая эффектная демонстрация была организована на суше в центре России – в ходе “антитеррористических” учений Шанхайской организации сотрудничества, в которой наряду с хозяевами участвовал довольно многочисленный контингент Народно-освободительной армии Китая. Полеты российских стратегических бомбардировщиков в Венесуэлу, патрулирование вдоль американских берегов вызвали крайнее неудовольствие администрации Дж. Буша.

На уровне вопросов региональной безопасности РФ отказалась “разменять” косовскую проблему на ряд текущих уступок со стороны Запада, поставив США и ЕС в неприятное положение. Последним предстояло либо принять российский подход (неограниченные во времени переговоры между Сербией и властями Косово до тех пор, пока диаметрально противоположные позиции не сойдутся в какой-то неопределенной точке), либо идти на нелегитимные действия (признание односторонне провозглашенной независимости). Как известно, был принят последний вариант, что создало опасный прецедент для “замороженных конфликтов” на постсоветском пространстве и в других регионах.

Наконец, российские власти недвусмысленно дали понять США и Европе, что не желают более подвергаться унижительной процедуре “выставления отметок за демократию” со стороны инспекторов из Бюро по правам человека и демократическим институтам ОБСЕ. Наблюдение за думскими выборами 2007 года и за президентской кампанией 2008 года было организовано с целью

дать понять, что все происходящее есть внутреннее дело России. Москва не считает необходимым или интересным для себя инспектировать других, и не допустит, чтобы другие проверяли ее.

В отличие от периода “холодной войны”, “сумма игры” в новом раунде российско-западных отношений не обязательно будет нулевой (выигрыш одного = проигрыш другого), но в отличие от периода “стратегического партнерства” она не обязательно будет и положительной для всех. И Россия и Запад могут совместно проиграть, хотя и в разной степени. Ставки в игре вновь поднялись, и значение стратегического планирования и дипломатического искусства резко возросло.

Особенность российского “принуждения к партнерству” заключается в использовании силовой дипломатии не для возрождения противостояния, а для обеспечения выгодных условий сотрудничества. Задиристую тактику, однако, можно принять за конфронтационную стратегию. В прошлом СССР много терял, когда его оборонительные, по сути, шаги (размещение ракет на Кубе, установка ракет СС-20 в Европе, вторжение в Афганистан) воспринимались Западом как агрессивные и провоцировали реакцию, ухудшавшую международное положение страны. Традиционно слабая сторона российской внешней политики – неумение достоверно объяснить с Америкой и Европой.

Но речь идет не только о стилевом оформлении высказываний официальных лиц. В сфере военной безопасности выход РФ из системы договоров, все еще определяющих военно-политические отношения в Евро-Атлантическом регионе, может создать новую, уже ничем не регулируемую ситуацию. Первоначальный договор ДОВСЕ устарел, а адаптированный не ратифицирован и содержит ограничения для РФ и лазейки для партнеров. Кроме того, есть соблазн “вскрыть” договор по средним ракетам, чтобы под прикрытием угроз в адрес “партнеров” на Западе укрепить потенциал применения силы на юге и потенциал сдерживания на востоке. Однако без системы договоров по контролю над вооружениями стратегическое положение России в обозримой перспективе становится более уязвимым.

Даже принимая тезис о неконфронтационности внешней политики России, нельзя не замечать, что военная политика РФ, оставаясь в принципе оборонительной, рассматривает США в качестве вероятного противника. Совместная борьба с терроризмом и другими современными вызовами отошла на третий план. Политический облик войн будущего вновь приблизился к классическим образцам XX века. Уже не только система вооружений, но и военная доктрина и практика боевой и оперативной подготовки ВС РФ нацелена на сдерживание США в готовности дать отпор их действиям. Логика сдерживания такова, что подобная установка генерирует враждебность и восстанавливает инфраструктуру конфронтации.

Сосредотачиваясь на США как вероятном противнике, политика РФ “рикошетом” бьет по Европе. Российские власти предупредили Варшаву и Прагу о том, что размещение на их территории элементов американской глобальной системы ПРО вынудит Россию нацелить на эти объекты российские ракеты. Говорилось также о возможности размещения российских ракетных систем и ядерного оружия в Калининградской области и Белоруссии (ракетный комплекс “Искандер”). Пока что речь идет о психологической работе с “геополитическими перебежчиками” (Чехией и Польшей), но если такая линия продолжится, то Россия может спровоцировать реакцию, обратную желаемой: европейцы – не только центральные, но и западные – не отшатнутся от США, а прислонятся к ним для защиты от “новой русской угрозы”.

В этом и коренится главная проблема “принуждения к партнерству”. Если России удастся договориться с Западом о новых правилах игры, она может повысить свой статус и укрепить безопасность. Если же договоренности достичь не удастся, то инерция силовой дипломатии и накал антизападной риторики будут толкать Россию туда, куда ей не нужно – к конфронтации, которую решительно отвергают в своих выступлениях Президент Д. Медведев, премьер В. Путин и глава внешнеполитического ведомства С. Лавров. Собственно, все они говорят об опасности противостояния, но видят ее корни исключительно в политике США. Будущие истории могут с такой трактовкой не согласиться.

Выступая в Мюнхене, Президент Путин обозначил ревизию концовки “холодной войны” в качестве главной цели внешней политики на западном направлении. “Полувыход” из ДОВСЕ и финансовые санкции против ОБСЕ представляют собой частные моменты. Главное – сведение роли США до положения “первого среди равных” и формирование многополярного мира. Управление таким миром видится на основе “концерта держав”, созданного по подобию “Священного союза” XIX века или реально функционирующего Совета безопасности ООН. Широко распространено представление, что роль и влияние традиционного Запада снижается на фоне возвышения новых центров силы: Китая, Индии, Бразилии (коллег РФ по группе БРИК), а также ЮАР, Ирана, Индонезии и др.

В этой связи растет значение отношений РФ с Китаем. В начале президентства В. Путина в Пекине беспокоились относительно нового вектора внешней политики России. Больше всего там опасались, естественно, российско-американского сближения, наметившегося сразу после 11 сентября. В. Путин, однако, взял курс на стратегическое партнерство с Китаем, хотя реальное наполнение этого проекта и его перспективы остаются неясными. Главное достижение В. Путина на сегодняшний день – окончательное решение вопроса о границе между РФ и КНР. Шанхайская организация сотрудничества превратилась в важный региональный форум. От военно-технического сотрудничества РФ и КНР перешли к совместным военным учениям. Заработал в первом приближении казавшийся фантастическим “треугольник Примакова” – тройственное дипломатическое взаимодействие России, Китая и Индии. Правда, несмотря на регулярные визиты и декларации, Индия по-прежнему остается в глубоком резерве российской политики, остальные страны Восточной Азии в лучшем случае лишь обозначены в политике Москвы.

Балансируя между более крупными международными величинами, Россия в 2000-е годы стремилась выстроить собственный центр силы в Евразии – на пространстве от ЕС на западе до КНР на востоке, от Северного полюса до бывшей южной границы Рос-

сийской империи и СССР. Расчет делается на то, что российская экономика, как наиболее мощная, сможет выступить в роли магнита по отношению к экономикам других стран СНГ. Экспансия российских компаний в странах СНГ станет реальным интегратором евразийского пространства. Возросший политический вес РФ позволит ей оказывать реальную поддержку дружественным режимам и эффективнее обеспечивать региональную безопасность. Наконец, русский язык, образование, наука, культура (в том числе массовая) могут сформировать вокруг России русскоцентричное гуманитарное пространство.

Однако практика пока не полностью оправдывает этот расчет. В политической области РФ за последние восемь лет не удалось урегулировать ни одного конфликта на постсоветском пространстве: все они до недавнего времени пребывали в замороженном состоянии. В августе 2008 года грузинские войска попытались силой овладеть Южной Осетией, но получили отпор со стороны России. Вслед за этим российский парламент и Президент Д. Медведев приняли решение о дипломатическом признании Южной Осетии и Абхазии по их просьбе, чем вызвали резкую критику со стороны государств Евросоюза и США.

В экономической области интеграция происходит медленно. Отмена имперских преференций, или, говоря словами министра иностранных дел С. Лаврова, “взаимная экономическая эмансипация” сопровождалась издержками, которые можно было бы радикально сократить – например, в ходе новогоднего газового кризиса 2006 года и 2009 года с Украиной. В области безопасности способность и готовность Москвы оказать действенную поддержку дружественным режимам (например, узбекскому) в случае серьезного кризиса трудно определить. Русский язык уже сейчас вынужден конкурировать с национальными и другими иностранными языками и культурными влияниями, и сфера его применения в пределах бывшего Союза пока что снижается.

Существенная проблема внешней политики России – ее растущее одиночество. Многополярность означает не успешное разрешение всех проблем, связанных с гегемонией США, а наоборот,

дальнейшее усложнение правил игры. Даже если Россия действительно войдет к 2020 году в пятерку ведущих экономик мира, ее отрыв от лидеров – США, ЕС и Китая – будет многократным: 3–4 % глобального ВВП против 20 % у каждого из гигантов. Удерживать равновесие в таком случае будет не просто, а претендовать на равенство – еще сложнее.

Несмотря на все заверения официальных лиц, настроения российской правящей элиты еще не устоялись и колеблются подобно маятнику: едва Запад перестал быть моделью для безусловного подражания, как он сразу же превратился в заклятого недруга. Однако разрыв с Западом в принципе невозможен, во-первых, по экономическим соображениям (необходимость модернизации страны), а во-вторых, учитывая личные мотивы современной российской элиты, которую связывают с Западом банковские счета, недвижимость, образование, а возможно, и будущее детей. Недостаточная зрелость элиты в принципе преодолима, но некоторые конкретные шаги государства могут оказаться опаснее: есть риск, что они загоняют Россию в тупик, ограничивая ей возможности для маневра. Конечно, для полномасштабного переиздания холодной войны оснований пока нет, но затяжные заморозки *одновременно* в отношениях с США и Евросоюзом однозначно противоречат интересам России.

Таким образом, за восемь лет президентства Владимира Путина международные позиции России усилились. Решающую роль сыграло укрепление финансового положения страны благодаря повышению цен на энергоносители, а также связанному с этим повышением общему экономическому росту. Осуществленная Путиным централизация власти в стране и реализация контроля государства над бизнесом, а бюрократии – над государством привели к формированию “корпорации Россия”, отдельные элементы которой – “Газпром”, “Роснефть”, “Росатом” и др. – приступили к активной международной экспансии. Целенаправленное продвижение российских экономических интересов за рубежом стало важнейшей чертой внешней политики В. Путина. Одновременно удалось стабилизировать ситуацию в вооруженных силах и восста-

новить державный патриотизм в качестве официальной идеологической платформы. Главный результат – самоутверждение России в роли отдельно стоящей великой державы.

Результаты собственно внешнеполитической деятельности скромнее. Попытка РФ встроиться в Запад на своих условиях оказалась неудачной, а на условиях США и ЕС – неприемлемой. Единичное плавание, которое подается как единственно соответствующее исторической традиции и национальным интересам страны, проходит бурно. Политические отношения с США и большинством стран ЕС стали натянутыми, с некоторыми соседями обострились. В отношениях с Китаем главное (и бесспорное) достижение – соглашение о границе, что само по себе говорит о многом. Однако растущая сверхдержава Китай будет использовать “российскую карту” в своей главной игре с Вашингтоном, но уже не позволит России играть первую скрипку в Центральной Азии, используя при этом инструментарий “мягкой безопасности” и ни в коем случае не соглашаясь на так называемые стратегические союзы на антизападной основе, особенно с применением военных средств. Соседи по СНГ скорее отдалились от России, чем сблизились с ней: на пространстве СНГ усиливаются центробежные тенденции. Российская “энергетическая стратегия” как детерминанта геополитического влияния будет оставаться таковой до тех пор, пока Запад не разработает альтернативные источники энергии, что, вероятнее всего, произойдет в ближайшие 10–15 лет. Между тем грань между жесткой конкуренцией и конфронтацией – а именно на этом стыке стремится сейчас удержаться российская внешняя политика – тонка и почти незаметна. Играть на этой грани способны лишь виртуозы.

До сих пор единственным подлинным субъектом внешнеполитической деятельности России был ее Президент. Личность Владимира Путина наложила огромный отпечаток на международное поведение страны. Путин привык доверять, главным образом, правительственной информации и анализу. Российский Президент довольно быстро вошел во вкус личной дипломатии и преуспел в налаживании контактов с коллегами, среди которых он выгодно выделялся знанием деталей, уверенностью в себе и боевым

отношением к прессе. “Другие официальные лица”, в основном, выступали в качестве помощников главы государства или его посыльных. Администрация Президента после ухода А. Волошина отстранилась от иностранных дел. Совет безопасности после кратковременного секретарства С. Иванова был едва заметен. Министерство иностранных дел при И. Иванове и С. Лаврове действовало профессионально, с нарастающей напористостью. Однако обе палаты Парламента перестали играть существенную роль даже в содержательном обсуждении внешнеполитической деятельности, не говоря уже о контроле над правительством. Силовые и правоохранительные ведомства, напротив, чаще задействовались на целом ряде направлений – от контроля над вооружениями до контроля над неправительственными организациями. Общественный интерес к внешней политике сохранился и даже отчасти увеличился, но уровень и качество критического анализа действий Правительства снизились из-за общего снижения спроса на критический анализ. Степень восприимчивости власти к мнению оппозиции практически нулевая. Напротив, поднялось значение внешнеполитической пропаганды – как внутри страны, так и вне ее.

Международная повестка дня третьего Президента РФ Д. Медведева будет определяться долгосрочными целями, которые были сформулированы при Владимире Путине. Это – превращение России в крупную современную экономическую державу с развитым энергетическим сектором, но с диверсифицированной экономикой. Это – реализация потенциала “мягкой силы” России в таких сферах, как наука и технологии; образование; наука и культура; язык; индустрия развлечений. Это – превращение РФ в глобальную державу, способную продвигать свои национальные интересы повсюду в мире и при необходимости защищать их. Это, наконец, утверждение РФ в качестве трансрегиональной державы – лидера сообщества государств в новой Восточной Европе, Центральной Азии и на Кавказе, ключевого фактора международной политики в Европе, Азии и на Ближнем и Среднем Востоке.

Новый глава российского государства Д. Медведев, вероятно, изменит стиль президентской дипломатии, который за последнее

время стал неоправданно резким. Более серьезное внимание будет уделяться содержательному аспекту политики. По поводу третьего позиционного района ПРО США в Европе, нового расширения НАТО и раскручивающейся гонки вооружений уже сказано немало, однако опасения Москвы могут стать самосбывающимися. “Превентивные удары” против “попыток определенных сил на Западе втянуть Россию в конфронтацию и гонку вооружений” могут лишь ускорить наступление конфронтации и сделать гонку вооружений неизбежной.

Российскому руководству понадобится немало выдержки и терпения в выстраивании непростых отношений с новой американской администрацией во главе с Президентом Б. Обамой. “Американский параметр” традиционно остается главным во внешней политике России и сегодня рассматривается как одно из серьезных препятствий укрепления ее международных позиций. Сегодня напряжение между двумя странами нарастает по большинству мировых проблем, сотрудничество уступает место соперничеству, углубляются идеологические расхождения, прежде всего, в вопросах демократии и прав человека, которые не могут быть стабилизированы экономическими связями, как в случае с Китаем, поскольку эти связи остаются крайне ограниченными. В 2005 году российско-американский товарооборот не превышал 19,2 млрд долларов. Доля России во внешней торговле США и в их экспорте капиталов составляет менее 1 %⁹.

Требуется серьезная аналитическая работа для того, чтобы составить верное представление о современных США, их перспективах и их политике. Необходима продуманная стратегия завязывания диалога на различных уровнях и во всех значимых сферах между россиянами и американцами. Нужно создавать максимально широкую основу для деловых и культурных связей между РФ и США, надо учиться современным способам и приемам лоббирования своих интересов в Вашингтоне. Ближайшая возможность для этого – предстоящее вступление РФ в ВТО и обсуждение вопроса

⁹ См.: Стрельцова Я. Р. Европейский взгляд на внешнюю политику России // Политические исследования. 2008. № 6. С. 174.

о статусе двусторонней торговли. Проблемы международной безопасности и региональной стабильности требуют самого тесного взаимодействия Москвы и Вашингтона. Предложенный В. Путиным проект создания новой архитектуры глобальной безопасности, основанный на балансе интересов всех членов международного сообщества, отвечает интересам не только России, но имеет также сторонников во Франции, Китае, Индии, Бразилии и других странах. Однако для достижения этих целей необходимо налаживание взаимного доверия между Россией и Америкой. Нужно исходить из того, что дружественная Америка – огромное подспорье в деле российской модернизации, а враждебная – серьезный тормоз для нее.

Огромным ресурсом для российской модернизации является Европейский Союз. Необходимо терпеливо продолжать выстраивать отношения экономической взаимозависимости между РФ и ЕС. Европа – самый значимый по протяженности общих границ сосед России. На Европу приходится более половины внешнеторгового оборота России. ЕС является главным источником прямых иностранных инвестиций в Россию. Все самые крупные российские газо- и нефтепроводы проходят через Европу. На очереди реализация северо-европейского проекта газопровода, который будет осуществлять прямые поставки в Германию с 2010 года, южно-европейского, связывающего Россию, Болгарию и Италию, и нефтепровода Бургас – Александрополис (с Болгарией и Грецией), предусматривающие доступ России к европейской системе распределения энергоресурсов. Для России это означает, что именно благодаря продаже энергосырья в Европу страна богатеет и приобретает все большую уверенность в собственных силах.

Однако европейцев озадачивают не столько российские решения по тем или иным вопросам, сколько то, в какой тональности они преподносятся российскими руководителями. Это только усугубляет недоверие с обеих сторон, в результате которого утрачивается взаимный интерес. Ни Россия, ни ЕС не могут сформулировать общие стратегические цели и, как констатировала в феврале

2004 года Европейская Комиссия, существенного прогресса в отношениях Россия – ЕС не произошло¹⁰.

В отношениях с Китаем не меньше, чем в отношениях с США требуется налаживание доверительного диалога. Достоверное знание и глубокое понимание современного Китая приобретают фундаментальное значение для будущего российской внешней политики. России еще предстоит выработать стратегию сбалансированного партнерства с быстро развивающимся и уже радикально усилившимся соседом. Эта стратегия должна быть вписана в более широкую азиатскую стратегию России, в центре которой стоят вопросы развития Сибири и российского Дальнего Востока. Принципиальное значение в этой связи приобретает использование потенциала отношений с крупнейшими экономиками Восточной и Южной Азии: японской, корейской и индийской, – а также со странами Тихоокеанского бассейна, в том числе США, Канадой и Австралией.

В “ближнем круге” соседей России необходимо быстрее продвигаться к созданию единого экономического пространства – фактически “общего рынка” с Казахстаном, а по мере формирования благоприятных условий – также с Белоруссией. ЕвразЭС выступает в качестве второго эшелона интеграционных процессов. Организации Договора о коллективной безопасности требуется большая четкость в отношении мандата. Формирование общего пространства безопасности – не классического военного блока – требует новых подходов. Роль СНГ как профильной организации общего гуманитарного пространства, очевидно, возрастает, в то время как другие аспекты ее деятельности перестают быть актуальными. Миротворческие операции, осуществляемые Россией по мандату СНГ, должны быть решительно поддержаны реальными усилиями по конфликтному урегулированию.

Контрольные вопросы

1. Что такое мировой политический процесс? Какова его структура?

¹⁰ См.: Стрельцова Я. Р. Указ. соч. С. 175.

2. Назовите основные тенденции развития мирового политического процесса на современном этапе.

3. Какова роль России в мировом геополитическом пространстве?

4. В чем заключаются внешнеполитические итоги правления В. Путина?

5. Что представляет собой международная повестка дня для нового Президента РФ Д. А. Медведева?

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т. А. “Реванш кочевников” или ценностное осмысление глобализации / Т. А. Алексеева // Мировая политика : проблемы теоретической идентификации и современного развития. Ежегодник 2005. – М., 2006. – 504 с. (С. 11–31).

2. Баталов Э. Я. Человек, мир, политика / Э. Я. Баталов. – М., 2008. – 330 с.

3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. / З. Бауман. – М., 2004. – 188 с.

4. Бек У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М., 2008. – 336 с.

5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М., 2000. – 384 с.

6. Богатуров А. Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе / А. Д. Богатуров // Там же. – С. 273–302.

7. Гидденс Э. Последствия Модернити / Э. Гидденс // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 101–122.

8. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М., 2004. – 120 с.

9. Караганов С. Новая эпоха противостояния / С. Караганов // Россия в глобальной политике. – 2007. – № 4. Июль – авг. – Т. 5. – С. 58–69.

10. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000. – 606 с.

11. Косачев К. Россия и Запад : наши разногласия / К. Косачев // Там же. – С. 46–57.

12. Крастев И. Россия как “другая Европа” / И. Крастев // Там же. – С. 33–45.

13. *Лавров С.* Сдерживание России : назад в будущее? / С. Лавров // Там же. – С. 8 – 21.

14. *Лебедева М. М.* Мировая политика : учеб. для вузов / М. М. Лебедева. – М., 2003. – 351 с.

15. *Пархалина Т.* Российская внешняя политика: Основные тенденции / Т. Пархалина // Два президентских срока В. В. Путина: Динамика перемен : сборник научных трудов / РАН ИНИОН ; отв. ред. и сост. Н. Ю. Лапина. – М., 2008. – С. 241–267.

16. *Петровский В. Е.* От империи к открытому миру : о внешней политике России переходного периода / В. Е. Петровский. – М. : РОССПЭН, 2007. – 208 с.

17. *Пляйс Я. А.* Трансформация систем международных отношений в XX в. / Я. А. Пляйс // Там же. – С 198–224.

18. *Уткин А. И.* Глобализация: процесс и осмысление / А. И. Уткин. – М., 2001. – 192 с.

19. *Фомин С. А.* Обеспечение национальной безопасности : курс лекций / С. А. Фомин. – М. : Флинта, 2007. – 224 с.

20. *Faesler P. E.* Globalisierung / P. E. Faesler. – Boehlau, 2007. – 240 s.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные в настоящем пособии некоторые узловые аспекты политических процессов не исчерпывают всего их многообразия в современном мире и в России. Мир переживает невиданный доселе процесс глобализации, включая такие его измерения, как финансовое, производственное, институциональное, а также духовно-интеллектуальное. Под воздействием этого процесса качественно меняется роль политической системы и, прежде всего, государства, берущего на себя ответственность за создание условий для постоянного самообновления общества, сохранение его способности к эффективному соревнованию в жестких экономических и политических условиях современного мира. Не менее важной становится мобилизация наличных ресурсов и их эффективное использование в наиболее перспективных областях: образовании, науке, здравоохранении. Целью этих гигантских усилий является повышение потенциала жизнеспособности общества и его конкурентоспособности на мировой арене. Не случайно государственные деятели России: Президент Д. Медведев и премьер-министр В. Путин сегодня заявляют о наступлении качественно нового этапа в развитии страны, предлагая долгосрочную стратегию до 2020 года. Российское общество столкнулось с важнейшим для себя выбором между инерционным и инновационным путями развития, и этот выбор представляется судьбоносным для страны и ее граждан. Как известно, главную ответственность за глубокие общественные преобразования несет политическая система, все ее структуры, институты и субъекты. Возникает повышенный спрос на политику “стратегических приоритетов”, способную обеспечить достижение равенства возможностей и повышение социальной мобильности населения. Одновременно это будет способствовать укреплению политической системы, усилению ее легитимности и уменьшению склонности различных социальных групп к крайним формам протеста.

Вместе с тем ближайшее будущее мира и отдельных стран, включая Россию, вряд ли будет спокойным. На смену одним, вполне “прирученным” конфликтам приходят другие, стремительно расширяется количество и разнообразие политических проблем, с которыми граждане обращаются к власти. Только ответственная и социально

отзывчивая власть в состоянии не просто обезопасить общество от гибельных для него деструктивных процессов, но и дать достойный и адекватный ответ на те исторические вызовы, с которыми человечество столкнулось на пороге XXI века. Но эта задача по плечу только демократической власти, опирающейся на поддержку гражданского общества и несущей строгую ответственность перед ним.

Учебное издание

Глухова Александра Викторовна

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Учебное пособие

Редактор Ю. С. Гудкова

Компьютерная верстка и дизайн Н. А. Сегида

Подписано в печать 12.05.2009. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 16,3.
Тираж 300 экз. Заказ 291.

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета.
394000, г. Воронеж, пл. им. Ленина, 10. Тел. (факс) +7 (4732) 598-026
[http:// www.ppc.vsu.ru](http://www.ppc.vsu.ru); e-mail: pp_center@ppc.vsu.ru

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра
Воронежского государственного университета.
394000, Воронеж, ул. Пушкинская, 3